

1990

ЗАРУБЕЖНЫЙ СПОРТ Факты и комментарии

1990 ОЛИМПИЙСКИЙ

МЭЖ

ЗАРУБЕЖНЫЙ СПОРТ
факты и комментарии

МОСКВА «ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ» 1990

ББК 75.4
О-54

Составители: А. А. ИСАЕВ, Н. Б. ЛОПАТЕНКО

Олимпийский глобус: Сб./Сост. А. А. Исаев,
О-54 Н. Б. Лопатенко.— М.: Физкультура и спорт,
1990.— 224 с., ил.
ISBN 5-278-00227-1

Традиционный сборник посвящен проблемам международного
спортивного движения. В него вошли различные материалы совет-
ских и зарубежных авторов.

Для широкого круга читателей.

0 4201000000-079 34-90
009[01]-90

ББК 75.4

ISBN 5-278-00227-1

© Издательство «Физкультура и спорт», 1990

ОЛИМПИЙСКАЯ ТРИБУНА

■ ДЕНЬ МИНУВШИЙ,
ВЕК ГРАДУЩИЙ ■

■ ВОЗМОЖЕН ЛИ ГУМАНИЗМ
В СОВРЕМЕННОМ СПОРТЕ? ■

В этой рубрике — два материала, отражающие разные мнения, противоположные точки зрения на современное развитие олимпийского движения и деятельность Международного олимпийского комитета. Предлагаем читателям познакомиться с тем и другим: они дают пищу для размышлений. Надеемся, что читатели сами разберутся, чья точка зрения более объективно отражает тенденции развития международного олимпийского движения.

ВЛАДИМИР ГЕСКИН

ДЕНЬ МИНУВШИЙ, ВЕК ГРЯДУЩИЙ

Когда составители «Олимпийского глобуса» предложили мне написать для сборника статью о проблемах международного олимпийского движения, сразу же вспомнилась давняя, но так до сих пор и не реализованная идея — изложить свои мысли по этому поводу в форме фантастического рассказа.

Сюжет в принципе прост. В середине четвертого тысячелетия Межпланетная академия наук снаряжает на Землю, давно покинутую людьми, комплексную экспедицию. Среди других в составе этой экспедиции — молодой астроархеолог, которому предстоит провести раскопки на берегах бывшего Женевского озера. Бывшего — потому что самого озера давно уже нет, как нет на Земле и жизни: катастрофический экологический катаклизм, заставивший человечество бежать на другие планеты, изменил облик Земли до неузнаваемости.

Во время раскопок молодой астроархеолог обнаруживает под многометровым слоем ила и грязи развалины странного города со множеством стадионов. Чтобы понять, что это за город, ученому приходится запросить архивные материалы. Таких материалов совсем мало, но все-таки становится ясно: это Лозанна, олимпийская столица Земли в конце второго — начале третьего тысячелетий, и именно здесь накануне катастрофы регулярно проводились Олимпийские игры.

Астроархеолог ошарашен своим открытием: память об Играх почти стерлась, так что многие серьезные ученые вообще склонны считать их вымыслом. Вот о соревнованиях древних греков осталось немало данных, но чтобы потом Игры были возрождены — нет, это легенда, сказка, не более. Молодой исследователь с утроенной энергией продолжает раскопки и в конце концов на берегу бывшего озера обнаруживает остатки зданий с пятью кольцами на фасаде, это дом, где когда-то находилась штаб-квартира верховного олимпийского органа — Международного олимпийского комитета. И главное,

в подвале дома обнаружены полуистлевшие документы, подтверждавшие: Игры действительно были возрождены.

Да, были возрождены — но вновь погибли. Почему? Этот вопрос мучает астроархеолога, которого, кстати, зовут Пьером (таким незамысловатым способом автор хочет напомнить читателям о Пьере де Кубертене). И вот, изучая сохранившиеся документы, ученый приходит к выводу: Игры были обречены.

Не прошло и ста лет со времени возрождения Игр, как были преданы забвению основополагающие идеи отцов-основателей. Принципы мира, дружбы, уважения соперника — все пошло прахом, уступив место погоне за медалями, славой, деньгами. И тогда Игры стали красивым спектаклем, яркой оберткой без начинки.

Как раз в то время человечество вступало в технологическую эпоху. Возникало общество потребления — и Олимпиады стали служанками этого общества: уже через полтора столетия после своего возрождения Игры открыто использовались для всепланетной рекламы множества товаров, во главе МОК встали хозяева крупнейших промышленных концернов и телесетей, и тогда из олимпийской программы выбросили хоть и популярные, но не коммерческие дисциплины.

В конце XXI века были сняты все запреты на использование допингов: в конце концов главное ведь — победа, ос-

тальное считалось несущественным. Спринтерам начали шивать второе сердце, штангистам — искусственные сверхпрочные кости и сухожилия. На гимнастических помостах появились восьмидесятисантиметровые гимнастики, с детства принимавшие специальные гормональные средства резкого замедления роста. Баскетболисты, наоборот, с помощью других средств стали трехметровыми.

Следующее столетие — XXII — было омрачено многочисленными случаями вмешательства политиков в ход Игр. Бойкот следовал за бойкотом. Подкуп спортсменов стал обычным явлением. Чтобы хоть как-то оградить Олимпиады от вмешательства, МОК принял решение постоянно проводить Игры в Лозанне, но это мало помогло — потому что, во-первых, интерес к олимпийским соревнованиям резко снизился, а во-вторых, человечество уже стояло на краю экологической пропасти.

Вот о чем узнал молодой астроархеолог из полуистлевших документов. Вернувшись домой — на одну из планет звездной системы в созвездии Вега, он пишет подробный отчет в Межпланетную академию наук, завершает который такими словами: «Уверен, что теперь, когда известны многочисленные факты об Олимпийских играх, найдутся безумцы-идеалисты, которые вознамерятся возродить Олимпиады. Бессмысленное и даже опасное занятие. Неужели опыт предыдущих поколений, пече-

льный опыт наших предков ничему не может их научить? В одну реку нельзя войти дважды, а тем более трижды. Да и стоит ли пробовать, если река имеет свойство очень быстро — по историческим меркам — мелеть?»

Это только сюжет. Пусть таковым и останется: слишком уж мрачен и пессимистичен. Не мудрено. Точно помню дату, когда мне пришла в голову идея написать такой рассказ. 8 мая 1984 года.

Да, это было 8 мая. В то предпраздничное утро в кабинете главного редактора «Советского спорта» зазвонил начальственный телефон: сотрудникам международного отдела газеты срочно предписывалось приехать в Спорткомитет СССР. Там разговор с нами был недолог. Вечером состоится пленум Национального олимпийского комитета, который единогласно примет решение о неучастии в Лос-Анджелесской олимпиаде. Журналистам необходимо за несколько часов подготовить выступления членов НОК, приправив их соответствующей аргументацией...

Потом, уже в редакции, мы, сидя за машинками, готовили чужие выступления. Чтобы вечером другие люди зачитали и им тоже ненавистные слова о поддержке идеи неучастия.

Боже, как стыдно. 8 мая 1984 года — это тот крест, который нести всю жизнь. В том числе и автору этих строк.

Кстати, зачем и кому понадобилось проводить пленум НОК именно 8 мая? Можно только догадываться. Сообщение о неучастии было передано лишь на следующий день, и, когда из МОК, из международных федераций посыпались взволнованные телеграммы, когда начали трезвонить телефоны, отвечать было некому: пришел черед Дня Победы.

Вот тогда-то, готовя выступление для... нет, не буду называть имя человека, которому пришлось прочитать худшее из моих творений, я и придумал сюжет об астроархеологе.

Олимпийское будущее представлялось в высшей степени сумрачным. Мне вообще казалось, что этого будущего нет. Монреаль, Москва, Лос-Анджелес. И ведь впереди был Сеул, точнее — должен был быть, потому что в тот момент являлось очевидным: не будет никакого Сеула.

Жизнь пошла по-другому. И на проблемы, хоть многие из них не потеряли актуальности, я смотрю теперь иначе.

Во всяком случае, если бы все-таки решился написать рассказ о раскопках в Лозанне, то резко изменил бы его окончание. Молодой астроархеолог писал бы в Межпланетную академию: «Уверен, что теперь, когда известны многочисленные факты об Олимпийских играх, найдутся безумцы-идеалисты, которые вознамерятся возродить Олимпиады. Что ж, честь им и хвала. Олимпийская идея не умерла, она вечна, она, как птица Фе-

никс, вновь и вновь рождается из небытия.

Меня захватывает даже сам ритуал. Огонь в олимпийской чаше, священный огонь, рожденный в древней Олимпии от лучей Солнца. Этот огонь и теперь, спустя века, согревает наши сердца.

Пять переплетенных колец на олимпийском стяге, пять континентов, объединенных мечтой жить в мире. Как это было прекрасно, гениально придумано!

Огонь и кольца — два простых символа, великих символа. Мы не имеем права предавать их забвению. Человечество, уставшее от бурь и войн, оказавшееся на грани экологической катастрофы, видело в этих символах опору и надежду. Так было в прошлом. Пусть будет и теперь.

Притягательность олимпийской идеи в том, что она соединяла страны и народы, позволяла забыть об идеологических и политических разногласиях. И когда наступало время Игр, не только один город, но весь мир становился ареной праздника. Спортсмены, болельщики, журналисты, ученые, тренеры — все становились одной семьей.

Человечество становилось одной семьей. Пусть так будет и впредь. Я голосую за Игры!»

Да, именно так написал бы астроархеолог Пьер.

Весной минувшего года мне довелось побывать как раз там, где происходят события ненаписанного рас-

сказа. На берегу Женевского озера. В олимпийской столице — Лозанне.

Довелось близко, в рабочей обстановке познакомиться с главой международного олимпийского движения. И для меня эта встреча была очень значительной, важной. Я услышал об олимпийских проблемах, так сказать, из первых уст.

Теперь хочу поделиться своими впечатлениями с вами. А начну с истории, которую слышали многие, но мало кто в нее верит. Не верил, признаюсь, и автор этих строк, считая ее всего лишь красивым плодом журналистской фантазии.

А оказалось, все правда. Вот эта история.

В 1966 году президент Международного олимпийского комитета американец Эвери Брэндэдж, обедая в узком кругу близких друзей и доверенных сотрудников, как бы мимоходом сообщил: ему хотелось бы видеть среди членов МОК Хуана Антонио Самаранча — политика, бизнесмена и спортивного деятеля из Испании.

Больше всех удивился тогда, как он теперь утверждает, сам Самаранч.

— Почему, мистер Брэндэдж, ваш выбор вдруг пал на меня? — спросил он. — Членов МОК гораздо меньше, чем стран, представленных в международном олимпийском движении, и у Испании уже есть свой член МОК. Да, бывают исключения, и в некоторых странах есть по два пред-

ставителя, но по неписаной традиции на это могут рассчитывать лишь великие — и отнюдь не только в спортивном смысле — державы, да еще те, где уже проходили Олимпийские игры. Испания — не великая держава. И Игр у нас не было...

Брэндэддж ответил:

— Молодой человек (ему было тогда 79 лет, а Самаранчу — 46), я хочу, чтобы вы стали членом МОК, пусть и вопреки традиции, потому что уверен: наступит день, когда вас изберут президентом Международного олимпийского комитета!

В том же 1966-м Самаранч стал членом МОК. А спустя четырнадцать лет, накануне открытия Московских игр и, кстати, в день своего шестидесятилетия, его выбрали главой олимпийской семьи. Президентом.

Как я уже сказал, мне посчастливилось быть в составе небольшой журналистской группы, которую Самаранч пригласил в Лозанну, в штаб-квартиру МОК. Во время официального ужина один из нас задал вопрос: чем же все-таки объяснить выбор Брэндэдджа?

Вот что ответил президент:

— Настоящего политика, если это действительно настоящий политик, а не пустышка, всегда отличает дар предвидения...

Поскольку речь у нас идет о проблемах международного олимпийского движения, то, думаю, стоит поподробней остановиться на фигуре пре-

зидента МОК. О, это необычный человек. Именно он во многом определяет лицо олимпийского сообщества. Тем более интересно понять, разобравшись, что он думает о существующих проблемах, как намерен их решать.

О Самаранче у нас написаны сотни статей, хватило бы не на один том, у него брали тысячи интервью, благо он каждый год приезжает в СССР. Читателю, внимательно следящему за этими публикациями, хорошо известно, что президент прямо-таки в восторге от русской зимы и является страстным поклонником советской хоккейной сборной, что он был дружен с Сальвадором Дали и питает самые теплые чувства к Илье Глазунову, что у него одна из лучших, а возможно, и лучшая в мире коллекция спортивных почтовых марок, что, наконец, он постоянно колесит по свету, посетив в качестве руководителя МОК почти 160 стран.

В общем, много чего известно. И все-таки, думается, знаем мы о нем мало, понимаем его — и того меньше.

То Самаранч был большим другом СССР, то — не по своей воле — становился нашим оппонентом, почти недругом: вспомнить хотя бы времена Лос-Анджелесской Олимпиады. Его называли главным, верховным хранителем олимпийских идеалов, а потом спустя считанные месяцы обвиняли в том, что он эти идеалы предал забвению, отдал на поругание. В начале 1989-го видный спортивный руководитель

из Прибалтики на страницах одной газеты прозрачно намекал на то, что, мол, у Самаранча особые отношения с московскими функционерами от спорта, и это не случайно, ведь избран президентом он был в Москве, не без их помощи — вот и отбавывает до сих пор за давнюю уже поддержку. А в тот самый момент, когда газета делала намеки (не парадокс ли?), Самаранча принимал в Белом доме Джордж Буш. Именно руководителя МОК новый президент США одним из первых пригласил к себе в Овальный зал и благодарил (надо же!) за те добрые чувства, которые Самаранч испытывает к Соединенным Штатам.

Мы удивительно непоследовательны в оценке деятельности президента Международного олимпийского комитета, в интерпретации его взглядов, и автор этих строк исключением себя тут отнюдь не считает: случалось, писал о Самаранче такое, о чем теперь неудобно и вспоминать. Нас и теперь шарахает из стороны в сторону — не потому ли, что десятилетиями мы жили в странном и неестественном, придуманном нами самими двухмерном пространстве, где все люди делятся лишь на «наших» и «не наших», где привычно смотреть на мир, словно сквозь линзу допотопного телевизора с черно-белым изображением.

А при таком подходе реалистичный портрет человека — тем более столь неординарного, каким является Сама-

ранч, — просто невозможен. Не понять его политики, его действий. Не найти ответов на многие вопросы.

Почему, например, именно его, Самаранча, король Испании Хуан Карлос направил в 1977 году в Москву, где тот был чрезвычайным и полномочным послом — первым после восстановления дипломатических отношений между нашими странами?

Почему один из богатейших людей Испании, текстильный магнат и глава крупнейшего банка, Самаранч вот уже несколько лет, оставив родной дом в Барселоне, где живут жена, дочь, любимые внуки, обосновался в Лозанне, деля свое время между кабинетом в штаб-квартире и гостиничным номером?

Почему и теперь он, хоть возраст уже дает о себе знать, спешит из страны в страну то в самолете, то в поезде, то в автомобиле, встречается с главами государств, обсуждает проблемы со спортивными деятелями всех рангов и старается не пропустить ни одного чемпионата, турнира, матча?

Как удалось ему — вопреки многим прогнозам — собрать на Играх в Сеуле представителей 160 национальных олимпийских комитетов и сделать так, что Олимпиада, которой сулили провал, стала истинным праздником?

И еще вопросы, и еще...

Вот что надо понять: Самаранч идеалист и одновременно прагматик. Он мечтает сделать так, чтобы в XXI веке олимпийское движение не вы-

глядело старомодно. Плюс он — великий труженик.

Когда-то он увлекался боксом и хоккеем на роликовых коньках — даже привел сборную Испании на первую ступень пьедестала почета чемпионата мира. С тех пор он, верный рыцарь спорта, уверен, что спорт объединяет молодежь планеты и таким образом выполняет свою мировую творческую функцию.

В этом смысле Самаранч — прямой последователь Кубертена, его наследник. Кстати, возвращаясь в гостиничный номер в конце 15-часового рабочего дня, он еще долго читает, штудирует труды основателя современного олимпийского движения.

И еще — это первым понял, наверное, именно Брэндж — в Самаранче счастливые соединились многие качества, которые как раз и нужны для того, кто занимает пост президента Международного олимпийского комитета.

Он стал главой олимпийской семьи, когда с ней творилось неладное. Национальные олимпийские комитеты не могли найти общего языка с международными федерациями. Те, в свою очередь, находились в состоянии холодной войны с Международным олимпийским комитетом.

И два бойкота подряд. Сначала — Монреаль, потом — Москва. Олимпийское движение оказалось на той грани, за которой — пропасть.

Между прочим, многие считают, что если бы Самаранч стал президентом раньше, то

этих двух бойкотов не было бы.

«Он — дипломат до мозга костей, причем реагирует на события сразу же, стараясь не допустить необратимых последствий, — считает канадский вице-президент МОК Ричард Паунд. — Будь он на месте Килланина, то уже в начале января 1980-го при первых раскатах грома, лишь только появилась мысль о бойкоте Москвы в ответ на вторжение русских в Афганистан, начал бы действовать незамедлительно. В Белом доме он встретился бы с Джимми Картером — и нашел бы нужные слова. Затем в Кремле он встретился бы с Леонидом Брежневым. Он сделал бы, по сути, то же самое, что и Килланин, но не в июне, а на полгода раньше. А летом, накануне Игр, когда сказано было уже слишком много, когда страсти накалились до предела и всех захлестнули эмоции, сделать что-либо было уже невозможно...»

— Ну а Лос-Анджелес? — спросит читатель.

Да, была такая страница в олимпийской истории. Как уже говорилось в этих заметках, не самая для нас светлая. Став умнее — нет, не на несколько лет, а на целую эпоху, отбрасывая оковы старого мышления и беря в союзники новое, мы теперь готовы признать: решение о неучастии было ошибкой.

Самаранч спешно вылетел в Москву. Он стремился встретиться с Черненко, объяснить: тот, кто не участвует, изна-

чально проигрывает, любой бойкот бессмыслен и даже бьет бумерангом по его инициаторам. Объяснить толком не удалось, тем более что президента МОК принял не руководитель страны, на что надеялся Самаранч, а заместитель Председателя Совета Министров. Уровень, сами понимаете, не тот.

Для Самаранча, несколько лет прожившего в Советском Союзе, полюбившего страну и ее людей, это был страшный удар. Можно только предполагать, о чем он думал, что чувствовал в те минуты, как переживал. Наконец, как клял он нас — по сути, предавших его.

Но после Лос-Анджелесских игр свой первый же визит он нанес именно в Москву. Не забыв, конечно же, о прошлом, Самаранч думал прежде всего все-таки о будущем. Согласитесь: это качества настоящего дипломата и тонкого, расчетливого политика.

И ведь впереди был Сеул, и положение казалось еще более взрывоопасным, просто угрожающим. Может быть, когда-нибудь, отойдя от дел, — хотя, зная Самаранча, трудно даже представить, что он отойдет от дел, — уже, будучи экс-президентом, приступит к созданию мемуаров. Только тогда мы по-настоящему узнаем, чего ему стоили четыре таких непростых года до Игр-88.

160 делегаций на торжественной церемонии открытия Сеульской олимпиады — личный триумф Хуана Антонио

Самаранча, самой хитрой из всех олимпийских лис, как о нем порой пишут.

Он говорит:

— МОК, как Швейцария, — маленькая страна, которая никому не угрожает, но все-таки это достаточно влиятельная страна. Мы тоже никому не угрожаем, но в определенной мере влиятельны и вместе с другими можем сделать много важного и нужного для человечества. Это же истина! Но чтобы ее осознали политики, те, кто принимает решения, пришлось поработать...

Теперь все мысли Самаранча — о Барселоне, его родной Барселоне, где в 1992 году состоятся очередные летние Игры. Президент свято верит, что в следующий раз на олимпийском празднике соберутся абсолютно все — без единого исключения.

Он хочет возглавлять МОК до Барселонских игр. И все сделал для этого. В прошлом году истек срок его полномочий, предстояла перевыборная сессия МОК в Пуэрто-Рико, но еще задолго до этой сессии все члены МОК обратились к Самаранчу с письмом, в котором содержалась просьба вновь занять президентское кресло. Именно в нем видели лидера. Это, согласитесь, тоже показатель его авторитета.

Один из ветеранов МОК, швейцарец Раймонд Гафнер, вспоминает:

— Это было, если не ошибаюсь, в 1966 году на совместном заседании исполкома

МОК с представителями национальных олимпийских комитетов. Открывая встречу, Брэн-дэдждж со скорбным видом произнес: «Господа, вынужден признать, что мы банкроты...»

И действительно, финансовые дела МОК в течение десятилетий находились в плачевном состоянии. Игры-76 принесли городу-хозяину (Монреалю) убыток в миллиард долларов. Желаящих проводить Олимпиады становилось все меньше и меньше: кому хочется оказаться в долгах? Кончилось тем, что на Игры-84 претендовал один лишь Лос-Анджелес.

Вот какое наследство досталось новому президенту — Самаранчу. И в этой ситуации он проявил качества истинного бизнесмена, а заодно дал начало потоку обвинений в том, что он, ревизуя философию олимпизма, коммерциализировал спорт. Как мы в течение многих лет писали: отдал его на откуп большому бизнесу.

Вопрос этот сложный, тем более что и ныне далеко не все согласны с позицией Самаранча, с его программами спонсорства, тесного сотрудничества с ведущими мировыми компаниями и концернами. Не хотелось бы вступать в полемику: спорить придется слишком долго и, по-моему, без особой пользы. Просто зададим вопрос: а была ли у президента альтернатива? Был ли иной выход из положения? Или, может быть, действительно лучше было объявить олимпийское движение банкротом — во имя его идеалов?

Сам Самаранч говорит:

— Идеи остались прежними. Но меняется время, а вместе с ним — средства воплощения этих идей. Если тебе что-то по-настоящему дорого, можно ради этого пойти и на компромисс...

— Да, нам нужны деньги. Когда-то члены МОК, словно боги на Олимпе, хладнокровно посматривали вниз: что там делается на грешной Земле? А спорт прозябал в нищете, и Игры потихоньку гибли. Умирала идея. Я согласен: решившись сотрудничать с бизнесом, мы пошли на определенный риск — вдруг бизнес перехватит у нас власть? Если так случится — грош нам цена. Нужно найти баланс интересов, это достаточно тонкая грань, нужно научиться быть партнерами. И ответственность лежит на мне, президенте МОК...

Так или иначе, но результаты финансовой политики налицо. Его политики, Самаранча. Игры в Сараеве и Калгари, Лос-Анджелесе и Сеуле оказались прибыльными. Теперь на счетах МОК — сто миллионов долларов. И деньги эти, распределяемые по многим каналам, идут, кстати, и на развитие массового спорта во всем мире.

Разве тут не напрашивается параллель с ситуацией в нашей стране, когда возникает понимание, что золотые олимпийские медали — не самоцель, что большой спорт не только должен окупать сам себя, но и поддерживать спорт массовый?

Просто Самаранч пришел к этой мысли раньше нас.

Он раньше нас понял и другое: пора открыть двери Игр для всех, кто хочет участвовать в Олимпиадах и готов подчиняться своим федерациям и НОКАм. Мы это называли профессионализацией и клеймили почем зря. Сколько времени прошло, пока осознали: спорт ныне достиг такого уровня, что профессионализм становится естественным. И разве не мечта любого болельщика (а Самаранч в душе и до сих пор остается страстным болельщиком), чтобы на крупнейших в мире спортивных праздниках, Олимпиадах, выступали все сильнейшие?

Мы спросили президента: какой вопрос сейчас волнует его больше всего? В чем он видит наибольшую опасность для олимпийского движения?

— Допинг, — ответил Самаранч. — Это страшное зло. Люди готовы губить себя, свое здоровье, рисковать жизнью ради медалей, побед. Если они настолько глупы, что не могут понять самых простых истин, нам приходится идти на применение против них санкций. Потому что мы в ответе за чистоту спорта. Атлеты — генный фонд человечества, и что подумают о нас будущие поколения, если мы позволим этот фонд разбазаривать?

— Каков же выход?

— Ужесточать допингконтроль. Сделать его максимально точным, чувствительным и оперативным. Мы победим в войне со стимуляторами, ко-

гда научимся определять наличие допинга, к примеру, за полчаса до старта. Тогда я просто подойду к уличенному спортсмену и скажу ему: «Знаешь, не выходи на старт. Не позорь себя и свою страну». Вот когда будет так, это будет означать, что в борьбе с допингом мы победили.

И еще мы спросили: какими, на взгляд президента, станут Игры, к примеру, лет через сто?

— Не знаю, — признался он. — Так далеко не заглядываю, хотя верю, что у олимпийского движения хорошее будущее. Появятся новые виды спорта, многое изменится. Суть же, надеюсь, останется прежней. И цели Олимпиад останутся прежними: собирать молодежь планеты для достижения более надежного, более спокойного мира...

Теперь о том, каким искусным администратором оказался Самаранч, возглавив МОК. Так сказать, несколько полезных советов нашим менеджерам и руководителям — все равно какого ранга.

Пять человек претендовали на президентское кресло в 1980 году. Получив подавляющее число голосов, Самаранч стал победителем уже в первом круге голосования. А четвертым — проигравшим — в скором времени предложил ответственные посты в Международном олимпийском комитете. Мало того что не дал разыгаться ущемленному самолюбию неудачливых пре-

тендентов на пост президента, но и сделал потенциальных противников своими союзниками.

Предыдущие президенты МОК — организации хоть и международной, но, по сути, общественной — предпочитали вести дела из домашних резиденций, лишь наездами бывая в Лозанне. Самаранч же переселился в город, где расположена штаб-квартира МОК. И, таким образом, отнесся к своему президентству сугубо профессионально, сделав его делом жизни.

Раньше, в отсутствие президентов, все вопросы решала директор МОК Моник Берлю, могущественная мадам, которая, хоть и не была членом МОК, обладала во многих вопросах поистине неограниченной властью. Самаранч не побоялся вступить с ней в конфликт, поскольку понимал, что олимпийское двоевластие мешает делу, — и в результате добился отставки Берлю. Вместо одного аппаратного поста он создал несколько — к примеру, теперь есть директора МОК по информации, по связям с национальными олимпийскими комитетами, по юридическим вопросам. И все эти должности президент доверил молодым людям — компетентным, деловым, энергичным, с новыми идеями, доверил не только должности, но и очень широкие полномочия.

— Он создал такую атмосферу в штаб-квартире, которой раньше никогда не было, — говорит директор по связям с НОК миниатюрная ан-

гличанка Энн Беддоу. — Мы теперь действительно чувствуем себя одной семьей, и президент — глава этой семьи.

Самаранч говорит о том же, но находит другой образ, иное сравнение:

— Каждый должен честно делать свое дело — так, как умеет. А моя задача — сплотить людей. Кое-кто называет меня диктатором, но это совсем не так. Я не диктатор. Я — дирижер, который объединяет музыкантов в ансамбль.

Американский журналист Дэвид Рознер писал не так давно в очерке о Самаранче:

«Пусть вас не вводит в заблуждение его внешняя невыразительность, обтекаемость его фраз и теплая улыбка на лице. За столом переговоров он может быть чрезвычайно жестким, холодным, просчитывающим ходы соперника далеко вперед. Он мало говорит сам, предпочитая слушать. И уж если он садится за стол переговоров, то обладает таким объемом информации, которому позавидовали бы КГБ и ЦРУ. Он разыгрывает свою карту в лучшем виде и чрезвычайно аккуратно...»

Ну, насчет КГБ и ЦРУ — это, наверное, перебор, там с подбором фактов, судя по всему, дело обстоит нормально, но для нас вот что важно: олимпийскую службу информации Самаранч организовал просто блестящую, поскольку считает, что должен быть в курсе всех событий, происходящих в мире.

Каждый день эта служба

готовит президенту две солидные подборки: в одной ксерокопии всех важнейших спортивных публикаций, комментариев, почерпнутых сотрудниками службы информации из сотен изданий разных стран; в другой — данные о всех мало-мальски значительных событиях уже не спортивного свойства — и тоже со всего света.

— Нужно быть информированным, — говорит Самаранч. — Нужно постоянно впитывать данные, факты и цифры. Без широчайшего знания вопроса вам не принять реалистического, наиболее необходимого и правильного решения.

Наконец, еще один штрих. В штаб-квартире МОК небольшое помещение отведено под столовую. Максимум шесть столов. Самаранч обедает вместе со всеми — директорами, секретаршами, уборщицами. Президент и миллионер, он мог бы, наверное, учредить что-то вроде нашего спецбюфета. Не учреждает. И остается гадать: что это — рисовка, игра в демократию или...

В один из дней — мы были тому свидетелями — Самаранч в этой самой столовой вел переговоры с двумя сопредседателями Оргкомитета зимних Игр 1992 года в Альбервилле — Жан-Клодом Килли и Мишелем Барнье. За другими столиками пили кофе сотрудники штаб-квартиры разных должностей и окладов. Все было как обычно — может, только потише, чем всегда: чтобы не мешать серьезному разговору.

...Прощальный официальный ужин в Лозанне. Один из ресторанных залов того самого «Палас-отеля», где вот уже сколько лет живет Самаранч.

В общем-то это было больше похоже на пресс-конференцию. Мы спросили:

— Сеньор Самаранч, а вы когда-нибудь отдыхаете? Бывает ли у вас отпуск? Или как-нибудь?

— Я отдыхаю работая, — последовал ответ. — Когда знаешь, что твоя работа приносит пользу людям, это и отдых, и работа.

— Существует ли у вас девиз?

— Вяжывайся в борьбу только в том случае, если уверен в победе.

— Правда ли, что однажды один фотокорреспондент умудрился сфотографировать через замочную скважину, как вы стоите на голове?

— Да, было дело в Китае. Это упражнение — составная часть моей утренней гимнастики.

Тут Самаранч вдруг улыбнулся и сказал:

— А вот спросите меня, что бы я сделал, если бы, как и вы, был сотрудником «Советского спорта»?

Я спросил.

— Я бы открыл на прибыли от газеты специальный телеканал, сугубо спортивный. И назвал бы его конечно же «Советский спорт».

Потом было еще много вопросов. А самый последний из них — такой:

— Когда-то Эвери Брэндэдж, пусть и неофициально,

назвал вас своим преемником. Есть ли сейчас люди, которые могли бы наследовать вам? Видите ли вы среди своих коллег таких, кому по силам в будущем занять ответственное кресло президента Международного олимпийского комитета?

— Таких людей несколько, — ответил Самаранч. — Да, в МОК есть люди, которым по силам и по душе эта работа. Но говорить им об этом я не буду. По-моему, проще и честнее уступить место будущему, не пытаясь его подготавливать.

Он произвел на всех нас колоссальное впечатление, президент Самаранч. После Сеула все мы стали оптимистами. После Лозанны я стал сверхоптимистом, что, наверное, тоже не лучший вариант.

Скажу иначе: после встречи с президентом МОК я стал по-иному оценивать многие процессы, происходящие в международном олимпийском движении. Ощутил динамику их развития.

Кстати, там, в Лозанне, роюсь в архивах МОК, я обнаружил прелюбопытнейшую статью, написанную еще в 1936 году. Автор — знаменитый английский бегун, олимпийский чемпион Джэк Лавлок опубликовал ее в официальном органе Британской олимпийской ассоциации — журнале «Уорлд спорта».

Статья написана более полувека назад, а кажется, что

сегодня. Анализируя несколько последних — для него — Олимпиад, Лавлок предъявил к Играм практически те же претензии, что и современные критики.

Он писал, что Олимпиады стали слишком грандиозными, громоздкими, что олимпийская программа непомерно раздута и следует сократить многие дисциплины. Этот факт сегодня может вызвать и улыбку, ведь с тех пор программа Игр значительно увеличилась, и теперь большинство специалистов не видят в этом особой опасности: в чем проблема, если число претендентов на проведение Олимпиад вновь растет — и они готовы включать новые и новые дисциплины.

Лаврок предупреждал об опасности политизации Игр, о том, что интересом к олимпийским соревнованиям могут воспользоваться в пропагандистских целях. Что ж, это справедливо, и разве события хотя бы последних десяти лет не заставляют нас согласиться с доводом давно уже покойного олимпийского чемпиона?

Он говорил, что наметилась тенденция к профессионализации — и, кстати, не видел в этом опасности, потому что спорт — серьезное дело, которому отдаешься весь, без остатка, а потому знаменитые олимпийцы вправе надеяться не только на восторженные аплодисменты трибун, но и на материальную поддержку.

Наконец, Лавлок считал, что кое-кто забыл об олимпийских идеалах, что стремле-

ние к дружбе и миру уступило место стремлению к победе любой ценой, и этого нельзя допустить, потому что иначе Олимпийские игры станут не более чем шоу, лишенным гуманистического, воспитательного значения.

Да, статья написана — будто сегодня. Во многом — не удивительное ли дело — те же проблемы. И тем не менее олимпийское движение продолжает жить. Да ведь в его будущем Лавлок и не сомневался.

Просто сейчас возникли те же проблемы — но на новом витке развития олимпийского движения. А то, что олимпизм, несмотря ни на что, достиг ныне высочайшей пока точки своей популярности — это же факт! За Играми в Сеуле наблюдали миллиарды людей. Они стали свидетелями праздника. Свидетелями единения представителей всех континентов под сенью пяти переплетенных колец.

И это замечательно.

Вам когда-нибудь доводилось присутствовать на Олимпийских играх? Если да, то вы — счастливчик. Потому что Олимпиада — это всегда сказка.

И вот вам в заключение история, которая кажется мне символичной. Она о том, как Олимпиады сближают людей. А в этом — главная суть Олимпийских игр.

Это было в Сеуле. Автор этих строк, спецкор «Советского спорта», вместе со сво-

им коллегой решил несколько свободных часов между утренними и вечерними состязаниями посвятить экскурсии — в демилитаризованную зону между Югом и Севером Кореи. В Пханмунчжом, где проходят переговоры двух корейских сторон.

Экскурсия, согласитесь, предстояла необычная, и потому мы с коллегой, дабы не привлекать к нашим особам внимания, предпочитали молчать. Слушали, что рассказывал гид. Думали, что так и останемся незнанными — или, лучше сказать, неопознанными.

И вдруг к нам подошел капитан американских ВВС. Спросил:

— Это вы, если не ошибаюсь, из Советского Союза?

Оказывается, о нашем присутствии те, кому нужно, знали.

Но дело не в этом. Капитан подошел не по долгу службы. Ему просто очень хотелось поговорить — об Олимпийских играх, о меняющемся политическом климате в мире, о взаимоотношениях Советского Союза и Соединенных Штатов.

— Знаете, — сказал капитан. — Эти Игры мне всю душу перевернули. Вот слежу за соревнованиями по телевизору, смотрю на ваших советских ребят — это прекрасные ребята, и думаю о том, как это здорово: дружить, быть вместе, сражаться только на спортивных аренах. Только так и должно быть.

— А у вас случайно нет

советских олимпийских значков? — спросил капитан.

Мы дали все значки, которые у нас с собой были. Американский офицер тут же раздал большинство из них своим подошедшим товарищам, несколько положил в карман — сувенир для маленьких сыновей.

А вокруг нас уже собралась настоящая толпа рядовых, сержантов, лейтенантов в защитной форме с бритыми затылками — и все спрашивали, нет ли еще каких-нибудь сувениров из Советского Союза, и мы обсуждали последние олимпийские события, и нам было очень хорошо вместе.

— Только так и должно быть! — повторил капитан.

Вот такая незамысловатая история.

Не будь Олимпиады — не было бы и этой неожиданной встречи. В Пханмунчжоме. В демилитаризованной зоне.

— Эти Игры мне всю душу перевернули, — сказал капитан.

Даже только ради таких моментов Олимпийские игры должны жить. Они — вестник надежды.

Вот на этом и поставим точку.

АНАТОЛИЙ ИСАЕВ

ВОЗМОЖЕН ЛИ ГУМАНИЗМ В СОВРЕМЕННОМ СПОРТЕ!

**Заочный диалог
с генеральным директором
ЮНЕСКО, Федерико
Майором Сарагосой ***

В нашем сложном и динамичном мире миссия ЮНЕСКО определяется той идеей создателей этой крупной и влиятельной международной организации, что «мир, основанный лишь на политических и экономических соглашениях правительств, не сможет завоевать единодушной, прочной и искренней поддержки народов; поэтому, если ему не суждено погибнуть, он должен основываться на интеллектуальной, нравственной солидарности человечества».

Предлагаю вашему вниманию заочный диалог с гене-

* В публикации использованы высказывания Ф. Майора на открытии II Международной конференции министров и руководящих работников, ответственных за физическое воспитание и спорт (Москва, 21 ноября 1988 года), а также статья Ф. Майора «Взгляд из ЮНЕСКО» («Международная жизнь», 1989 г., № 3). Заочный диалог ведет Анатолий Исаев — журналист, кандидат педагогических наук, автор монографий, учебных пособий, художественно-публицистических и популяризаторских книг о спорте. В течение ряда лет был руководителем информационно-пропагандистских служб Национального олимпийского комитета СССР и Госкомспорта СССР.

ральным директором ЮНЕСКО, в котором его мысли экстраполируются на практику спорта — одной из крупных сфер культурной деятельности, солидаризирующих человечество.

Федерико Майор Сарагоса родился 27 января 1934 года в Барселоне. Ученый-биохимик, он работал в университетах Гренады и Мадрида, являлся ректором Мадридского университета.

Ф. Майор принимал активное участие в политической жизни Испании: был депутатом парламента. В 1981—1982 годах — министр образования и науки. В 1987-м был избран депутатом от Испании в Европейский парламент.

Ф. Майор занимал ответственные посты в ЮНЕСКО: заместитель генерального директора (1978—1981), специальный советник генерального директора (1983—1984). В ноябре 1987 года избран генеральным директором ЮНЕСКО.

Ф. М.: Нет и никогда не будет покоя в этом мире. Едва лишь начинают решаться задачи мира и разоружения, а перед человечеством уже стоит новая проблема угрожающих масштабов — стремительный рост ущерба, наносимого окружающей среде. Многочисленные проблемы не просто требуют одновременного, параллельного решения, но взаимосвязаны и подчинены друг другу. Нередко решение одной из них представляется ключом к решению многих других. Если говорить обо всех проблемах в совокупности, то

таким ключом, видимо, следует считать укрепление мира, отказ от насилия, создание в международных отношениях климата солидарности, утверждение принципов гуманизма и высоких этических норм.

А. И.: Тема дефицита гуманизма стала превалировать в размышлениях о современном мироустройстве. Лично я к разговорам о гуманизме применительно к современному спорту высших достижений отношусь с большой долей недоверия.

Когда в ноябре 1988 года я анализировал выступления Федерико Майора и президента МОК Хуана Антонио Самаранча, произнесенные с трибуны Международной конференции министров спорта, я не мог не думать о трагической судьбе западногерманской девушки Биргит Дресель. Она занималась легкоатлетическим семиборьем и успешно выступала за сборную команду своей страны. И вдруг смерть! Убийца — допинг... В свой последний сезон она принимала целый набор из девяти видов таблеток, пилюль и капсул. Это были лекарства, рекомендуемые врачами при атеросклерозе и отеке конечностей, аллергии и остеопорозе, воспалениях кишечника, спазмах артерий и водянке... Ей было сделано более четырехсот инъекций сорока различных медикаментов, в том числе несколько уколов смеси «Мейдол» — макромолекул молодых клеток из мозга и плаценты обезьян.

За полтора десятка лет работы в профессиональной спортивной журналистике, предшествовавших моему решению внедриться в спортивно-чиновничью среду, я настойчиво и целенаправленно вынашивал мысль о возврате олимпизма истинным любителям спорта, коим несть числа. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали. По следам чинной и благопристойной Московской олимпиады были приняты важные партийно-правительственные решения об очередном «подъеме массовости» физической культуры и спорта. Началось возрождение Национального олимпийского комитета. Складывались предпосылки образования подлинно демократического, независимого от произвола административной системы органа управления спортивными делами в стране. Возобновилось издание журнала «Олимпийская панорама». Мы начали подыскивать в кварталах старой Москвы приличное здание под нашу многообещающую олимпийскую организацию.

И вот умирает Брежнев. Первым из аппарата ЦК партии устраняется вдохновитель олимпийских преобразований Е. М. Тяжельников, заведовавший отделом пропаганды...

Агония тогдашнего председателя Спорткомитета и НОК СССР экзальтированного С. П. Павлова происходила на моих глазах. Новый партийный лидер Ю. В. Андропов отрядил на место Павлова замзава отделом пропаганды ЦК М. В. Гра-

мова, который в высшем эшелоне власти наряду с культпросветработой опекал и спорт. Хорошо помню суровую торжественность собрания спорткомитетовских служащих, когда М. В. Зимянин представлял нам новоиспеченного «министра спорта».

Глянцево-черный павловский «мерседес» с претенциозным номером 00-07 стал подвозить к подъезду белокаменного здания на Лужнецкой набережной нового хозяина.

Тогда я еще до конца не понимал природной сути нашего Спорткомитета, его разветвленной по всей стране системы. Думаю, что в таком же положении находился и Грамов.

Помню, его постоянно раздражал заторможенный интеллектуальный потенциал спорткомитетовского люда. Со временем я почувствовал, что это председательское раздражение особого свойства. В душе он был, безусловно, оскорблен назначением на какой-то там спорт, считая свою партийную судьбу заслуживающей более высокого полета. Кто знает, может быть, именно тогда у него вызрела идея переделки Спорткомитета в Госкомспорт, обладающий министерскими полномочиями. Это к тому же автоматически подразумевало «перевоспложение» броского, игривого «мерседеса» в чинную аристократическую «Чайку». Незамысловатый прием мог хоть как-то удовлетворить оскорбленное самолюбие.

В годы цветущего застоя один пронизательный литера-

тор дал такую интерпретацию определения соцреализма: «Это метод решения проблем первой реальности на уровне второй». То, что под этим подразумевалось, можно смело перенести на существовавшую спортивную практику. Если надо, чтобы в стране (первая реальность) было много здоровых занимающихся спортом людей, необходимо построить надежную систему добывания золотых медалей (вторая реальность). Если страна должна быть физически крепкой, надо изобразить эту крепость в многотысячных физкультурных парадах и радужных рапортах «партии и правительству» о наличии многомиллионных отрядов физкультурников.

Известно, что каждая эпоха выдвигает лидеров, воплощающих в себе ее специфические черты. Грамов был образцовым аппаратчиком. Он созрел в комсомольско-партийной среде, окончил партийную школу. Я, конечно, не отрицаю его желания поправить вконец расшатавшееся физкультурное хозяйство (в отличие от рекордно-спортивного оно влачилось жалкое существование). В его решительной нацеленности на «подъем массовости» я лишний раз убедился, случайно услышав реплику тогдашнего первого заместителя Брежнева по Президиуму Верховного Совета СССР согбенного, болезненного вида В. В. Кузнецова. Дело было в Кремле. После вручения спортсменам очередной россыпи правительственных наград Кузнецов тихо увещевал

Грамова: «Медали — это хорошо. Но давайте все-таки больше думайте о спорте для народа...» По тем временам такие реплики расценивались как высочайшее поручение.

Попытки новоявленного «министра спорта» возглавить поход за здоровьем народа имели, однако, плачевные последствия. Он не посчитал нужным опираться в этом походе на взаимопонимание с министерствами здравоохранения и просвещения, комсомолом. М. В. Грамов решил навязать всем свои правила игры. От спорта отшатнулась серьезная наука.

Не удалась председателю роль полководца массового спорта. И здесь Марату Владимировичу не достало не только знаний и опыта. Но и чего-то такого, что было природно чуждо избраннику административно-командной системы.

Вот тогда-то он начал пристальнее вглядываться в свое окружение. «Хотите медаль? Извольте! — выразительно говорили понятливые глаза спортивного чиновничества. — Здоровье народа? Массовая физкультура? Извините... Но это не по нашей части. Нас этому нигде не учили, и это нам вовсе ни к чему...»

Они твердо знали, что рано или поздно Грамов оценит их усердие, ибо были преисполнены сознанием, что работают не столько на большой спорт, сколько на большую политику. А в политике, как известно, все средства хороши.

Кому-то может показаться,

что я искусственно притягиваю проблему «за уши». Однако для меня теперь совершенно очевидно, что в большом спорте усиливается тенденция отхода от принципов гуманизма и высоких этических норм. И все это происходит на фоне того, что мы не придаем должного значения культуре и связанной с ней нравственности.

Ф. М.: Общая проблема последней четверти века состоит в обеспечении устойчивого развития. Понятие это трактуется по-разному. Скептики заявляют, что устойчивое развитие — всего-навсего очередная модная идея, которая со временем забудется, подобно десяткам таких же. Другие склонны считать, что речь идет о принципиально новом восприятии мира. Истина же заключается в том, что и сама концепция, и возможные варианты стратегии устойчивого развития сейчас лишь только разрабатываются. Да и вообще понятие «развитие» не есть застывший, «готовый продукт», а представляет собой исходный принцип, способный жить и развиваться под действием все новых факторов и свежих веяний мысли.

Стратегия устойчивого развития станет общечеловеческой ценностью лишь в том случае, если для всех и каждого она будет открывать перспективы дальнейшего совершенствования личности. А это, в свою очередь, немыслимо без развития культуры. Культурный аспект, следовательно, выдвигается на центральное

место в рамках современного процесса развития.

Задача состоит в подчинении технологии культуре. В этой связи важен вопрос о способности той или иной культурной среды воздействовать на процесс технической эволюции.

Нечасто «физики» и «лирики» независимо друг от друга приходят к столь единодушному мнению, как в случае с культурными аспектами развития. В резолюции ЮНЕСКО 4ХС/2/11 культура провозглашается «ядром процесса развития, его источником, движущей силой и конечной целью».

Эта весьма меткая формулировка подтверждается и выводами «физиков». Так, антропологи-культуроведы утверждают, что культура есть продукт процессов естественного отбора, в ходе которых посредством проб и ошибок формируется информационная структура, способная воспроизводить наиболее эффективные варианты.

За последнюю четверть века с лица Земли исчезли сотни культур. Этот факт не просто трагичен сам по себе, но означает и снижение жизнеспособности человеческой цивилизации. Выживают не те системы, которые стремятся лишь к бессмысленному расширению, а те, которые способны поддерживать и приумножать разнообразие. Разнообразие — это не каприз природы, а важнейшее условие стабильности биосистемы.

Задача ЮНЕСКО, как пред-

ставляется, состоит в дальнейшем утверждении нравственного идеала культурной самобытности.

... Физическая и спортивная деятельность может содействовать гармоническому развитию человека только в том случае, если она будет сочетаться с интеллектуальной и моральной подготовкой, составлять своего рода соединение познавательных, эмоциональных, этических и психомоторных целей...

Спорт стал самой распространенной формой современной культуры. Он способствует обогащению личности так же, как искусство, поэзия. Будучи полноправной культурой, одновременно как эстетика, история, творчество, спорт должен был бы найти свое место в программе Всемирного десятилетия развития культуры.

А. И.: Мне кажется, что именно спорт, наиболее быстро прогрессирующее (или, может быть, регрессирующее) явление культуры, является самым чувствительным индикатором нравственности современной человеческой цивилизации. Для значительного количества людей в высоко развитых странах спорт оказался дурманом, религией. Беснование страстей приводит к трагедиям на стадионах, подобным брюссельской, где в давке погибли десятки болельщиков. А допинги? Это роковой путь спорта. Его трагедия и его безысходность.

За годы пристального изучения эволюции спорта с по-

зиции высокоинформированного работника идеологических служб наших верховных спортивно-бюрократических органов я довольно быстро прошел путь от, может быть, несколько завышенного к более приземленному восприятию роли и места «рекордного» спорта в современном обществе. Допускаю, что мой возможный коллега, скажем из министерства спорта Канады, не согласился бы с моим пессимизмом. И знаю почему. Потому что Канада в государственном масштабе никогда не делала серьезную ставку на решение через спорт своих политических проблем. А «прокол» канадского спринтера Бена Джонсона в олимпийском Сеуле, по моему глубокому убеждению, всего лишь свидетельство того, что служба фармобеспечения канадских олимпийцев не поставлена на уровень таких стран, как ГДР, США, СССР.

Теперь никого не удивит, что к спортивному костерку охотно припадают погреть руки политики и бизнесмены. И не случайно, на мой взгляд, к руководству международным олимпийским движением пришел нынче человек, талантливо сочетающий в себе обе эти ипостаси. Не случайно также, что состав членов МОК более чем наполовину состоит из промышленников, коммерсантов, банкиров и профессиональных политиков. От скатывания МОК на путь, по которому пошел в олимпийском движении каталонец Хуан Антонио Самаранч, на-

стойчиво предостерегали его предшественники Эвери Брэн-дэдж и Майкл Килланин. Смертельно опасался политики и коммерциализации спорта незабвенный Пьер де Кубертен.

Ф. М.: Ослабление этических ценностей вызывает, конечно, серьезную озабоченность международного сообщества. Роль ЮНЕСКО в этом отношении в сотрудничестве с олимпийским движением и другими компетентными неправительственными организациями следить за тем, чтобы принимались меры по борьбе против широко разоблаченной, но, к сожалению, все еще существующей угрозы, нависшей над спортом и рискующей помешать его развитию и омрачить его международный престиж.

А. И.: Действительно, корректировка этических ценностей спорта привела сейчас к такому абсурдному положению, что те же руководители МОК, с одной стороны, навязчиво демонстрируют меры борьбы с допингами, а с другой — молчаливо поощряют их подпольную разработку и тайное применение спортсменами все более ухищренных стимуляторов. Деятелям МОК нужны рекорды для самоутверждения. Рекорды и фармакология — понятия эти ныне тесно связаны.

У руководства мировым спортом оказались жестокосердные люди. Они успешно перемещают ценностные ориентиры большого спорта со шкалы моральных на шкалу

материальных и политических ценностей.

Видимо, на этом «спортивном» примере ярко проглядывается общемировая тенденция технократической цивилизации, направляющая «устойчивое развитие» к совершенно определенному рубежу, которого уже достигла бедняга Биргит Дрессель.

Нельзя сказать, что в спортивных кругах нашей страны не понимают пагубности политической переоценки спорта высших достижений. В процессе демократизации, оживления всех сторон жизни общества своеобразной альтернативой казенно-бюрократическому подходу к управлению спортом становится новая субстанция — возрождающееся народное олимпийское движение. Но оно встречает прочное сопротивление.

Было бы странно, если бы госкомспортовская система сразу же положительно откликнулась на возрождение самосознания спортивной общественности. Демократизация спортивного движения означает прежде всего демонтаж сложившейся системы под названием «Госкомспорт». Другого не дано.

Вспоминаю декабрь 1988 года. Третьего числа собирается пленум просрочившего свои полномочия Национального олимпийского комитета СССР. Должность председателя этого общественного органа М. В. Грамов тогда еще сочетал с должностью руководителя Госкомспорта СССР. В повестке дня стоял необычный

для спортивного ведомства вопрос «О демократизации спортивного движения». В процессе подготовки к пленуму я стал свидетелем комичного (иначе не назовешь) разговора председателя с его отличавшимся какой-то нервной суетливостью самым приближенным замом Гаврилиным.

— Можешь объяснить, что такое демократизация в спорте? — простодушно спросил председатель.

Гаврилин напрягся, словно на экзамене, подумал малость, затем ответил буквально следующее:

— Ну, Матвлыч, мы так много делаем для демократизации... (пауза). Ведь спорт сам по себе демократичен!

Заместитель вздохнул с облегчением, поняв по реакции шефа, что ответ его устроил.

Если бы в процесс чинной работы пленума не вмешались смутьяны из Риги, то это собрание НОКа ничем существенно не отличалось бы от традиционно-формальных пленумов этой созданной при Госкомспорте бутафорской организации. Надо сказать, что незадолго до описываемого события был восстановлен Латвийский олимпийский комитет, деятельность которого по известным причинам прервалась на 48-летний срок. Выступление на пленуме председателя Госкомспорта Латвийской ССР Дауманта Знатная и активистки Латвийского олимпийского комитета журналистки республиканской газеты «Спортс»

Мариты Солимаа вызвали болезненную реакцию аппаратных работников союзного Госкомспорта. Гости с берегов Даугавы получили на пленуме невиданную взбучку. Особенно усердствовал главный финансист Госкомспорта СССР В. И. Коваль. Разъяренных противников несанкционированных самостоятельных олимпийских преобразований не остановило даже присутствие на пленуме телеоператоров, которые не жалели пленки на уникальные батальные сцены.

Потом было 10 декабря. На этот субботний день в Вильнюсе намечалась конференция спортивной общественности Литвы. Союзное спортивное руководство своевременно получило приглашение... Но не сочло нужным принять его. Более того, М. В. Грамов строго-настроено наказал газете «Советский спорт» и журналу «Олимпийская панорама», проявившим было естественный репортерский порыв присутствовать на важном вильнюсском событии, проигнорировать очередную «выходку» прибалтов. В создавшейся ситуации не было и речи о моей командировке в Вильнюс. Чтобы удовлетворить свой профессиональный интерес к намечавшейся конференции мне, работнику Госкомспорта СССР, пришлось выехать в Литву на выходные дни инкогнито. Появиться в зале конференции в силу высочайшего запрета я не считал возможным. О ходе конференции по гостиничному номеру телефона меня любезно

информировал давний товарищ председатель республиканского спортобщества «Жальгирис» Витас Ненюс. Спасибо ему за то, что в первом номере московского еженедельника «Собеседник» за 1989 год появилась моя статья «Ломтик олимпийского пирога», в которой были такие слова: «Подувшие с прибалтийских берегов, упругие ветры начали расправлять слежавшиеся паруса НОК СССР. Корабль закрипел, но еще не пришел в движение... Куда пойдет корабль?»

С тех пор, как наше олимпийское руководство встало на путь беспринципного потакания МОК (а это относится где-то к концу 1984 года), горизонты олимпизма еще более отдалились от народного спорта. Дело в том, что сам по себе МОК превратился в замкнутый клуб спортивных политиков. Именно такими замкнутыми клубами зачастую становятся и ориентирующиеся на него национальные олимпийские комитеты, в том числе, как это ни прискорбно, и НОК СССР. Впрочем, стоит ли удивляться, ведь возложивший на себя миссию члена МОК наш «спортивный министр» по своему международному статусу стал представителем МОК в СССР, а не наоборот. Ну не абсурд ли... Но, как говорится, таковы правила олимпийской игры.

Один из историографов Международного олимпийского комитета западногерманский публицист Карл Адольф Шерер, рисуя портрет МОК,

назвал его собранием индивидуальностей, объединенных общей идеей, но разделенных внутренними противоречиями: «История олимпийского движения, а тем самым и Международного олимпийского комитета является хроникой человеческих страстей и величия. В то же время, это скандальная хроника, рапорт о красивых принципах и идеях, представляющие мировой клубок интриг и компромиссов... В движении принимали участие вырождающиеся идеалисты, хладнокровные комбинаторы, бесполезные высокомерные личности и надутые бездельники, фашистские генералы, страстные республиканцы, многодетные отцы и лодыри плебей, разносторонние поэты и узкие технократы, взбешенные шовинисты и либеральные космополиты».

Наиболее остро критиковал МОК кубинский руководитель Фидель Кастро, который во время встречи 15 июля 1985 года с латиноамериканскими журналистами, обратив внимание на противоречия между двумя корейскими государствами в вопросе XXIV Олимпийских игр 1988 года в Сеуле, бросил обвинение, что «Международный олимпийский комитет остается под контролем мафии графов, миллионеров и белых». По мнению Фиделя Кастро, «олимпийское движение должно находиться под руководством ООН, а поступления от спортивных мероприятий должны передаваться в помощь развитию спорта в странах третьего мира». Олим-

пийское движение, по мнению Кастро, зародилось в эпоху колониализма, и его методы и стиль работы часто отражают старые идеи этой эпохи.

И еще одно суждение. Оно принадлежит покойному президенту Финляндии Урхо Кекконену: «МОК является слишком суверенным в вопросах своей деятельности и не подлежит никакому контролю. Его решения являются окончательными и не подлежат обжалованию, я знаю многих членов этого могучего, исключительного органа. Это люди повсеместно уважаемые и заслуживающие уважения. Но они не могут быть владыками в демократическом обществе, так как их власть не может распространяться на общественный орган... Не думаю, что это будет оговором, ибо это правда, что вследствие долголетнего срока полномочий, без какого-то контроля со стороны, члены МОК оторвались от реалий спорта и увязли в собственных правах и ритуалах. В их работе нет демократичности, ответственности и демократического контроля, нет открытого освещения имеющихся проблем... Сейчас мы имеем в рамках ООН воспитательно-культурную организацию ЮНЕСКО, которая в программе своей деятельности занимается также и спортом. По моему мнению, компетенции, которые МОК оставил за собой, должны перейти к ЮНЕСКО».

Ф. М.: ЮНЕСКО — в первую очередь организация правительства. Она, однако, не

должна забывать, что, хотя и является организационным выражением объединения политической воли государств и их административных структур, она также является или хочет быть выражением доброй воли всех тех, кто участвует в конструктивном многообразии неправительственных организаций...

Если спорт должен иметь смысл, то он заключается в гуманном характере спорта и его вкладе в утверждение гуманизма. Речь идет о том, чтобы с помощью физического воспитания и спорта поднять значение человека, значение всех людей...

...Развитие ключевого явления, каковым является физическое воспитание и спорт в современном обществе, характеризуется тремя тенденциями.

Первая тенденция, по-видимому, самая поразительная и самая явная, выражается, помимо разнообразий технических схем и культурных форм, которые приобретает спорт в различных регионах мира, в **расширении** явления, каковым является спорт, до масштабов всей планеты. Спорт, отмечал Рене Маз, «привлекает к себе представителей всех классов и всех народов и объединяет их в братстве на всей планете». Кульминационным моментом всемирного характера спорта являются олимпийские игры и крупные международные соревнования, широко пропагандируемые средствами массовой информации, прежде всего телеви-

дением. Следует отметить также, что географическому и культурному распространению соответствует растущее многообразие и обогащение индивидуальных и групповых физкультурных и спортивных мероприятий.

Вторая тенденция — **углубление** многопланового характера спорта, который оказывается на грани крупных областей, входящих в компетенцию ЮНЕСКО.

Расширение, углубление — это позитивные тенденции, что вызывает удовлетворение. Третья проявляющаяся тенденция, если не постараться ее исправить, может привести если не к **ослаблению**, то, по крайней мере, к **дисбалансу**. Действительно, я имею в виду растущий разрыв между уровнем развития спортивных наций и средствами, которые они могут направить на развитие физического воспитания и спорта. Такой разрыв в национальном плане существует между различными группами и категориями населения, и вместе с тем углубляется разрыв между спортсменами высшего уровня и обычными любителями спорта. Неравенство и дисбаланс между странами усугубляются также усложнением и растущей стоимостью экипировки, оборудования и методов тренировки...

ЮНЕСКО, по своему призванию и убеждению, понимает важность роли, которую физическое воспитание и спорт могут и, главным образом, смогли бы играть в обеспечении эффективности процесса

обучения и в самой организации образования. Воспитание спортом и для спорта также представляется необходимым. Физическое воспитание и спортивная деятельность не только не должны противопоставляться, но, напротив, должны восприниматься и осуществляться так, чтобы взаимодействовать и помогать друг другу. Подчеркивая эти цели, ЮНЕСКО лишь повторяет основные принципы, провозглашенные в Международной хартии и в Олимпийской хартии. Одной из целей, быть может самой важной, во всяком случае самой дорогой сердцу Пьера де Кубертена, как это определено в статье I Олимпийской хартии, как раз и является «воспитывать молодежь с помощью спорта в духе лучшего взаимопонимания и дружбы».

...Роль ЮНЕСКО — в сотрудничестве с олимпийским движением и другими компетентными неправительственными организациями следить за тем, чтобы принимались меры по борьбе против широко разоблаченной, но, к сожалению, все еще существующей угрозы, нависшей над спортом и рискующей помешать его развитию и омрачить его международный престиж.

А. И.: Трудно предположить, какая ситуация сложится в международном олимпийском движении на момент выхода этой книги. Сейчас, когда пишутся эти строки, в середине декабря 1989 года, вопрос о путях развития советского спорта сильно затуманен. От-

правлен на пенсию Грамов. Упразднен сектор спорта в ЦК КПСС. Госкомспорт СССР опубликовал едва ли жизнеспособную «Концепцию развития физической культуры и народного спорта». Читая эту «концепцию», ловишь себя на мысли, что ее авторы идут уже хорошо протоптанными и, увы, видимо, бесперспективными тропами. На мой взгляд, главной задачей этого документа является очередная попытка, но уже в новых условиях, оправдать существование системы Госкомспорта.

Спорт наш пережил целую эпоху дегуманизации. Как, впрочем, и другие сферы социальной жизни. С одной стороны, мы, где ни попадя, декларируем свою приверженность олимпийским идеалам, а с другой — в практических делах, особенно в отношении к всенародному спорту, от них все более отдалялись. И в этом нет ничего удивительного, так как НОК, провозглашенный высшим органом демократии в спорте, стал рудиментарным органом Госкомспорта.

На сегодняшний день сверхзадача — возвращение спорта к роднику истинной олимпийской чистоты. Может, это кому-то покажется странным, но я бы людей, черпающих жизненную энергию в физических упражнениях, переименовал из «физкультурников» в «олимпийцы». Это, кстати, полностью соответствовало бы идее отца современного олимпизма Пьера де Кубертена. Он ведь пропагандировал олимпизм не как само-

цель, не как предмет политических и коммерческих интересов. Он видел в нем доступное всем средство самосовершенствования человека в рамках семьи, школы, общества, средство служения всеобщему благу.

В спорте необходимо не столько создание новой формы, сколько новой идеологии. Нет ведь ничего практичнее, чем хорошая теория. К сожалению, иные спортивные теоретики ищут спасение лишь в дополнительных инвестициях в отрасль из госбюджета. Конечно, деньги, отпущенные на массовый, народный спорт, окупаются здоровьем людей. Это экономически выгодное вложение. Но надо бы серьезно подумать и о других способах стимулирования занятий спортом. Один из путей — спонсорство. Могу привести любопытный пример. Работает в Москве школа «Самбо-70». По замыслу ее директора заслуженного мастера спорта, заслуженного тренера СССР Давида Рудмана школа напоминает древнегреческую палестру: общеобразовательная подготовка сочетается здесь с рыцарским духом борцовской среды. Достигнув поставленной цели, бывший капитан и комсорг сборной команды СССР по самбо Рудман пошел дальше. Его школа превращается сегодня в лицей по подготовке так необходимых сейчас нашей стране специалистов по внешнеэкономическим связям. Из государственного кармана на переустройство Рудман не берет ни копейки. Он нашел

надежного спонсора в лице директора совместного советско-швейцарского предприятия «Диаг интернейшнл», работающего в области реализации крупных экологических программ. Ассигнования «Диага» на создание лица составляют миллион рублей в год...

Обращает на себя внимание еще одна сторона наших олимпийских проблем.

За последние годы авторитет НОК СССР на международной арене заметно пошатнулся. Нами были утрачены ключевые позиции в ряде мощных международных спортивных федераций. Резко ослабло взаимопонимание со спортивными организациями восточноевропейских стран. Все это привело к тому, что сессия исполкома МОК 1986 года в Стамбуле с оскорбительным для нашей страны результатом голосования отказала Москве в праве проведения сессии исполкома МОК в 1991 году. Весьма примечателен также пример «нестыковки» с выдвижением кандидатур Софии и Ленинграда на проведение зимних Олимпийских игр. В результате София была провалена на голосовании в МОК. А пропагандистский трюк с заведомо несостоятельной кандидатурой Ленинграда (отсутствие условий для состязаний горнолыжников) в очередной раз стал свидетельством нашей несolidности. Теперь вот появилась новая кандидатура — Сочи. На пленуме НОК 4 августа 1989 года был устроен парад выдвижения кандидатов на проведение зимних

Олимпийских игр 1998 года: Алма-Ата, Бакуриани, Сочи. Для посвященного было очевидно, что такая инсценировка нужна была руководству уже давно юридически не существовавшего НОКа как имитация своей якобы бурной деятельности.

Мне не хотелось бы, однако, чтобы все это воспринималось как какое-то разоблачительство. Душной атмосфере некомпетентного диктата в спорте приходит конец. Между отдельными видами спорта идет своеобразный конкурс. Те, кто привык жить на вечной дотации, за счет других, поставлены в условия интенсивного поиска средств выживания. Кто научился зарабатывать, отвоевывает право на свои же заработки.

Нашему спортивному олимпийскому движению сейчас как воздух необходима утраченная в последние годы интеллектуальная среда. Ее надо последовательно формировать, опираясь на гласность, доброжелательность, на суровые, но справедливые экономические законы. Пусть даже это на первых порах принесет какие-то медальные издержки. Серьезные надежды лично я возлагаю на будущую всесоюзную олимпийскую организацию — гаранта демократических процессов в нашем спортивном хозяйстве.

И пусть происходящее сейчас у нас не во всем вписывается в прокрустово ложе Олимпийской хартии МОК. Учитывая уникальность государственного устройства стра-

ны, мы не должны отказываться от смелых решений. Наш общий олимпийский спортивный дом требует не очередной парадной побелки, а серьезной, принципиальной реконструкции. Такие знакомые всем любителям спорта очертания пяти переплетенных колец на его фасаде будут символизировать прочность сотрудничества подлинно свободных и равноправных рождающихся сейчас по всей стране республиканских национальных олимпийских комитетов.

К сожалению, у меня нет возможности попросить Федерико Майора спрогнозировать развитие международного спортивного движения, скажем, на период рубежа второго и третьего тысячелетий. В то же время не могу удержаться от своего прогноза на ближайшее время развития

событий в нашем отечественном спорте.

По-моему, первым этапом организационного переустройства физкультурно-спортивного движения должно стать учреждение Ассоциации советских олимпийских комитетов — высшего демократического органа управления и координации физической культуры и спорта в стране. После организационного и кадрового укрепления ассоциации (на это уйдет порядка двух лет) будут созданы необходимые условия для рассмотрения в правительстве вопроса о демонтаже Госкомспорта СССР с окончательной передачей одной части его функций Ассоциации советских олимпийских комитетов; самостоятельным, хозрасчетным федерациям и клубам, а другой — Минздраву СССР.

ЗВЕЗДЫ ЗАРУБЕЖНОГО СПОРТА

■ МИЛЛИОН ЗА УЛЫБКУ ■
■ ПЕЛЕ И ТАЙСОН В МОСКВЕ ■
■ "ДВОЙКА" ЗА ПРИЗВАНИЕ ■
■ СЕКРЕТ ВНУТРЕННЕЙ
СИЛЫ ■ КТО ВЫ,
ТОВАРИЩ БАРОН? ■

2

ВЛАДИМИР КУЧМИЙ

МИЛЛИОН ЗА УЛЫБКУ

...Через освещенный зал шел человек. На нем была легкая куртка голубого цвета, на шее небрежно висел пестрый шелковый галстук. Волосы его были пострижены слишком коротко, но по тогдашней моде, черные брови густо срослись на переносице. Человек был небольшого роста, двигался энергично.

За ним шла свита. Она была такая разношерстная и шумная, что казалось, будто все это происходит не в холле модного цюрихского отеля, где начинался званый прием, а на каком-нибудь восточном базаре. Тут были и весьма уважаемые деловые люди в черных смокингах, и тренеры в ярких спортивных куртках, и длинногровые юнцы в потрепанных джинсах, безостановочно перемалывающие челюстями жвачку. Вокруг суетились репортеры, служащие отеля, просто любители автографов. Чувствовалось, что человек в голубой куртке привык к такому окружению, оно его ничуть не смущало, и он одаривал журналистов хорошо отрепетированной улыбкой.

Наконец он подошел к нашей группе, представился:

— Эдди Меркс.

Так мы познакомились с ним в Цюрихе в 1983 году, в дни очередного чемпионата мира.

Да, это был он — «король» профессионального велоспорта, любимец публики, непобедимый бельгиец Эдди Меркс. К тому времени этот великий спортсмен сошел, так сказать, со сцены, но его имя до сих пор остается знаменем профи. И где бы ни появлялся ослепительно улыбающийся бельгиец: на трибунах стадионов, на званых приемах, обложках модных журналов, этикетках французских духов — всюду его улыбка призвана прославлять благополучие профессионального велоспорта, призывать в его ряды новых и новых рекрутов. «Только за одну свою улыбку Меркс получал миллион. Становитесь в ряды профи — и вас ждет то же самое!» — гласила реклама.

Да, ко времени нашей встречи в Цюрихе имя Меркса было овеяно легендой. «Великий», «непревзойденный», «уникальный»... Эффектные эпитеты тянулись за гонщиком, словно шлейф за королевской особой. Его называли человеком, рожденным в желтой майке победителя. За свою 15-летнюю спортивную карьеру бельгиец добился невиданных успехов. В классификации гонщиков всех времен он прочно удерживает звание «профи № 1».

Чего только не приписывали «королю» злые языки и завистники! Всезнающие бельгийцы утверждали, будто он побеждал только потому, что в противном случае Люсьен Аку, патрон сборной Бельгии по велоспорту, не отдал бы за него свою дочь Клодин, в

которую без памяти был влюблен гонщик. Горячие итальянцы окрестили его «холодным демоном», лишенным нервов и земных слабостей. Остроумные французы называли его «пожирателем завтраков», имея в виду непомерный аппетит бельгийца, когда речь заходила о победах.

«Аппетит» Меркса на шоссейных и трековых трассах был и в самом деле непомерным. Трехкратный чемпион мира среди профессионалов в индивидуальных гонках, неоднократный победитель популярнейших европейских турниров, имеющих едва ли не столетнюю историю. Семь раз он выигрывал гонку Милан — Сан-Ремо, по пять раз — «Джиро д'Италия» и Льеж — Бастионь — Льеж, трижды — Париж — Ницца и «Флеш валлон», дважды — Париж — Рубэ и «Тур де Бельжик»...

Но наиболее поразительных успехов Меркс добился в «Тур де Франс». Бельгиец выигрывал гигантскую битву на «большой петле» пять раз (1969, 1970, 1971, 1972 и 1974). Тем самым он повторил рекорд своего предшественника француза Жака Анкетиля — рекорд, который многие считали недостижимым. Меркс добрался и до другого рекорда Анкетиля — 25 октября 1972 года на высокогорном олимпийском треке в Мехико проехал за 1 час 49 километров 432 метра. Это была скорость-мечта, и она оставалась мечтой еще целых двенадцать лет, пока в 1984 году Меркса

не превзошел итальянец Франческо Мозер.

Так «холодный демон» и «пожиратель завтраков» добился-таки руки очаровательной Клодин, а заодно сколотил себе солидный капитал. В честь заслуг гонщика один из этапов «Тура» был проведен в Бельгии, на родине Меркса, где французский государственный секретарь по делам молодежи и спорта вручил ему при огромном стечении народа высшую награду республики — орден Почетного легиона. Статуя Меркса помещена ныне в парижском музее восковых фигур. Мало кто из иностранцев удостоивался во Франции столь высоких почестей.

В чем же секрет блистательных успехов Меркса? Прежде всего в огромном трудолюбии, и об этом не уставал повторять сам Меркс. В том не было и тени бахвальства. Тренировки бельгийца поражали своей продолжительностью и интенсивностью даже его соперников, они и сегодня служат эталоном для начинающих гонщиков. Добавим к этому и незаурядное мужество Меркса.

До сих пор вспоминают случай, происшедший в «Туре» в 1975 году. Тогда бельгиец вышел на трассу с мечтой побить рекорд Анкетиля и в шестой раз первым закончить «большую петлю». Но уже на старте случилось непредвиденное: Меркс упал, и врачи обнаружили у него двойной перелом челюсти. Ему настоятельно советовали сойти с

трассы. Но он, преодолевая адскую боль, упрямо колесил с караваном по пыльным дорогам и закончил трассу в Париже. Не просто закончил — был на финише вторым. Не его в том вина, что президент республики Жискард д'Эстен на Елисейских полях помогал надеть желтую майку не ему, Мерксу, а 27-летнему французу Бернару Тевене. И все же шестая победа Меркса состоялась — победа над судьбой, над обстоятельствами.

Вот что однажды рассказал Меркс в интервью французскому журналисту Кристиану Монтеньяку:

— Ваше превосходство над другими обычно пытаются объяснить неумемной жаждой победы, огромной волей. Но ведь есть же не менее волевые спортсмены...

— Конечно, я не одинок в стремлении к победе. Любая гонка — это прежде всего терпение. Я считаю, что могу терпеть дольше и больше других. Видимо, в этом и заключается различие. Следует учесть и способность моего организма быстро восстанавливать силы. Даже врачи удивляются этому моему качеству. В спокойном состоянии частота пульса не превышает у меня 42 ударов в секунду.

— Известно, что вы очень много тренируетесь, и этим также объясняют ваше превосходство.

— Не сказал бы, ведь многие тренируются ничуть не меньше меня. Все давно поняли, что километраж одной тренировки должен быть

200 километров. Не все зависит от того, как вы «прокручиваете» это расстояние.

— Случалось, что вас упрекали в частых победах. А вы отвечали, что и соревнуетесь для того, чтобы выигрывать. Это в общем-то очевидно, и все же не перестаешь удивляться...

— А я не перестаю удивляться тем, кто упрекает меня в частых победах. Что ж, по-вашему, надо выходить на трассу с заведомым чувством, что должен проиграть! Свою первую победу я одержал в 16 лет. С тех пор ничего не изменилось. Я всегда стремлюсь к успеху и, когда он приходит, ощущаю огромное чувство радости. Это мне кажется вполне естественным.

— Велосипед, семья. Что еще есть в вашей жизни?

— Велоспорт — это моя профессия, которая требует полной отдачи. У меня есть друзья, но вижу я их не часто. Люблю охоту, футбол, но времени постоянно не хватает.

— Есть ли гонщик в прошлом, который является для вас примером?

— Я мог бы назвать Анкетилля, но, боюсь, что он сочтет это за бестактность. Ведь я обошел его в классификации лучших гонщиков всех времен...

Бесспорно, у непобедимого некогда Жака Анкетилля были все основания обижаться на Меркса, отнявшего у него пальму первенства. На Меркса, но только не на судьбу. Француз не испытывал недостатка в славе и громких титулах, да

и в музей восковых фигур с орденом Почетного легиона на груди попал раньше бельгийца. После ухода из спорта Анкетиль — первым из знаменитых гонщиков — был избран также президентом национального союза велосипедистов-профессионалов. Пяти-

кратный победитель «Тур де Франс» (1957, 1961, 1962, 1963 и 1964), он девять раз владел «Большим призом наций», семь раз — «Большим призом Лугано», пять раз — «Большим призом Женевы».

Его популярность была огромна. В своей книге «Велоспорт», настольной книге профи, известный спортивный журналист Ж. Маршан, давая оценку великим гонщикам, против фамилии Анкетиля написал одно лишь слово: «изящество». Каждая фраза, брошенная Анкетилем, становилась крылатой. За каждое интервью Анкетилю платили гонорары выше тех, что получала в те годы знаменитая киноактриса Брижит Бардо.

У Меркса, Анкетиля и их партнеров выросли достойные преемники. Кумиром начала 80-х годов стал француз Бернар Ино. Он занял прочное место рядом со «стариками» в классификации лучших профи всех времен. Это положение ему обеспечили четыре лавровых венка в «Тур де Франс» (1978, 1979, 1981 и 1982) и множество побед в турнирах помельче. И уже белозубая улыбка новой звезды сияла на рекламных щитах магазинов и экранах телевизоров. Ни один номер популяр-

ного велосипедного журнала «Миуар дю сиклизм» не обошелся в те годы без портрета Ино или интервью с ним.

Ино, как и два его знаменитых предшественника, выходец из бедной крестьянской семьи. Он рос в глухой деревеньке Кесоу в Бретани, куда до сих пор ведет единственная немощная дорога и где имеются три достопримечательности: церквушка, кафе да кладбищенский холм с крестами. В Ино без труда можно угадать привычки крестьянина, человека от земли. Даже новый шикарный дом он оборудовал в деревенском стиле и установил в нем весьма строгие правила. Приглашая в дом друзей, обязательно требует снять туфли и надеть тапочки: так, говорит, во все времена поступали в Кесоу. Никаких бесед не начинается, пока не затопит камин, если даже за окном невыносимая жара: огонь, по его мнению, сближает собеседников, как бы очищает их от фальши. Когда однажды репортеры попросили его сфотографироваться в огромном плюшевом кресле, он наотрез отказался и встал у окна, за которым виднелся зеленый луг и стадо коров. «Этот пейзаж для меня более естествен», — заметил чемпион.

Любопытный случай произошел на одном из последних «Туров». Трасса пролегла по южным районам страны, где в ту пору состоялись сильные волнения среди крестьян, требующих улучшения условий жизни. На одном из этапов

гонки крестьяне, держа в руках транспаранты и флаги, перегородили дорогу шумному велокарнавалу. Так они хотели привлечь внимание спортсменов, журналистов, зрителей к своим требованиям. Несмотря на возмущение организаторов гонки, Ино первым слез с седла велосипеда, долго беседовал с участниками демонстрации. Ему были близки и понятны нужды этих людей.

Но Ино-гонщик был далек от сантиментов и деревенской идиллии, часто бывал резок и крут с окружающими. Когда однажды журналисты наметнули ему, что эти черты характера не к лицу знаменитости, он заявил:

— Что поделаешь, ведь я профессионал, велоспорт — моя работа, и совсем не обязательно при этом, чтоб я нравился всем. Я гоняюсь на велосипеде ради денег, и как я добываю их, касается меня одного. Спорт — это не война. Но мне достается в спорте, как на войне. Я всегда бьюсь на шоссе до последнего километра.

И то, что это не просто слова, чемпион блестяще доказал на исходе 1984 года. Перенеся тяжелую операцию, он вновь сел в седло и в престижной индивидуальной гонке на «Приз наций» в Канне проехал холмистую 90-километровую трассу со средней скоростью 44,193 километра в час. Так быстро на этом сложном отрезке никто никогда не ездил. Свидетель гонки Ив Бернар из «Юманите» с вос-

хищением написал: «Даже страдая физически и морально, такие люди, как Ино, черпают свои силы в самой глубине своего сердца, игнорируя представления о возможностях человека».

Многие специалисты считают, что Ино едва ли не самый универсальный гонщик за всю историю велоспорта. Действительно, он всегда упорно сражался на горных дорогах, хотя ему, человеку худощавому и небольшого роста, эти километры давались особенно трудно, отличался превосходными качествами темповика, ну а в спринтерском спурте ему не было равных среди профи: если хотя бы за километр до финиша Ино находился в лидирующей группе, то не оставалось никаких сомнений, что он первым закончит дистанцию.

По натуре француз — атлан, заводила, бросался, не раздумывая, в самую гущу схватки, и вместе с тем упрям и расчетлив, как все бретонцы. Говорят, нет лучшего топографа, чем Ино. Стоило ему хоть однажды пройти трассу, даже просто увидеть ее из окна автобуса, как он точно запоминал каждую ямку и каждый бугорок на ней. Обыграть его потом на такой трассе было практически невозможно.

Уникальна судьба сегодняшнего лидера профи американца Грегга Лемонда. В сезоне-89 он не знал себе равных и выиграл две самые престижные профессиональные гон-

ки — «Тур де Франс» и чемпионат мира во французском городе Шамбери. И глядя как мятежно, яростно бился Лемонд на дорогах «Тура», как на самом последнем этапе у Триумфальной арки в Париже с триумфом обошел любимца Франции Лорана Финьона, как в проливной дождь на горбатой трассе в Шамбери в невероятном броске достал у финиша беглецов и с почерневшим от дикой усталости и придорожной грязи лицом первым пересек финишную черту, приведя в изумление публику, — глядя на это, невероятно было предположить, что еще год назад он был на грани смерти.

После долгих и тяжелых гонок по Европе он вернулся отдохнуть в Штаты. Однажды отправились с отцом на охоту. Они делали это всякий раз, когда Грег ненадолго приезжал на каникулы. Охота была его любимым увлечением. И тут произошел несчастный случай. Неудачный выстрел отца пришелся в Грега. Дробь пробила ему почки. Истекающего кровью, его отвезли в больницу, где врачи долго боролись за жизнь 25-летнего гонщика.

Только через полгода он встал на ноги. Приговор врачей был суров: никаких физических нагрузок, никакой тяжелой работы, о спорте — забыть раз и навсегда. Но упрямый Грег не послушал врачей. Он заново учился ходить, бегать, заниматься гимнастикой. Вскоре вновь сел в седло велосипеда и, изнемогая от боли и усталости, накру-

чивал на нем длинные километры на тихих дорогах.

Европа знала о несчастье Лемонда и скорбила о нем. Но она пришла в шок, когда американец вернулся на трассу и его звездно-полосатая майка вновь замелькала в караванах на крупнейших гонках категории «А». После побед на «Тур де Франс» и чемпионате мира он стал живой легендой. Помню, как в Шамбери толпа, сметая на своем пути полицейские заслоны, бросилась к пьедесталу почета, подхватила Лемонда на руки и так несла к гостинице, и весь город, кажется, выплеснул на улицы, чтобы примкнуть к удивительному шествию. Это был знак преклонения перед мужеством и стойкостью истинного гонщика и бесстрашного человека...

Долгие годы с высоты нашей безупречной официальной морали мы рисовали мир профи лишь черными красками, одаривая его язвительными эпитетами. Между тем истинные гонщики-профессионалы — это великие спортсмены, труженики и спартанцы. Их отношение к делу, к спорту может стать образцом для тех, кто делает первые шаги на крутом спортивном пути.

Иное дело — мир профи, построенный на надежде хорошо заработать, он имеет свои задворки, свои темные стороны.

Он остудил многие горячие головы, бросившиеся в омут за легкой добычей, искорверкал не одну человеческую судьбу.

Как-то Людо Делакруа, бельгиец по происхождению и гонщик по профессии, предавшись воспоминаниям, сказал:

— В 1974 году мы выиграли «Джиро д'Италия», «Тур де Франс» и чемпионат мира в Монреале.

Заявление выглядело по меньшей мере странным, ибо в том далеком году Делакруа на самом деле был пятнадцатым в гонке по Италии, пятьдесят восьмым в гонке по Франции, а на чемпионате мира и вовсе сошел с дистанции. Героем же всех этих турниров был Эдди Меркс. Возможно, Делакруа страдает манией величия?

Подобный вопрос могли задать себе и те, кто наблюдал следующую сцену после финиша «Тур де Франс» в 1979 году. Бернар Ино и голландец ван Минеер прыгали, как дети, перед телевизионными камерами, не в силах скрыть радости. Реакция Ино была естественной — он стал победителем и получил солидные премиальные. Но эмоции ван Минеера вызывали недоумение: гонщик оказался в протоколе в числе аутсайдеров и официально заработал 13 долларов...

Но не будем торопиться с выводами. Конечно же, Делакруа никогда бы не делал столь нелепых заявлений, которые к тому же легко опровергнуть, а ван Минеер никогда не стал бы крутить в поте лица педали 3800 километров за 13 долларов. Секрет тут в другом. Оба они относят-

ся к категории так называемых лакеев «королей» и, как всякие лакеи, полностью зависят от того, как идут дела у их хозяев. Первый состоял на службе у Меркса, второй — у Ино, этим и объясняется их необычное на первый взгляд поведение.

В разных странах у этих людей разные клички. Французы называют их «слугами», немцы — «водоносами», англичане — «извозчиками», испанцы и итальянцы — «грегари». Но всюду функции их одинаковы. Нанятые за немалые деньги, они верой и правдой служат своим хозяевам: выполняют за них черновую работу, в случае поломки отдают им велосипеды, подталкивают вперед на горных перевалах, усмиряют наиболее опасных противников, пуская в ход, если понадобится, кулаки. Как правило, в слуги попадают либо неудачники, либо молодые гонщики из числа бывших безработных, которые готовы на любые унижения ради того, чтобы получить подачку от боссов.

Вот как описывает публицист из ГДР Клаус Ульрих действия в гонке одного из лакеев — некоего голландца Бернта Пронка (в данном случае вместо него могла быть поставлена любая фамилия из числа «водоносов» или «грегари»):

«Бернт Пронк был на своем месте, когда начался подъем в Альпах. Чертовские серпантины — один сложнее другого. Угол наклона — четырнадцать градусов! Поэтому для лидера

команды Дитриха Турау было очень важно знать, что его слуга Пронк находится рядом, за его спиной. Главное, чтобы он хорошо справился со своей задачей.

И вот Пронк принялся за работу. Он прикрывал Турау сзади, у самого седла, он толкал его вперед, задыхаясь от натуги. Он трудился в поте лица, пока вдруг не стал захлебываться. Отдохнув несколько минут, он снова догнал Турау. Тот схватился за руку Пронка, чтобы легче было ползти в гору.

Так они ехали довольно долго. Но тут неожиданно Пронк зашатался, машина его стала вихлять по шоссе. Гонщику стоило больших усилий, чтобы не упасть. Турау тем временем скрылся за ближайшим поворотом. Пронк его больше не волновал — тот сделал свое дело. Третью труднейшего подъема Турау преодолел, затратив лишь половину требуемых сил. Так что для второй части дистанции у него остались резервы...

Да, Пронк позволил нещадно эксплуатировать себя, порой даже унижать. Он использовался как раб, причем не только здесь, в Альпах, а каждый день на «Тур де Франс», каждый день на каждой гонке. Но он не чувствует себя при этом униженным, проявляет о шефе почти материнскую заботу и несет его километр за километром чуть ли не на руках к финишу. Ведь в случае успеха шеф поделится с ним, а ради этого можно и пострадать...

Словом, велосипедные «короли» во все времена были чем-то вроде рабовладельцев в спорте и не видели в этом ничего предосудительного.

Допинг — еще один верный слуга «королей».

Как-то итальянец Эбердеро Павези — некогда гонщик, а впоследствии спортивный директор многих профессиональных туров — рассказал журналистам такую историю:

— Когда в 1907 году я впервые попал на «Тур де Франс», то обнаружил, что мои соперники — французы и бельгийцы — то и дело глотали содержимое бутылочек, на которых было написано «Мята». Но от бутылочек явно тянуло алкоголем. Гонщики иногда напивались так, что не могли стоять на ногах. Впрочем, тогда в подобных гонках алкоголь был в порядке вещей: за 25—30 километров до финиша всем участникам «Тура» давали по полбутылки шампанского — так сказать, для тонуса сердца. Помню, что один из знаменитых братьев Пелиссье всегда имел при себе две бутылочки: одну с водой, другую с коньяком. На финише он, как правило, был уже настолько пьян, что его уводили под руки. Многие, — да что многие! — почти все подражали Пелиссье...

Вот так еще на заре велоспорта поддерживали «тонус сердца» первые чемпионы — «каторжники шоссе», как весьма метко окрестил себя и своих партнеров тот самый Френсис Пелиссье, которого полупьяным стаскивали с сед-

ла после финиша. Сегодня алкогольные «инъекции», применявшиеся в начале века, выглядят детской забавой. Вместо шампанского современные профи порой используют новейшие фармакологические препараты, стимулирующие жизнедеятельность организма, благо организаторы туров смотрят на это сквозь пальцы.

Употребление наркотиков стало настолько распространенным явлением, что многие профи страдают, по выражению одного французского врача, психическими заболеваниями и свою спортивную жизнь без стимуляторов уже представить не могут. «Эти люди своего рода наркоманы,— сказал врач.— Без таблеток или инъекций они не могут рассчитывать на то, чтобы пройти труднейшую трассу до конца, а тем более — на победу».

Когда после нескольких трагических случаев, происшедших на шоссе, организаторы гонок попытались ввести антидопинговый контроль, профи взбунтовались. В 1966 году все тот же Анкетиль организовал даже забастовку среди участников «Тур де Франс», требуя отмены какого-либо медицинского контроля. Забастовка увенчалась успехом...

Еще год спустя Анкетиль стал инициатором нового скандала, разыгравшегося в Милане. На известном треке «Вигорелли» француз превысил мировой рекорд в часовой езде, выступая на облегченном велосипеде марки «Бьянка».

По правилам, после заезда он должен был пройти антидопинговый контроль. Но когда официальный представитель медицинской комиссии доктор Джулиано Марено пришел к нему в раздевалку, Анкетиль наотрез отказался сдавать какие-либо анализы, а его тренер Жеминиани попросту выставил доктора за дверь. Эта наглая выходка заставила Международный союз велосипедистов (УСИ) аннулировать результат Анкетилея. Но не прояви Жеминиани столь откровенную грубость, и достижение Анкетилея было бы, несомненно, утверждено. И все бы делали вид, что допинг здесь ни при чем,— рекордсмену, мол, «помогла» усовершенствованная модель «Бьянки».

За руку в 1969 году был схвачен Меркс. Во время «Джиро д'Италия» его уличили в том, что он пользовался запрещенными лекарствами. Решением жюри бельгиец был снят с гонки и отправлен домой. Но этот случай постарались быстро замять, и Меркс отделался чисто символическим штрафом, внесенным в казну УСИ.

«Конечно, велоспорт нуждается в генеральной чистке,— писала итальянская газета «Унита»,— конечно, нужно наказывать тех, кто принимает допинг. Но главное, нужно подумывать о том, чтобы не вынуждать гонщиков выполнять каторжную работу, не заставляя их пользоваться стимуляторами. Не смогут ли законодатели всерьез разре-

шить эти проблемы современного профессионального велоспорта? Кто рискнет вмешаться в «Тур де Франс» или в «Джиро д'Италия», а также в международный календарь, который заставляет гонщиков крутить педали в течение едва ли не девяти месяцев в году, чтобы набить и без того уже солидные кошельки велофирм? Вероятно, никто.

— Я обвиняю федерации и клубы в том, что они превратили велоспорт в средство для выколачивания денег, в настоящую аферу,— говорил известный в прошлом профессиональный гонщик француз Жан Бобэ.— Деньги у нас — все. Сколько из гонщиков, зарегистрированных во Французской федерации велоспорта, остались бы на шоссе, если бы упразднили премии, которые выплачиваются даже в самой маленькой деревенской гонке? Я боюсь ответить на этот вопрос...

Теперь «старики» откровенничают, теперь им нет нужды носить маски этих сумрачных велосипедных гениев, бестий, благородных и честных рыцарей шоссе. Они свое дело сделали и могут не беспокоиться о будущем.

Впрочем, могут ли?

Рику ван Стеенбергену будущее представлялось увеселительной прогулкой. Еще бы! Ведь судьба была так благосклонна к нему. За свою почти двадцатидевятилетнюю спортивную карьеру этот бельгиец избежал несчастий, тяжелых травм и громких скандалов, преследовавших едва ли не

всех его коллег. Приняв старт в общей сложности в шести тысячах гонок, он выиграл 1644. Иными словами, каждый четвертый старт приносил счастливчику Рiku победу!

В 1966 году 42-летний гонщик оставил велоспорт. В связи с этим событием в Антверпенском дворце спорта были устроены пышные торжества. Прибывший на них король бельгийцев Бодуэн удостоил Рика рыцарских почестей, а 29 девушек, облачившись в пропитанные солью чемпионские майки гонщика, исполнили танец в его честь. Рекой лилось шампанское, в тостах чемпиона именовали не иначе как национальным героем, который принес славу своей маленькой стране, и родина его не забудет...

Однако опытного гонщика привлекали не только почести и рыцарские награды. В банке на его счету лежала весьма круглая сумма. Часть денег он вложил в покупку многоэтажных домов, которые сдавал по высоким ценам в аренду, часть пошла на приобретение старинного замка с большим парком. Рик нисколько не сомневался в том, что проведет остаток дней безбедно и безмятежно. Разве не ради этого он, выходец из бедной семьи, глотал пыль на дорогах мира!

Но прошло несколько лет после шумного бала, и Рiku изрядно наскучило любоваться прекрасным пейзажем из окна своего замка. Его энергичная натура жаждала деятельности. И Рик взялся за дело.

Для начала он предложил сотрудничество популярному журналу. Редакторы, не мешкая, подписали контракт со знаменитым чемпионом: его имя должно было стать отличной приманкой для читателей. Но вскоре выяснилось, что одного имени для работы в журнале недостаточно. Рик никогда серьезно не учился, уже в 12 лет оставил школу, чтобы поступить учеником на сигаретную фабрику, ну а потом и вовсе не было времени думать об образовании. Корреспонденции его не отличались ни блеском, ни оригинальностью, и вскоре поток писем, хлынувший было в журнал на имя ван Стеенбергена, иссяк. Редакторы стали весьма прохладно относиться к бывшей знаменитости, и тому пришлось оставить журнал.

Рик попробовал попытаться счастья на других должностях, но всюду его ждало разочарование. Одного желания работать, приносить пользу оказалось слишком мало. Все двери перед национальным героем оказались закрытыми.

Впрочем, не все. В маленьких ресторанчиках, куда он заходил поужинать и перекинуться с приятелями в карты, Рик по-прежнему был «королем». Теперь все свободное время он проводил здесь и вскоре стал своим человеком среди профессиональных картежников и авантюристов. Первое время ему давали возможность кое-что выиграть, чтобы потом взять, что называется, голыми руками. И как-

то в течение одной ночи Рик проиграл почти 50 тысяч долларов. Попытался отыгаться, взяв у приятеля крапленые карты, но был быстро разоблачен и избит. Суд приговорил его к большому денежному штрафу за мошенничество.

А вскоре Рик угодил на пять лет за решетку. При этом срок тюремного заключения был значительно снижен благодаря бывшим заслугам подсудимого. Новое обвинение было связано с торговлей опиумом, которой занялся неудавшийся картежник.

Не успел Рик выйти из тюрьмы, как его имя вновь появилось на страницах газет и журналов. И вновь в разделах уголовной хроники. Теперь он оказался причастным к ограблению банка шайкой гангстеров. После отбытия срока наказания Рик было предписано покинуть Бельгию.

Так бывший гонщик был отвергнут обществом и выдворен из страны, где еще не так давно был удостоен королевских почестей.

Да, мир профи многолик. И разные судьбы ждут тех, кто перешагнул порог этого таинственного, на вид даже романтического, но на поверку чреватого опасными «поворотами» мира. И профи это хорошо понимают. И ведут борьбу за свою честь и достоинство, за гарантии своих прав, за социальную защищенность и на протяжении всей своей спортивной карьеры, и когда она уже завершилась. Они — профессионалы, а этим сказано все. И, думая о профи,

я почему-то чаще всего вспоминаю улыбку Меркса, крестьянские манеры Ино, мужество Лемонда. Человек склонен думать о лучшем. И о том, что добро всегда окажется сильнее зла. Как в жизни, так и в спорте. Своим трудом и отвагой профи заслужили надежду на лучшую участь.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВ

ПЕЛЕ И ТАЙСОН В МОСКВЕ

Чтобы перебраться хотя бы двумя словами с Пеле и взять у него автограф, я стал в очередь. Ее нескончаемость не оставляла, казалось бы, никаких надежд. Конечно, можно было воспользоваться «протекцией» друзей знаменитого бразильца, по приглашению которых он приехал в Москву, в конце концов скорее пробиться к гостю позволяло служебное положение, работа в Госкомспорте СССР, но я предпочел длиннющий людской поток, ибо только там, среди истинных приверженцев футбола, можно было по-настоящему глубоко прочувствовать, сколь велика по-прежнему любовь к «королю» и одновременно «слуге» этой замечательной игры, превратившему ее в подлинное искусство благодаря тысячам сотворенных шедевров.

Часа через два я наконец смог сказать: «Пеле, я помню

ваш блестящий матч в Лужниках, вся Москва помнит о нем, хотя минуло 23 года».

— И что, я очень изменился?

— Да не скажите...

— Ну, это комплимент, в котором мне вряд ли нуждаемся. Время состарило нас — Жильмара, Беллини, могучего Сантоса, Диди, меня, естественно, тоже. Оно не уберегло от седины и наших советских друзей. Но футбол остается всегда молодым и сохраняет наши души молодыми, хотя и он ныне тоже изменился. Отнюдь не ностальгия по прошлому во мне заговорила, однако мы играли в иной футбол, мне кажется, более привлекательный, красивый, импровизационный, как очень метко сказал о нем советский тренер Эдуард Малофеев (его слова перевели мне из советской газеты), в искренний футбол. Сейчас же в нем больше рационализма, расчета, дисциплины и меньше, на мой взгляд, звезд. Так и хотелось крикнуть при проводах Платини: «Не уходи, Мишель!» К счастью, остались Марадона, Гулит, Тигана, ваши Заваров, Дасаев, могу назвать других, и все-таки ярких личностей сегодня не хватает.

— Все так свыклись — Пеле, Пеле... Разрешите, я обращусь к вам вашим полным именем — Эдсон Арантес до Нассименто. Эдсон, когда вы по-настоящему ощутили себя форвардом?

— Удивительное дело, но мне крайне редко задавали подобный вопрос, и я как-то не

задумывался над ответом. Одни полагали, что я им вообще родился, другие считают, что «коронация» произошла в Швеции в 1958 году. За свою долгую карьеру я забил свыше тысячи голов, в том числе и в Москве. Возможно, с трибун казалось, что делал я это играючи, но мне лучше, чем кому-либо, было известно, как не просто давался каждый из них. И все-таки, мне кажется, сам в себе я признал форварда лишь тогда, когда сумел наконец «распечатать» ворота великого Яшина. Это случилось на стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро, в том матче мы сыграли вничью — 2:2 со сборной СССР. Я видел на поле многих выдающихся голкиперов, однако Яшин остается непревзойденным. Он дарил людям радость, и огорчительно, что судьба оказалась несправедлива, жестока к нему.

Пеле бросил, как мне показалось, по-сыновьи нежный и вместе с тем грустный взгляд в сторону сидевшего неподалеку Льва Яшина, затем дружески потрепал меня по плечу и размашисто расписался: «До амиго, Пеле». То же самое по просьбе Пеле сделал его брат Жаир, затем — Яшин.

Автографы украсили красочную обложку буклета, на которой по-русски и по-английски на фоне стилизованного изображения знаменитого храма Василия Блаженного на Красной площади в Москве было начертано: «Гольф-клуб Тумба Москва», «Спорт способствует дружбе».

Пеле не причисляет себя к поклонникам этой игры, но он не мог отказать Тумбе, выдающемуся мастеру шведского и мирового хоккея, в популяризации гольфа, находя в нем, как и Тумба, прекрасное средство активного досуга и укрепления здоровья. Однако для «короля футбола» явилось полной неожиданностью включение в число почетных членов «Гольф-клуба Тумба» — наряду с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, Раисой Максимовной Горбачевой, Николаем Ивановичем Рыжковым, шведским принцем Бертилем, вместе с товарищами по спорту Львом Яшиным, Юрием Власовым, Ингмаром Стенмарком, Сергеем Бубкой, Владиславом Третьяком, Анатолием Карповым.

— Когда тридцать лет назад,— говорил Тумба (Свен Юханссон — таково его настоящее имя),— я впервые увидел в игре юного 17-летнего Эдсона Арантеса до Нассименто, то у меня не было сомнений: этот парень, который покори́л Швецию, вскоре покори́т весь футбольный мир. Моя хоккейная карьера подходила тогда к концу, я был одержим новой идеей — гольфом и решил, что со временем увлеку им Пеле. Но сначала дам ему возможность забить сотни своих чудо-голов...

Свен сдержал слово, «переждав», пока Пеле со своими товарищами принесет Бразилии славу трехкратного чемпиона мира по футболу; и теперь, как самый знаменитый из состава «трикампео-

нов», Пеле прилетел в Москву и удостоился чести вместе с мэром советской столицы Валерием Сайкиным, послом Швеции в СССР Андерсом Турборгом перерезать «ленточку открытия». «В этот миг я ощутил,— делился Пеле своими впечатлениями,— что спорт действительно способствует дружбе, ибо он позволяет уважать друг друга, почувствовать себя добрыми товарищами людей, которые еще вчера были незнакомы между собой, придерживаются различных взглядов и убеждений. Спортивное поле — будь оно для гольфа или для моего любимого футбола — объединяет их, помогает делать мир лучше».

Пеле говорил это в кругу своих друзей — Майка Тайсона, абсолютного чемпиона мира по боксу среди профессионалов, Александра Рагулина, трехкратного олимпийского чемпиона по хоккею, Алексея Парамонова, чемпиона Олимпиады-56 по футболу, Тумбы, Яшина и других. «Я думаю,— продолжал он свои размышления,— что человек совершенствуется в разных направлениях, продлевая свою жизнь, укрепляя здоровье, волю, соревнуясь с тем, что называется пределом человеческих возможностей. Спорт побуждает превзойти этот барьер, и единство подобной цели порождает солидарность среди спортсменов, представителей всех народов».

Прежде всего сам Пеле являл собою яркий пример сказанного.

Когда я спешил на встречу с ним, то, помимо всего прочего, просто хотелось переговорить с миллионером — не так-то часто попадаются они тебе в собеседники, куда реже, нежели даже самые популярные спортсмены. Пеле уже давно совмещает в себе обе эти «должности». Пожалуй, путь к всемирному футболному признанию и бизнесу он сделал одновременно, еще в том же Стокгольме в 1958 году, когда дал уговорить себя известной фирме «Тетра-Пак», специализирующейся на производстве упаковочных пакетов для молочных изделий и соков, прорекламировать ее продукцию. Надо же случиться такому совпадению: «Тетра-Пак» стала спустя много лет одним из спонсоров строительства гольф-клуба, и, таким образом, Пеле приехал в нашу столицу и по ее линии.

Судя по доходам, Пеле изрядно поднаторел в бизнесе, зарабатывая деньги в разных его областях, включая съемки в кино и запись собственных песен на пластинки. Но все-таки в глазах всего мира он остается по-прежнему непревзойденным кудесником футбола, и весь этот мир желал своему любимцу успеха, когда он однажды даже выставил свою кандидатуру на пост президента Бразилии.

— Пожалуй, я тогда несколько переоценил свои возможности,— Пеле улыбается,— а вот министром спорта, наверное, смог бы быть. Годы общения со многими людьми в разных странах обучили

меня дипломатии, хотя сам на поле, да и в жизни не всегда ощущал дипломатическое к себе отношение, джентльменское обхождение.

— Значит, вы все-таки стремитесь к политической карьере либо к государственной?

— Почему бы и нет, если она будет способствовать, например, оживлению советско-бразильских спортивных, в том числе футбольных, связей. Я хотел бы на деле понять, что такое «гласность» и «перестройка». Извините, если мое произношение этих трудных русских слов не совсем четкое. Очевидно, куда важнее, что я чувствую их и многое, что за ними стоит. Так что, думаю, и в спорте нас ожидают вскоре немало приятных новостей и перемен...

Юрий Ваньят, один из ведущих советских спортивных журналистов, многолетний спортивный обозреватель «Труда», показал мне, незадолго до приезда Пеле в Москву, цветную фотографию. На ней запечатлен Пеле, тогда еще Эдсон Арантес до Нассименто, с Кубком «Труда». Он предназначался самому молодому чемпиону мира по футболу, и Ваньят вручил его будущему «королю» на стокгольмском стадионе «Расунда» после победы бразильцев над шведами в финале того самого мирового первенства 1958 года, о котором чуть выше вспоминал Тумба.

В московском аэропорту «Шереметьево-2» Пеле встречали Лев Яшин и Алексей

Парамонов. Естественно, после жарких объятий и приветствий («Папа Яшин, амиго! Папа Яшин, друг») не обошлось без того, чтобы не прокрутить назад годы, отданные футболу. Нахлынувшие воспоминания возвратили и к чемпионату-58, и к следующим, немало поговорили о двух матчах многолетней давности СССР — Бразилия: сначала о том, что состоялся в 1965 году в Лужниках, затем — о встрече на «Маракане» в Рио-де-Жанейро. И вдруг Пеле после некоторого раздумья воскликнул: «Впрочем, хватит оглядываться назад, давайте лучше смотреть вперед. Каждый человек должен посадить на земле дерево и взрастить его, тогда он может сказать, что прожил не зря. Я обязательно хотел бы потренироваться вместе с мальчишками из какой-нибудь московской спортшколы».

Затянувшаяся церемония по поводу открытия гольф-клуба, собравшая десятки тысяч москвичей, не отпускавших Пеле и других звезд, казалось, нарушила все планы, съела все время, отведенное на предполагаемую встречу, но тем не менее бразилец постоянно напоминал о ней, готовый пожертвовать любым другим мероприятием, включенным в плотную программу его трехдневного пребывания в Советском Союзе. В конце концов четырьмя машинами мы с одного берега Москвы-реки переправились на другой, и у Пеле, по его словам, заколотилось сердце, когда с метрооста, повисшего над

Ленинскими горами, он увидел знакомую панораму стотысячного стадиона. Из далекого теперь 1965 года словно бы доносилось громкоголосое скандирование: «Пеле, Пеле!» Сколько событий произошло за это время здесь — и Олимпийские игры, и мировые, европейские первенства, однако тот матч не забывался.

— Ну что, Пеле, тряхнем стариной, — бросил вызов Тумба, когда мы подъехали к детскому стадиону Лужников.

Не дожидаясь ответа, Тумба принялся ловко жонглировать мячом, попеременно то левой, то правой ногой, не опуская его минут десять на землю, — он был не только большой хоккеист, но и отличный футболист. Энтузиазм шведа передался Парамонову, и наконец принялся за дело Пеле. Строгий черный костюм стеснял движения, но они по-прежнему были изящными, и горели глаза юношей из двух московских клубов от разнообразия технических приемов, искусной обводки, неожиданных передач и ударов. 48-летний Пеле будто страхнул с плеч годы и снова стал 17-летним, как эти ребята. Не верилось, что бразилец давно «повесил бутсы на гвоздь», он оставался для всех «королем» футбола. Я вспомнил, с какой иронией отнесся в канун чемпионата мира-82 в Испании к заявлению Пеле, что он готов выступить за сборную Бразилии, сыграть хотя бы по тайму в каждом матче (если бы это случилось, то уже в первой же игре ему вновь

довелось бы соперничать с советской командой), а зря...

Урок длился полтора часа, в его конце Пеле, обращаясь к юным советским друзьям, сказал: «Вам есть с кого сегодня брать пример». Но отнюдь не себя имел в виду великий форвард...

Обремененный множеством забот, в том числе коммерческих, Пеле забывал про всякую усталость, когда разговор заходил о футболе. И без того скромный, порядочный, общительный, он становился еще доступнее. Интересы советского футбола принимались им к сердцу столь же близко, как интересы «Сантоса», бразильской сборной, двух детских школ, которыми он руководит — у себя на родине, в Сан-Паулу, и в США, в Нью-Йорке. Потому что футбол — общее дело, и без него Пеле себя просто не мыслит. В СССР в этом плане, считает Пеле, у него немало единомышленников, помогающих сообща двигать вперед эту игру миллионов.

— Мне казалось несправедливым, — говорил Пеле, — что несколько мировых первенств проходило без участия в финальном турнире команды СССР, и скажу откровенно, что очень переживал за советскую сборную, когда наконец она пробилась в Мексику, на чемпионат-86. Она была сильна, и сила ее заключалась в сыгранности, сбалансированности линий, современной тактике. В ее рядах было много молодых способных игроков. Уже первый матч с

опытными венграми поразил всех и продемонстрировал богатые возможности команды, и жаль, что их тогда не удалось реализовать полностью. Однако на европейском первенстве-88 в ФРГ, где я вновь увидел команду из СССР, все стало на свои места. Чуть-чуть везения, и она, очевидно, могла быть и первой. Во всяком случае отлично проведенные первые 20 минут финального матча с голландцами настраивали на победный лад. Но матч длится не 20, а 90 минут... Скажу честно: я после него долго не мог уснуть — ведь болел за советскую команду и очень огорчился ее поражению в игре, где шансы сторон представлялись мне равными.

— И все-таки, что больше всего привлекает вас в советском футболе, клубах, сборной?

— Хорошо помню те годы, когда вместе с Яшиным играли Альберт Шестернев, Валерий Воронин, Слава Метревели, Михаил Месхи, — продолжал Пеле. — Все они были мастерами экстра-класса. Но сегодня, на мой взгляд, таких мастеров в советском футболе больше — Ринат Дасаев, Александр Заваров, Вагиз Хидиятуллин, Олег Кузнецов...

Как раз в дни пребывания Пеле в Москве пришло сообщение из ФИФА, что в результате опроса специалистов и журналистов лучшим голкипером мира назван Дасаев, и Пеле попросил Яшина передать ему поздравления, сопроводив их такой фразой: «Мне,

наверное, было бы так же трудно распечатать ворота Дасаева, как яшинские. Я видел, как это не получалось даже у Марадоны».

Он на мгновение задумался, словно что-то восстанавливал в памяти, а затем, вновь включившись в беседу, произнес:

— Я всегда полагал, что душа футбола в атаке, и киевское «Динамо», которое по-прежнему высоко котируется в мировом клубном футболе, и «Спартак», и национальная команда, по моему мнению, именно в атаке и ищут счастье. Советский футбол оказывает сегодня все большее влияние на футбол других стран. Не случайно имена ведущих советских специалистов, в частности Валерия Лобановского и Константина Бескова, в одном ряду с именами Феолы, Беарзота, Менотти и других тренерских знаменитостей.

— Сильные клубы — сильная сборная?..

— Пожалуй, к советскому футболу эта апробированная формула вполне подходит.

— Характеристика, данная вами, во многом совпадает с мнениями других известных экспертов и авторитетов. Как резонанс — приглашение советских игроков в зарубежные клубы, например в австрийские, британские, французские, итальянские, испанские... Как вы относитесь к этому?

— Двойко. В принципе я против утечки лучших футболистов из страны. Бразилия, в частности, немало настрадалась из-за этого. Если не ошибаюсь,

280 бразильцев играли и играют сейчас где угодно, только не дома. Сами понимаете, это отрицательно сказывается на уровне национального футбола в целом. Говорят, что он, этот уровень, сейчас ниже, нежели был, и, возможно, это тоже причина, по которой не Бразилия была избрана местом проведения чемпионата мира-94.

С другой стороны, каждый футболист волен распоряжаться своей судьбой, обязан подумать о завтрашнем дне. Советских игроков, похоже, это будущее не беспокоит, если, конечно, они не забудут сами побеспокоиться о нем. Мне кажется, им куда важнее другое — утвердить свое реноме в мировом футболе, а заодно способствовать росту престижа национального футбола. Я вижу также в этих контрактах средство поощрения, которое игрок заслужил за многолетнюю преданность футбольному делу, высокий профессионализм.

Но, наверное, раз вы тоже решили включиться в этот процесс, то следует быть практичнее, предприимчивее, знать конъюнктуру, цены на футбольном рынке. Пока, думаю, вы просчитываетесь, соглашаясь на некоторые предложения. Александр Заваров — блестящий игрок, приобретение для «Ювентуса», однако сумма личного контракта в 250 тысяч долларов ежегодно (в принципе неплохая, конечно) могла быть выше, она не отражает его класса. И «Тулуза» могла быть щедрее в отношении Вагиза Хидиятуллина. На европейском первенстве-88 в

ФРГ мало кто был сильнее его в обороне.

— Говорят, что одно, и довольно продолжительное, время вы остыли к футболу?

— Не то чтобы остыл, это невозможно при моей любви к нему, просто дела, которыми я занимаюсь, не оставляли на него времени. Но сейчас в Москве я еще раз убедился, что все-таки в футболе, в кругу преданных болельщиков, мальчишек, у которых светятся глаза при виде мяча, — моя главная жизнь.

Мне хотелось еще что-то разузнать любопытное о Пеле — предположим, о семье, образе жизни, по-прежнему ли он причисляет себя к аскетам, ярым противникам обильной еды, спиртного и сигарет или все-таки позволяет иногда затянуться сигаретой и отведать бокал вина. Все-таки удачные сделки «Тетра-Пак», наверное, как-то отмечают. Сейчас, в частности, она намерена содействовать строительству предприятия в Липецке, и Пеле тоже участвовал в этих переговорах в Москве. Словом, вопросов заготовил немало, однако выспросить все это решил у Жаира.

— О том, как сложилась личная жизнь брата и был ли он счастлив в ней, мне не хотелось бы сейчас распространяться, — сказал Жаир (в Бразилии он тоже был на неплохом футбольном счету, а ныне продолжает свою карьеру тренером одного из женских клубов в США). — Что же касается непосредственно нашей семьи, то Эдсон по-прежнему всеобщий

любимец, родители его просто обожают, а он их. И вообще, дома он никакой не «великий». Впрочем, и в жизни тоже; предпочитает ее без шума и рекламы, такой, какая она есть. Мне кажется, популярность его тяготит, не хочет он выделяться, отличаться от людей. Обратите внимание, как Пеле скромно одет.

Действительно, скромно. Однако, я бы сказал, со вкусом, и это тоже привлекало в Пеле. Нашу беседу с ним пришлось прервать, и Пеле посоветовал мне пока найти на площадке гольф-клуба Тайсона и поговорить с ним: «Он тоже имеет сообщить что-то интересное...»

Грех было не воспользоваться столь редкостной возможностью — всего второй раз в своей репортерской практике встретиться с лучшим боксером-профессионалом среди супертяжеловесов, тем более что уже стерлись в памяти детали предыдущей встречи многолетней давности с Мохаммедом Али.

Майка я нашел в окружении жены (теперь, говорят, бывшей, изрядно разорившей разводом своего знаменитого супруга), звезды киноэкрана из Голливуда, и ватаги мальчишек. Они с завистью поглядывали на мускулы Тайсона, темно-коричневыми желваками перекачавшиеся под короткими рукавами рубашки. Среди ребят особенно выделялся невысокий крепкий паренек. Он ближе всех стоял к Майку, и тот с определенным интервалом похлопывал его по плечу, приговаривая при этом: «Из этого

русского парня будет толк. Я приглашаю его в Нью-Йорк в свою боксерскую школу, он будет в ней первым иностранцем. Он поживет у меня дома, и тем самым я постараюсь ответить гостеприимством на гостеприимство, которое оказали мне в СССР». Мальчугана звали Алексей Карпухин.

Оказывается, несколькими днями раньше Тайсон побывал в одной из детско-юношеских спортивных школ Москвы и изъявил желание провести показательный урок на ринге.

— Я сразу обратил внимание на Алексея и не отходил от него, — рассказал мне Тайсон. — Он был в трусиках, без майки, и бросалось в глаза, как хорошо развиты у него все группы мышц. Он выделялся своим телосложением, резкостью, координацией, и, что важно, по движениям парня я ощутил, что он понимает бокс, как я...

Выяснилось, что ради Карпухина Тайсон еще раз приезжал в эту школу Москворецкого района столицы, и в течение более чем пяти проведенных здесь часов Майк не ощущал себя мировой знаменитостью в кругу вихрастых московских мальчишек — видимо, чувствовалось влияние привычной стихии. Майк любовно возился с ними, он был щедр на показанные приемы, удары, вызывал восхищение пластикой, гибкостью при работе на снарядах. «Хороший, добрый, открытый парень, несмотря на свои громкие титулы», — отозвался Юрий Золотарев, ведущий тренер Госкомспорта СССР,

когда я потом поинтересовался его мнением о Тайсоне.

В школе есть отделения по нескольким видам спорта, но, пожалуй, наибольшей популярностью пользуется секция бокса. Владимир Кудряшов, возглавляющий как школу в целом, так и эту секцию, благодаря энтузиазму оборудовал один из лучших в Москве специализированных боксерских залов, в котором, кстати, сборная СССР не раз готовилась к матчам с командой США.

Майк Тайсон, по его словам, был очень удивлен, побывав здесь: и количеством занимающихся детей, и тем, что тренировки обходятся им совершенно бесплатно.

«У меня было совсем другое детство», — глубоко вздохнул этот могучий атлет, и я вспомнил, как прочитал где-то о том, что Майк, мальчишка из Бруклина, одного из самых бандитских районов Нью-Йорка, вынужденный зарабатывать на жизнь, связался с разными темными личностями и в конце концов угодил в исправительный дом. А вскоре его ждал новый удар — смерть матери и практически полное одиночество в мире, где люди во многом безразличны друг к другу.

Вспомнив об этом, попросил Тайсона рассказать, как сложилась дальше его судьба.

— Все-таки нашлись два добрых человека на этом свете, — в глазах Майка засверкали искры. — В колонии для несовершеннолетних, не знаю почему, приглянулся Бобу Стюарту — он увидел меня, когда

я, надев боксерские перчатки, баловался со своими сверстниками, пытаясь нанести прицельные удары в голову и корпус. «Слушай парень, — обратился ко мне Боб, — ты старайся вести себя примерно, чтобы поскорее выйти отсюда, и я познакомлю тебя с Кусом». Кто это, понятия не имел, но на всякий случай стал более дисциплинированным...

Через четыре с небольшим года, в 20-летнем возрасте, Тайсон выиграл титул первой перчатки мира в тяжелом весе среди профи, и к этому успеху был причастен прежде всего Кус д'Амато, наверное, самый известный менеджер в мире профессионального бокса, под началом которого был сам Флойд Паттерсон, непобедимый «король» ринга в 60-е годы. Именно Кусу рекомендовал Стюарт Майка, и тот стал для юноши из Бруклина первым тренером и вторым отцом.

— Я получил от него все уроки — и жизни и спорта. Это от него я услышал, что в Америке важно быть первым, и только первым, и неважно, как ты этого достигнешь, все строится на выживании, и опять же каждый умирает в одиночку. Для вас такая мораль неприемлема, и мне не хотелось бы дальше говорить обо всем этом, лучше о чем-нибудь более приятном...

Он посмотрел куда-то вдаль, в молчании, длившемся минуту, видимо обдумывая, как склеить оборвавшуюся нить беседы, и вдруг воскликнул:

— Я хотел бы взять эту школу под свой патронаж, если это

только возможно, и соответственно оснастить ее за свой счет, пусть это будет новым шагом в советско-американских связях в спорте!

Майк выразил также желание, чтобы под патронажем советских специалистов открывалась школа бокса в Нью-Йорке или в любом другом городе США.

— Обе наши страны немало преуспели на мировом ринге,— продолжал чемпион мира среди супертяжеловесов-профессионалов,— у нас есть чему поучиться друг у друга, в том числе в методике подготовки молодых спортсменов и, этим надо обязательно воспользоваться, устраивая совместные тренировочные сборы и соревнования.

В общем, не исключено, что белокурому вихрастому Алексею Карпухину предстоит сыграть такую же роль в советско-американском сотрудничестве, какую сыграли Саманта Смит и Катя Лычева. Во всяком случае Майку Тайсону миссия Карпухина, если она осуществится, видится и с этой стороны. Тайсон, обладающий, пожалуй, самым мощным ударом среди боксеров, уже в первой тренировке ощутил на себе его скорострельную серию и хук слева. Бой, естественно, был шуточным, но отнюдь не шуточными выглядели намерения юного оппонента знаменитого маэстро бокса. «У него такой же характер, как у меня! — воскликнул Майк. — Я тоже никому и никогда не хотел уступать. Правда,— заметил Тайсон,— пусть парень не забыва-

ет, что в боксе выигрывает чаще всего не тот, кто бьет,— это многие умеют, а тот, кто лучше защищается. Но, думаю, у нас будет время в Нью-Йорке познать эту мудрость...»

В заключение мечтающий о сыне Майк решил опробовать на мне одну идею, предложив предварять традиционные матчи боксеров США и СССР встречей юных спортсменов.

— По-моему, это будет здорово,— поддержал я Тайсона.

Итак, школа Тайсона в Москве, а школа Ягубкина, чемпиона мира среди тяжеловесов-любителей, в Нью-Йорке? А почему бы и нет? Или школа Пеле в Киеве, а школа Олега Блохина в Сан-Паулу? Надо подбросить Пеле эту мысль.

— Заманчиво,— отреагировал Пеле.— А что, если попробовать действительно реализовать ее. Все-таки у вас перестройка.

ИГОРЬ ФЕЙН

«ДВОЙКА» ЗА... ПРИЗВАНИЕ

Ох, что же то был за чемпионат! Знатоки и не вспомнят, какое еще европейское первенство приносило столько сенсаций. В полуфинале реактивные испанцы, проигрывая весь матч, все-таки сумели обыграть фаворита — сборную СССР. Сборную, в которой всюю уже блистал Арвидас Сабонис,

18-летний гигант с повадками будущей суперзвезды, но совсем еще ребенок. Всего одно очко разделило сборные Испании и СССР, и это очко было в пользу баскетболистов с Пиренейского полуострова. Наши подвели азарт, они решили посоревноваться со сверхтемпераментными испанцами в скорости — и проиграли. Все бросились в атаку, все видели только кольцо соперников, и совершенно забыли о Сабонисе, который буквально изнывал под чужим щитом, так и не получая мяч. Советские защитники словно задались целью не замечать его и прямо пытались поразить кольцо испанцев издали — и при этом каждый раз забывали главное — вовремя возвращаться назад, в свою зону. Атаки испанцев им «в спину» были колючи и результативны. Ставка Александра Гомельского на обычно хладнокровных прибалтов — латыша Валдиса Валтерса, эстонца Хейно Эндена, литовца Вальдемараса Хомицюса на сей раз не оправдалась. Эмоции захлестнули их, и вот он, итог... Сборная СССР вместо, казалось бы, гарантированных золотых медалей получила лишь бронзовые. «Если бы у нас был такой защитник, как Шремпф, мы бы разгромили всех», — сказал Александр Гомельский.

Вот и прозвучала впервые эта фамилия — Шремпф. Впервые на турнирах такого уровня самой компетентной комиссией, состоящей из экспертов ФИБА (Международная федерация баскетбола), руководителей команд, участвовавших

в «Евробаскете-83», ведущих баскетболистов, сильнейшим защитником, вообще сильнейшим игроком, был признан представитель команды, занявшей более чем скромное итоговое место: сборная ФРГ выбыла из борьбы еще на предварительной стадии первенства. А вот ее защитник, 20-летний Детлеф Шремпф, при этом ухитрился стать одним из самых результативных игроков чемпионата. Во второй половине 80-х мы восхищались снайперской меткостью грека Никоса Галлиса, испанца Хуана Сан-Эпифанио, наших Рима-са Куртинайтиса и Шарунаса Марчюлениса, испанского русского или, если хотите, русского испанца Хосе Бирюкова. Кстати, бывший московский динамовец, играющий теперь за мадридский «Реал», как раз в том, 1983 году уехал в Испанию и потому не попал на чемпионат Европы. И поражала всех игра югослава Дражена Петровича, этого «Моцарта баскетбола». И отчего-то все совершенно забыли, что уже в ту пору был в Европе более яркий бомбардир — Детлеф Шремпф. Ведь процент попаданий у западногерманского баскетболиста оказался тогда значительно выше, чем даже у Петровича. Но все эти игроки по-прежнему на виду, а вот Шремпф как в воду канул — начисто исчез из нашего поля зрения. Скупая, отрывочная информация лишь изредка поступала из-за океана.

Да, с некоторых пор «охотники за талантами» из Национальной баскетбольной ассо-

циации США, главной профессиональной лиги Америки все чаще стали поглядывать и на европейских баскетболистов. Понадобилось свежее пополнение для все шире раздвигающего свои рамки чемпионата НБА. При этом, правда, они и по сей день продолжают считать, что в настоящий баскетбол играют только в Соединенных Штатах. Так что особые иллюзии они не питали, но законы рынка требовали новшеств, и прежде всего для «потребителя» — публики. Успехов, правда, эти «инъекции» до поры до времени не приносили. Грек Фассулос, болгарин Глушков, голландец Сметс, исландец Гудмонссен, даже звезда европейского баскетбола испанец Фернандо Мартин долго в клубах НБА не задерживались: их мастерство не устраивало руководителей профессиональных команд. И в итоге европейцы в лучшем случае продолжали числиться в своих клубах. Получая мизерную по меркам НБА зарплату — 100—150 тысяч долларов в год, просиживали на скамейке запасных. Хорошо зная требования НБА, баскетболисты из Старого Света все же продолжали и продолжают попытки закрепиться в этой лиге. Дошла очередь и до наших спортсменов — Александр Волков и Шарунас Марчюленис, как известно, уже выступают там, а Арвидас Сабонис должен поехать за океан в этом году. Играют в НБА югославы Петрович, Паскаль и Дивац, герои последнего чемпионата Европы-89. Но как сложится их судьба, сказать

трудно: за океаном — свои законы, свои пристрастия, свои взгляды на игру, на достоинства игроков. То, что по европейским меркам считается высоким классом, отнюдь не гарантирует признания в НБА, и пока такого признания добился лишь один европеец: Детлеф Шремпф.

Тот европейский чемпионат 1983 года во Франции стал для молодого немца поистине звездным часом. Он сразу же оказался перед выбором: остаться в ФРГ, продолжая играть в средненьком клубе (сильных в этой стране просто нет), что конечно же не позволило бы ему прогрессировать, или отправиться за границу — в поисках достойных партнеров и немалых денег. На нашем континенте серьезной репутацией пользуются клубы Испании, Италии, а также в последнее время и Франции. И весьма выгодных во всех отношениях предложений молодой игрок получил немало, в том числе от таких грандов, как миланский «Филлипс», римский «Банко ди Рома», мадридский «Реал», «Барселона», «Сарагоса», тель-авивский «Маккаби». От такого выбора и у видавшего виды спортсмена голова пойдет кругом: ведь в этих клубах играют мастера действительно высокого класса. Молодость, молодость. Но совсем другие мечты обуревали новоявленную звезду. Поистине 20-летним неведомы голый расчет и трезвые опасения. Шремпф отверг домогательства европейских менеджеров и согласился на предложение

селекционера из клуба НБА «Даллас Мейверикс». Середняк в чемпионате лиги, команда из Техаса и тогда и теперь выглядела посильнее любой европейской. Правда, ни о каких миллионных гонорах речи быть не могло: скромные 125 тысяч в год гарантировали Шремпу в первый сезон намного меньше, чем сулили, скажем, итальянцы, испанцы. И все же Детлеф предпочел Америку. Еще бы, для любого честолюбивого баскетболиста реалии НБА дороже сказочного Эльдорадо. И черт с ними, с деньгами, если есть шанс зацепиться за эту лигу. Так считают многие. Так считал и Шремпф. И хорошо зная, какое будущее ожидало его предшественников, как несолоно хлебавши возвращались они домой, потеряв к тому же право выступать за национальные сборные (лишь весной 1989 года ФИБА разрешила профессионалам и экс-профессионалам играть в своих национальных командах), он все поставил на эту карту. Причем, что делает ему честь, выдвинул неременное условие: приглашение двух товарищей по сборной ФРГ — Кристиана Велпа и Уве Блаба. Далласцы ничем не рисковали: деньги выплачивались смехотворные, на финансовом благополучии «Мейверикс» не скажутся, а получить за бесценок вроде бы перспективных ребят неплохо: вдруг и на самом деле что-то получится...

Не получилось. Ни у Велпа, ни у Блаба. Велп по окончании сезона 1988/89 года был уво-

лен и стал искать уже новую работу, то бишь команду, Блаб, центральной ростом 220 см, по-прежнему остается в глубоком запасе, его годовой гонорар составляет 175 тысяч долларов. Заметим, кстати, что точно такую судьбу предсказывал ему Сабонис, считавший, что, кроме роста, у Блаба нет других достоинств. Да, в НБА рост — далеко не самое главное: там есть центровые и на голову пониже — но зато какие это центровые!

А что же Шремпф? Ему повезло больше, если вообще в данном случае уместно говорить о везении. Чем привлёк внимание специалистов этот всегда пребывающий в добром расположении духа, симпатичный блондин? Только ли ростом 207 см? Верно, для защитника тогда он был, пожалуй, высоковат. Да и сегодня, скажем, наши тренеры без разговора отправили бы такого парня в нападение, а то и непосредственно под щит, где и должен действовать центровой: достаточно сказать, что после отъезда Сабониса в Испанию его роль в «Жальгирисе» исполняет Эйникис, чей рост 206 см, и Браздаускис — 205 см. В общем, ростом Шремпф резко выделялся среди прочих защитников. И конечно же уникальным по исполнению броском, которым поражал кольцо практически с любой дистанции, в том числе из-за границы 6,25 метра, — точный бросок отсюда с недавних пор, как известно, приносит 3, а не 2 очка. Такой бросок я видел еще лишь у Хосе Бирюкова: мяч выле-

тает вроде бы по прямой, постепенно набирая высоту. И по всем законам физики просто не может оказаться в корзине. Но почему-то зависает над самым кольцом — и опускается точнехонько в цель. Хосе утверждает, что не видел бросков Шремппа, дошел до всего сам и часами отрабатывал этот прием. То же самое говорит Детлеф:

— Я ни с кого не срисовал этот бросок. С детства бросал только так: просто мне было удобно. Можно, конечно, сказать, что я принес свою юность в жертву этой игре, своей будущей карьере в НБА,—продолжает Шремпп.— Но это как посмотреть... Да, я, можно сказать, еще ребенком оказался в стране, где баскетболом дышит буквально все. В любой деревне есть площадки, залы, иногда даже Дворец спорта. И я уже тогда знал, что буду баскетболистом. Поэтому не посещал бар, дискотеку — единственные развлечения в нашем городке. У меня был жесткий режим: ходил только в школу и на тренировки — все. Почти то же самое было в колледже. Я играл, по сути, всегда... Но отнюдь не считаю, что этим обеднил свою жизнь. Ведь в остальном я не отличаюсь от других людей, да и в этом тоже — у них своя работа, у меня — своя. Ну а если что-то и упустил, так не поздно наверстать, разве нет?

Вот это «нет?» в конце фразы только и выдает в Детлефе Шремппе немца. Сам же он в шутку называет себя «полуамериканцем», а его жена

Мари Вагнер, экс-чемпионка ФРГ в барьерном беге на 400 м утверждает, что Детлеф лучше говорит по-английски, нежели по-немецки. Конечно, это всего лишь шутка, но действительно для Детлефа жизнь в Америке после памятного для него европейского чемпионата сложилась далеко не столь тяжело, как для других европейцев, в том числе и его друзей по сборной — Велла и Блаба. Главное, он лучше других представлял себе, что такое баскетбол НБА.

Но представляете, каков же там уровень претензий, если первые два года Детлеф в основном сидел «на банке» и не смел, по его словам, «даже нос высунуть»... Его «подпускали» на несколько минут, даже на минуту — обычно в конце матчей, когда результат был уже ясен. Но, поскольку такие случаи крайне редки в НБА (посмотрев несколько видеозаписей по нашему ТВ, мы могли убедиться, какая жесткая борьба идет там от первой до последней секунды встречи), нечасто доводилось молодому новичку «Даллас Мейверикс» показываться на площадке.

— Нелегче пришлось потом, когда мне уже стали больше доверять,— вспоминает Детлеф.— Вечер играю, два по-прежнему сижу на скамейке запасных. Тут важно было не пасть духом, продолжать верить в себя, в свои силы, буквально гореть желанием доказать всем, себе в том числе, что я могу и буду играть. Я искренне любил и люблю баскетбол, всегда мечтал чего-

то добиться; никогда у меня даже и мысли не было выкинуть белый флаг и вернуться в Старый Свет. Не ныл, а делал то, что от меня требовалось. Я просто работал как черт, тренировался с командой, тренировался и с ребятами — Крисом и Уве, и в одиночку, играл контрольные, товарищеские, выставочные матчи — и не жаловался. Вообще, когда мне трудно, когда вдруг накатывают какие-то проблемы, я иду играть в баскетбол...

И мой час пробил. В меня поверили, дали место в составе. Сначала я был «седьмым», то есть вторым запасным. Это означало, что уж во втором-то периоде я точно выходил на площадку. Затем стал первым запасным, ну а в сезоне 1986/87 года вошел в стартовую пятерку. Правда, в несвойственной мне роли: крайнего нападающего. Мне не хотелось здесь играть, но с тренерами не спорят. Объективно я и сейчас не гожусь для такого амплуа: мне не хватает атлетизма, хотя я и прибавил в его компонентах. И все же больше по душе прежняя игра — подальше от щита. Но что делать — пришлось тогда наступить на горло собственной песне... И закрепился в НБА, чем немало горжусь.

В чемпионате НБА 1988/89-го, который Детлеф Шремпф заканчивал уже в другом клубе — «Индиана Пейкерз», показатели западногерманского баскетболиста говорят сами за себя: 31,6 минуты в среднем находился он «в деле», набирая каждый раз — опять-таки в

среднем — 15,7 очка и 7,7 подбора. Это очень хорошие цифры даже для американца. Другое свидетельство признания его мастерства — приглашение сыграть за сборную Востока в товарищеском традиционном матче звезд Восточной и Западной конференций. Эти матчи проводятся каждый год во время перерыва в чемпионате. НБА в рамках большого баскетбольного фестиваля. Шремпф стал первым иностранцем, выступившим в таком поединке (не считая гиганта Олуаджавона, негра из Ганы, которого, однако, лишь формально можно считать африканцем, ибо он с раннего детства живет в США, где и стал баскетболистом). Больше того, в другом таком фестивале Шремпф едва не сотворил сенсацию, когда вышел в финал конкурса по дальним броскам. Здесь он уступил лишь суперзвезде Ларри Берду из знаменитого клуба «Бостон Селтикс», однако слава «дальнобойщика» за ним закрепилась прочно. В списке снайперов, метко бросающих из-за «трехочковой линии» (в НБА она намного дальше от щита, нежели в Европе, — проходит в семи с лишним метрах от кольца), Детлеф неизменно находится среди лидеров. Напомним, что в таком конкурсе осенью 1988 года в Хьюстоне выступал наш Римас Куртинайтис, рекордсмен СССР по дальним броскам. Там он занял последнее место...

Шремпф убежден, что европейцы могли и раньше заявить о себе в НБА. Но слишком они робки: с одной стороны, те-

ряются, столкнувшись с непривычной манерой игры профи, особенно чернокожих спортсменов — мощных, резких, прыгучих. С другой — действительно баскетбол НБА и баскетбол в Европе — совершенно разные игры. Особенно в защите, где арбитрами разрешена борьба жесткая, поистине мужская, атлетическая. Уж на что Фернандо Мартин всегда слыл настоящим атлетом, но совершенно был обескуражен тем, что его выпихивают из-под щита, чуть не виснут на нем, оттирают, бросок накрывают плотно, мяч рвут из рук... а свисток судьи молчит. И идут на щит не один-два раза подряд, как в Европе, а пять—шесть, надо — и больше... И все это в жесткой, плотной борьбе с обороной. У европейцев чаще всего просто сил не хватает для такого соперничества. Потому-то Детлеф отнюдь не убежден, что, например, Сабонису, Волкову или Паспалю с Дивацом удастся в полной мере раскрыться в НБА: школа другая, навыки другие, представления об игре другие. Вот в Марчюленису он верит. Стилем они и впрямь похожи, мощи достаточно, напора, страсти. Но даже Марчюленису потребуется время, чтобы адаптироваться в новой обстановке, присмотреться к манере профи — и не спасовать.

Шремпф утверждает, что его закалили все годы учебы, когда он на себе познавал, что такое американский баскетбол. Ведь там это — целая индустрия. Подготовка игроков поставлена на конвейер. Даже

в лучших клубах Европы только сейчас приходят к тому, что для Штатов давно уже норма.

— Школьники, студенты, решившие посвятить себя баскетболу, знают, что могут заработать хорошие деньги, если попадут в НБА, — рассказывает Детлеф. — Но для этого нужно себя готовить. И у них отношение к делу более профессиональное, чем у профи в Италии, Испании, Израиле, Франции, у нас — в ФРГ. Хотя и там немало неплохих баскетболистов, прошедших выучку в НБА, — Маккаду, Барлоу, Норрис, теперь — Шоу. В США отношение к игроку, я бы сказал, идеальное. Ему созданы все условия для совершенствования. Я еще мальчишкой был, и кроме учебы и баскетбола забот не знал. И все было продумано не мной — администрацией, тренерами... Мое дело — получить образование. Кстати, здесь никаких поблажек спортсменам нет, просто члены команды получают повышенные стипендии, очень приличные деньги, что, кстати, тоже способствует их игровому росту, да и освобождает от лишних проблем. И еще, конечно, необходимо самым серьезным образом готовиться к матчам. Вот мои заботы. Это все. Так что я мог реализовать себя на все сто процентов. И имел для этого такую возможность, каких до сих пор не имеет никто в Европе. Там хоть все-таки к игрокам предъявляются и не такие жесткие требования, но зато и от некоторых внебаскетбольных проблем спортсменов не

ограждают. Повторяю, лишь в последнее время ситуация меняется, баскетбол в Европе тоже становится все более и более профессиональным. Естественно, растут и заработки. Отсюда и все увеличивающийся отток американских игроков: нагрузки не то что в НБА, а деньги почти те же. Для середняков это лучший выход. Любой американский игрок автоматически становится лидером в европейской команде. Но чтобы сравняться с НБА, европейцам надо создавать свою профессиональную лигу. Разговоры об этом идут. И чем скорее она будет создана, тем лучше для баскетбола, для зрителей, да и для нас, игроков...

Да, оказывается, при всей своей удачливости Детлеф Шремпф далеко не в полной мере удовлетворен тем, как складывается его жизнь. Проведя всего 54 матча за сборную ФРГ, он мечтает о выступлениях за национальную команду. Раньше он такой возможности был лишен по формальным основаниям: профи не имели права играть в национальной сборной. Теперь это положение отменено. Шремпф, как и Велпс Блэб, рвутся домой. Детлеф вообще убежден, что, если бы они вдвоем играли за сборную ФРГ, команда сразу стала бы вровень со сборными СССР, Югославии, Италии, Испании — настолько огромна прибавка в классе у тех, кто прошел через НБА (даже у «вечных» запасных — Велпа и Блэба). И с ним можно согласиться, если вспомнить, как здорово прибавил болгарин

Георгий Глушков, начисто переигравший Сабониса в полуфинале Кубка обладателей кубков, когда встречались итальянский «Снайдеро» из Казерты и каунасский «Жальгирис». А ведь года три-четыре назад мальчишка Сабонис справлялся с Глушковым, как... с мальчишкой.

Но на пути к осуществлению мечты Шремпфа стоит... НБА.

— Для американцев существуют только два турнира, и то с недавних пор, когда профи допустили на Олимпиады: чемпионат НБА и Олимпийские игры. Ну, может, еще Панамериканские. Даже чемпионаты мира не представляют для них особого интереса. Вот увидите, в Аргентину на «Мундиальбаскет-90» придут, конечно, профи из НБА, но далеко не лучшие: звезды возьмут свой законный отпуск и отправятся с семьями на обязательный для баскетболистов 45-дневный отдых. Ничем не заманишь их на мировой чемпионат. Естественно, боссы НБА прохладно относятся к нашему желанию поиграть за сборную своей страны, в том числе даже в чемпионате Европы. И стараются всеми правдами и неправдами не включать в контракты с европейцами пункт о разрешении играть за национальную команду. А даже если включают, всеми силами пытаются найти повод и не отпустить, как было с голландцем Сметсом летом 1989 года, когда ему запретили поехать на чемпионат Европы в Загреб. Не понимают этого нашего желания и руково-

дители «Даллас Мейверикс» и «Индианы Пейкерз». Мы были готовы сыграть хотя бы на традиционном турнире в Дортмунде — Суперкубке. Эти соревнования собирают солидный состав участников. ФИБА уже ничего не имела против, но НБА сказала «нет». Правда, этих деятелей лиги, тренеров наших команд можно понять: они правомерно считают, что после 120 труднейших матчей за сезон нам абсолютно ни к чему играть где-то еще с риском получить травму, потерять радость игры...

Но я уверен, что замкнутость НБА не вечна. Контакты с Европой крепнут, и вот уже проведены три открытых турнира «Макдональдс», в которых сильным клубам НБА «Милуоки Бакс», «Бостон Селтикс» и «Денвер Наджетс» противостояли сильнейшие европейские клубы и сборные, в том числе сборная СССР; однако пока преимущество профи однозначно... Всем запомнились и турне «Атланты Хоукс» по СССР. Да и сразу пять европейцев в клубах НБА (ждут шестого, Сабониса) — это тоже о чем-то уже говорит... Вот и американцев из европейских клубов стали возвращать в НБА — такого прежде не было: уехал — все, обратного хода нет... Теперь Европа уже перестала быть для них баскетбольными задворками... Вот если бы организовалась европейская лига! Вы только представьте: пять клубов из Италии и Испании, по четыре — из СССР и Югославии, по одному лучшему из ФРГ, Нидерландов,

Франции, Израиля, Греции... Вот вам и альтернатива НБА. С постоянным обменом между лигами, регулярными встречами, розыгрышем клубного чемпионата мира (взамен Межконтинентального кубка, который уже не представляет того интереса, как раньше, потому что американцы перестали посылать на него победителя своего любительского, вернее студенческого, чемпионата — НКАА). Тогда и европейцы не были бы «привязаны» к НБА, был бы у них хороший шанс играть за национальные сборные...

Эти рассуждения выдают в Детлефе Шремпе думающего человека, озабоченного путями развития любимой игры, выдают и истинного патриота, что редкость среди профессионалов, для которых деньги — это все-таки главное. Да, по своей психологии Детлеф остался европейцем, пусть и принимающим законы того мира, в котором живет. В этом плане доказательна его реакция на переход (продажу) из «Даллас Мейверикс» в «Индиана Пейкерз».

— Честно говоря, меня покорила даже не сам факт: в конце концов владельцы клуба вправе делать то, что они хотят. Баскетбол — моя работа, в контракте оговорены все случаи, по которым контракт со мной может быть прерван, изменен (в том числе и в лучшую сторону), а по каким меня можно продать в другую команду. Обидела обыденность, с какой все было проделано. Мы на день останови-

лись в Атланте, и нас не отпустили домой: мы только вернулись из Сан-Антонио, где играли с местными «Спурс», и должны были вечером вылететь в Денвер на игру с «Наджетс». После обеда ко мне в номер зашел один из тренеров и сказал, что я продан в «Пейкерз». И хотя он был очень любезен, говорил, что лично он был против, утешал — мол, меня там ждут лучшие условия... А мне вдруг стало попросту неуютно. Что ж, пришлось паковать вещи и лететь в другой город, где уже на следующий вечер я сыграл за еще недавнего соперника. Хорошо еще, что сыграл удачно. И приняли меня тепло, и партнеры пришлись по душе. Правда, у нас в НБА при наших регулярных играх, поездках в одни и те же города, встречах с одними и теми же парнями волей-неволей со многими завязываются хорошие, добрые отношения. И все же было грустно, что все решилось за моей спиной. Но что делать — таковы правила этой игры. И потом ведь пока баскетбол — моя жизнь... Профессионал должен хорошо делать свое дело. Независимо от внешних обстоятельств, от собственных желаний, амбиций, страстей, привязанностей. И я стараюсь...

Что ж, формально Детлеф ничего не потерял. Напротив — даже приобрел. Во-первых, его гонорар значительно вырос. Если в Далласе он получал 370 тысяч в год, то в «Индиана Пейкерз» с ним подписали пятилетний контракт на сумму 500 тысяч долларов за сезон.

И ему, наконец, предоставили ту самую роль, в которой он и поразил всех на давнем уже чемпионате Европы-83. Из нападающего Детлеф вновь превратился в атакующего защитника, так называемого «второго номера». И если он в Далласе перестал отрабатывать дальний бросок (не требовалось от него это), почему и перестал выступать в конкурсах, то теперь вновь часами бросает и бросает по кольцу издали, отрабатывая забытое было, но грозное средство атаки. Так что в новом сезоне Америка увидела прежнего Шремппа, и он справедливо считает, что ему повезло. Этот штат в США — один из самых баскетбольных, здесь масса любителей этой игры, знаменита университетская команда, которую тренирует давний наш знакомец Билл Найт, на матчи «Пейкерз» собираются в среднем 12 тысяч зрителей — отличный показатель, больше, чем было в Денвере. И это зрители грамотные, умеющие оценить нестандартные действия. Шремпп на сюрпризы горазд, быстро нашел общий язык с новыми партнерами, а его неизменное хладнокровие, доброжелательность, открытость снискали ему любовь болельщиков и товарищей по команде.

Участие в одной из акций по борьбе с наркоманией в спорте только добавило Детлефу симпатий со стороны и общественности, и игроков, и функционеров. Эта проблема существует в профессиональном спорте издавна, а баскетбол здесь — не исключение. Причину сам

Детлеф видит в том, что в команды НБА ребята приходят прямо со студенческой скамьи,— понятия они еще не имеют о настоящей жизни взрослого человека. И пока они найдут в ней свое место, нужно время. Оторванные от дома, эти парни теряются. С одной стороны, на них давит пресс постоянного напряжения жестокой борьбы за выживание в лиге; с другой — невозможность реализовать деньги за развлечения, отдых, разрядку. Вот кое-кто и пробует снять напряжение с помощью наркотиков. И, хотя в НБА относятся к наркоманам достаточно снисходительно и разработана целая система мер по лечению несчастных, все-таки здесь стараются не доводить дело до обращения к медикам. Поэтому тренеры, сами баскетболисты, врачи большинства клубов НБА участвуют в борьбе с наркоманией. Одна из форм ее — лекции звезд спорта в школах, университетах, колледжах, их выступления перед юными игроками. Шремпф гордится тем, что регулярно выполняет такую миссию, неоднократно приезжал в свою бывшую школу, причем никогда не ограничивает свои «уроки нравственности» (как он их называет) только темой наркомании.

— Я говорю о жизни вообще, о том, что ждет молодого человека, когда он покидает стены учебного заведения и начинает борьбу за свое становление в мире взрослых. Пусть не все из моих слушателей станут спортсменами, баскетболистами. Мне важнее, чтобы они

поняли, как много нужно трудиться, какие соблазны ожидают их и как их избегать, как непременно нужно иметь цель и твердо идти к ней, как, самое главное, надо стараться быть человеком, личностью. Спортсмену тем более. Ведь законы профессионального спорта суровы, активная игровая карьера почти не оставляет тебе времени ни на что другое, кроме баскетбола. Это нелегко пережить. Особенно когда ты молод, богат и кажется, что перед тобой открыты все возможности. Нужен твердый стержень, умение выбирать приоритеты. Истинные профи таковыми и становятся потому, что не умеют поставить все на службу спорту, своей карьере, оставляя «легкую» жизнь на потом. Вот об этом я и рассказываю своим слушателям, зачастую приводя примеры из собственного опыта...

И все-таки сегодня Детлеф Шремпф — спортсмен. И только спортсмен, баскетболист. Конечно, он вкладывает заработанные — и немалые — деньги в дело, в чем ему помогают знания, полученные в колледже (Детлеф специалист в области маркетинга), он зарабатывает и на рекламе, то есть он во всех смыслах этого понятия — профессионал. И собирается быть им по крайней мере до 32 лет, пока не кончится контракт с «Индиана Пейсерз». Но мечтает поиграть и подольше. Правда, если встанет дилемма — уходить из НБА и отправляться в какой-либо из европейских клубов или становиться тренером, вы-

берет последний вариант. Причем предпочтет работать со студенческой командой, а не в НБА.

— Мне хватит того, что я отдам лиге как игрок, слишком много сил и нервных клеток оставлено здесь, чтобы еще продлить стресс уже в тренерском амплуа. В Европе же я буду играть только в том случае, если организуется лига. Иначе нет смысла: это баскетбол другого качества, после НБА нельзя опускаться вниз. Но за сборную ФРГ готов играть всегда и везде. И надеюсь, что еще сыграю...

Что ж, значит, мы еще не раз увидим великолепное мастерство, уникальные броски Детлефа Шремппа. С 1983 года мы не видели этого классного игрока. Наше ТВ, к сожалению, не демонстрировало пока ни матчей «Даллас Мейверикс», ни «Индианы Пейкерз». Может быть, нам повезет в каком-то из следующих сезонов, тем более что договоренность между Гостелерадио СССР и американской компанией Теда Тернера на показ некоторых матчей НБА есть. И конечно, мы увидим Детлефа Шремппа, если он сумеет выступить за свою национальную сборную ФРГ. Тем более что советские команды регулярно участвуют в розыгрыше Суперкубка в Дортмунде, куда Детлеф намеревается еще не раз приехать. В перспективе же, я уверен, очная встреча, встреча через много лет двух замечательных баскетболистов, ставших открытием того давнего чемпионата Ев-

ропы-83,— Арвидаса Сабониса и Детлефа Шремппа.

ЧАК НОРРИС

СЕКРЕТ ВНУТРЕННЕЙ СИЛЫ*

В моих жилах течет ирландская и индейская кровь. Русые волосы и светлую кожу я унаследовал от моих ирландских предков, а стоицизм перед лицом несчастья — от индейских. Став спортсменом-профессионалом, я иногда поддразнивал моих друзей-соперников: говорил, что если бы не выиграл бой благодаря ирландской смекалке, то после боя заговоривший во мне индеец снял бы с противника скальп!

Этот стоицизм очень пригодился мне в жизни — я не из тех, кому хоть что-то дается легко. Но именно поэтому, наверное, мне и удалось в жизни ни чего-то добиться.

После школы мне хотелось стать полицейским, но я был слишком для этого молод. Я высчитал, что если пойду служить в армию, то смогу попасть в военизированную полицию и на практике познакомиться с работой. Так в августе 1958 года я поступил на военную службу, и меня отправили на базу военно-воздушных сил в Техас. Кстати, еще там, на базе, у меня появилось прозвище, ставшее

* Перевод с англ. Н. Хроповой и В. Липатова.— Прим. ред.

потом моим псевдонимом. Товарищ по казарме как-то спросил, какому английскому имени соответствует мое имя — Карлос. «Чарльз», — ответил я. «Тогда мы будем звать тебя Чак». И с той поры прозвище приклеилось ко мне, хотя и домашние, и старые друзья по-прежнему зовут меня Карлосом.

А потом меня перевели в Корею.

Я, конечно, и подумать не мог, что эта командировка изменит всю мою жизнь.

Прибыв на базу в Корею, я обнаружил, что есть лишь четыре способа убить свободное время: слоняться по казарме и играть в карты; удариться в пьянство; заняться самообразованием; изучать какое-нибудь из восточных боевых искусств. Сиденье над книгой меня по молодости лет и глупости тогда еще не очень привлекало. Пить я не стал бы ни в коем случае — отец мой был алкоголиком, и я достаточно натерпелся от его болезни. Убивать время попусту мне тоже не хотелось — от этого «занятия» мама еще в раннем детстве отучила и меня, и моих братьев. Так что я решил заняться спортом, хотя в школе не очень-то блистал: немного занимался гимнастикой и, как все мальчишки, играл в футбол и бейсбол. Единственным видом восточных единоборств, о котором я хоть что-то слышал, было дзюдо, поэтому я и вступил в клуб дзюдо на нашей базе. Я считал, что знание приемов самообороны мне, если я хочу

стать полицейским, не повредит.

Но через две недели я сломал на тренировке руку. Занятия дзюдо пришлось прервать. И вот однажды, когда я без толку слонялся по деревне, я вдруг услышал в отдалении странные резкие выкрики. На окраине деревни был пригорок. Дойдя до него, я увидел, как над пригорком то и дело выскакивают чьи-то головы. Я подошел поближе и увидел нескольких корейцев в белых кимоно, которые подпрыгивали, демонстрируя эффективнейшие удары ногами. Мне и в голову не могло прийти, что человек способен на такие удивительные движения.

Вернувшись на базу, я спросил инструктора по дзюдо мистера Ана, что это такое я видел. Он сказал, что это вид корейского каратэ — тэнгсудо. Тогда и каратэ было для меня пустым звуком, однако я поинтересовался, смогу ли я разучивать эти удары ногами, пока не заживет моя рука. В те времена мало кто из живших в Корее американцев занимались восточными боевыми искусствами, да мы к тому же считались людьми, к ним неспособными. И все же благодаря рекомендации мистера Ана меня взяли учеником.

Инструктор по тэнгсудо проводил занятия на утрамбованной земляной площадке, огороженной бамбуковой изгородью. У него было двадцать учеников, большинство — корейцы, обладатели черного пояса, американцев было совсем мало. Курс обучения сво-

дился к одному: если ты хочешь овладеть искусством каратэ, ты им овладеешь. Поблажек мне никто не давал, как спортсмен я не представлял для остальных учеников никакого интереса, они были ко мне равнодушны, и я старался изо всех сил, чтобы сравняться с ними.

Мы занимались по пять часов в день кроме воскресенья (когда зажила рука, я по воскресеньям продолжил и занятия дзюдо). Из дня в день повторялись одни и те же упражнения. Мне не хватало гибкости, да и с координацией тоже не все ладилось, поэтому упражнения доставляли мне настоящие муки. Однако, думаю, именно низкий уровень физической подготовки и предопределил мои будущие успехи. И в дальнейшем, когда я уже был тренером, я предпочитал учеников, изначально не обладающих из ряда вон выходящими данными,— такие полны решимости работать. А те, у кого прекрасные способности, очень часто ленятся.

По вечерам тело так ныло и болело, что я мог спать только на спине. И все же, несмотря на боль и напряжение, я сказал себе: «Если мне удастся стать настоящим каратэкой, я справлюсь с чем угодно». Я постигал искусство каратэ, заставляя и приучая себя делать то, что мне давалось с большим трудом, то, что мне не очень-то и хотелось делать. Главное для меня тогда было — победить себя. И уж, конечно, я не предполагал, что придет время — и ка-

ратэ станет главным делом моей жизни и я стану чемпионом мира!

...Я выиграл этот чемпионат. За одиннадцать часов я провел тринадцать боев и все завершил досрочно, чистой победой. После этого моим единственным желанием было рухнуть в постель, но когда я выходил из зала, ко мне подошел Брюс Ли. Я знал о нем, но мы никогда не встречались. Пару лет назад я был на его потрясающих показательных выступлениях, кроме того, видел некоторые его актерские работы в телесериале «Зеленый шершень».

Оказалось, что мы живем в одном отеле. На обратном пути мы разговаривали о боевых искусствах, о философских концепциях, лежащих в их основе. Мы настолько увлеклись беседой, что не заметили, как попали на этаж Брюса.

Я посмотрел на часы: без пятнадцати минут полночь. Но нам было так интересно, что мы побросали свои вещи прямо в холле и перешли к наглядной демонстрации своих представлений о технике и стратегии боя. Когда я в следующую раз взглянул на часы, было семь утра. Мы работали семь часов без перерыва! Брюс оказался таким динамичным и виртуозным бойцом, что эти часы пролетели для меня, как двадцать минут. Таковой была моя первая встреча с Брюсом Ли.

Мы подружились и стали устраивать совместные трени-

ровки в саду его дома в Калвер-сити, в Калифорнии. У Брюса было все необходимое оборудование — мук-джунг*, макивара**, а также всевозможные боксерские «груши» и подвесные снаряды.

Мы тренировались раз или два в неделю по три-четыре часа. Брюс оказался весьма искусным каратэкой и самым выносливым бойцом из всех, с которыми мне когда-либо приходилось сталкиваться...

Мы стали настоящими друзьями, и Брюс поделился со мной своей мечтой: больше всего на свете он хотел стать самым знаменитым актером-каратэкой в мире. Поэтому все, что он делал, было направлено на достижение этой цели. Он уже был известен как один из лучших постановщиков кинотрюков, давал частные уроки звездам американского кино, таким, как Джеймс Коуберн, Стив Маккуин и Стерлинг Силлифант. Ученики были большими поклонниками искусства Ли и охотно ему помогали, рекомендовали для тех или иных фильмов.

В 1968 году его утвердили постановщиком трюков в фильме «Аварийная команда». В главных ролях должны были сниматься Дин Мартин, Элка Соммер и Шарон Тейт. «В фильме есть небольшая роль, как раз для тебя, — сказал мне Брюс. — Ты можешь сыграть

телохранителя Соммер и даже произнести одну фразу. Ну как, устраивает?» Эта маленькая роль оказалась моим дебютом в кино, но он прошел отнюдь не гладко: как раз перед съемками я должен был отстаивать титул чемпиона мира среди полупрофессионалов*. Я его выиграл, но какой ценой! На съемочной площадке я появился с таким громадным синяком, игравшим всеми цветами радуги, что выдавшие виды гримеры чуть не рухнули в обморок. В конце концов меня привели в порядок, но свою единственную фразу я произносил настолько плохо, что эпизод уже хотели выбросить из фильма, а Брюс устал грозить мне кулаком из-за софита. Наконец я справился и с текстом, а «Аварийная команда» оказалась не самым плохим фильмом 1968 года.

В начале 1970 года Брюс Ли решил вернуться в Гонконг: «Вначале я стану кинозвездой там, причем кинозвездой такого класса, что Голливуд не сможет обойтись без меня»...

Брюс вновь ворвался в мою жизнь летом 1972 года. Он позвонил из Гонконга и сказал, что два фильма, которые он снял, произвели в местной прессе фурор и их прокат в Америке — дело решенное.

* Под полупрофессионалами фактически понимаются любители, то есть каратэки, не прошедшие многолетней подготовки по одной из систем, практиковавшихся в буддийских монастырях Китая, Кореи и Японии и дошедших до наших дней в неизменном виде; Брюс Ли также принадлежал к категории полупрофессионалов. — Прим. пер.

* Мук-джунг — специальный тренажер, выполненный в виде манекена. — Прим. пер.

** Макивара — приспособление для отработки точности и силы ударов. — Прим. перев.

Он хотел, чтобы я снялся в его следующей картине «Возвращение дракона», режиссером и исполнителем главной роли в которой также будет сам Брюс. «Я хочу снять сцену нашего с тобой поединка в римском Колизее,— говорил он,— мы сами сделаем режиссуру боя, и, знаешь, я уверен, что наша схватка станет кульминацией фильма».

Предложение было весьма кстати: у меня возникли некоторые семейные проблемы, и Брюс давал мне возможность оторваться от Калифорнии и подумать над своей жизнью. Кроме того, я был уверен, что участие в его фильме — пусть даже гонконгского производства — станет рекламой, которая привлечет еще больше учеников в мою школу. Но я никак не мог предполагать, что это будет началом моей новой карьеры.

Мой друг, ученик и партнер Боб Уолл тоже получил небольшую роль и вылетел со мной в Рим. Когда наш самолет приземлился в аэропорту, Брюс и его киношная команда ждала у трапа, снимая наш выход,— Ли планировал вставить эти кадры в фильм.

Брюс хотел, чтобы для сцены в Колизее я выглядел как можно внушительнее. В то время я весил 73 килограмма (Брюс — 65), и он попросил меня набрать еще как минимум девять. Так я начал планомерно обжираться за счет кинокомпаний.

Первые две недели мы с Бобом провели как обыкновенные туристы: глазели на

достопримечательности, мотались между собором св. Петра, Ватиканом и фонтаном Треви, бродили по катакомбам и паркам. В промежутках между посещениями всех этих славных мест Боб тащил меня в ресторан, где я, как питон, заглатывал всю самую жирную пищу, приправляя праздник чревоугодия гигантскими порциями итальянского мороженого, откровенно говоря, самого вкусного мороженого в мире.

Когда я стал достаточно кошмарным, Брюс потащил меня в Колизей «пощупать натуру». Я стоял рядом с Брюсом в туннеле, ведущем на арену, и испытывал странные чувства, в голове проносились отрывки из фильма «Спартак» с Керком Дугласом и т. п. Но Колизей оказался гораздо большим, чем я предполагал, он произвел на меня огромное впечатление. Меня поразила мысль, что не так давно — в масштабах человеческой истории, конечно,— из этого туннеля на арену выходили гладиаторы и вступали в смертельную схватку, а вокруг шумела толпа. Съемки эпизода, который должен был стать центральным, заняли три дня. Работать с Брюсом было трудно, но эта работа доставляла настоящее удовольствие. Несмотря на то, что он был новичком в кинорежиссуре, Брюс точно знал, чего он хочет, как должна перемещаться камера, какой ракурс следует выбрать оператору. В картине я играл злодея, но, к счастью, Брюс не превратил меня в за-

конченного негодяя: когда его герой убил меня, Брюс набросил на поверженного собственное кимоно и пояс и склонился в ритуальном поклоне, выражая почтение и уважение к погибшему противнику. Съемки «Возвращения дракона» обошлись всего в 240 тысяч долларов, его прокат принес доход более 80 миллионов долларов, а наш бой действительно стал классикой кинематографического каратэ, как и предсказывал Ли.

После съемок в Риме Брюс, Боб Уолл и я отправились в Гонконг доснимать оставшиеся эпизоды. Там Брюс организовал наше участие в популярной телепрограмме. Нам задавали вопросы о фильме, потом меня попросили показать «что-нибудь из каратэ». Я попросил Боба встать на стул и в прыжке выбил ногой у него изо рта сигарету. Потом мы провели с ним небольшой спарринг, в котором постарались продемонстрировать нашу манеру боя.

На следующий день в местной газете появилось объявление, в котором неизвестный вызывал меня на поединок. Сообщение обнаружил Брюс — я-то не знал китайского. «Не обращай внимания, — смеялся он, — меня постоянно донимают подобными вызовами. Не думай, что кто-то и в самом деле хочет сразиться с тобой, этому парню просто нужна реклама». Но Боб ужасно расстроился: «В фильме у меня такая крохотная роль, что я сам не могу отыскать себя на экране. Может быть, я

могу принять этот вызов?» — жалобно попросил он Брюса. «Как хочешь», — засмеялся Брюс и организовал Бобу встречу с гонконгскими любителями. Боб поднялся на сцену и грозно произнес: «Мой сенсей Чак Норрис получил от одного из вас вызов на поединок. Конечно же, Чак гораздо более опытный и умелый каратэка, чем я, поэтому вначале тому, кто бросил вызов, придется сразиться со мной, чтобы я оценил его мастерство, а также достоин ли он выйти на татами с самим Чаком Норрисом. Наш поединок будет транслироваться на весь Гонконг, а состоится он прямо сейчас, но предупреждаю, кто бы ни был тот, кто послал вызов, я намерен убить его здесь, — Боб грохнул пяткой об пол, — на этом самом месте».

Конечно же, никто на сцену не поднялся, и больше в Гонконге меня ни разу не вызывали на бой...

Брюс вновь появился в Лос-Анджелесе в середине июля 1973 года. «Я всего лишь на один день, — сказал он по телефону, — может быть, позавтракаем вместе?» Я был очень рад снова слышать его голос и, признаться, испытывал жуткое любопытство: что же привело его в Америку?

Мы встретились в китайском квартале в любимом ресторанчике Брюса. За традиционным дим-сум Брюс рассказал, что во время очередных съемок в Гонконге он несколько раз непонятным образом терял сознание. Тамошние

врачи не смогли дать ему удовлетворительного объяснения, поэтому он решил показаться солидному врачу и пройти полное обследование. А этим утром он узнал результаты проверки.

— Можешь меня поздравить,— заявил он гордо,— врач сказал, что у меня организм восемнадцатилетнего.

— А что же было причиной обмороков?

— Врач не знает. Наверное, перенапряжение и эти чертovsky стрессы.

Брюс принялся рассказывать об успешном прокате своих фильмов, о только что закончившихся съемках новой ленты «Появление дракона», о том, что ему предлагают сотрудничество Карло Понти и другие известнейшие кинопродюсеры, что фирма «Уорнер бразерз» сулит невиданный контракт...

Я знал, какие препятствия ему пришлось преодолеть, как настойчиво и упорно он шел к своей цели, и был рад за него. Мы говорили о том, что человек строит жизнь не на прожитых годах, а на своих достижениях. Это был пророческий разговор, я буду помнить его всю жизнь...

Брюс вернулся в Гонконг. Спустя четыре дня, 20 июля 1973 года, пришло сообщение о его смерти. Я не мог этому поверить. Мой гонконгский друг позвонил мне и сказал, что Брюс умер при таинственных обстоятельствах, которые сейчас расследуются.

Позже я прочитал, что гонконгский следователь вынес

следующий вердикт: «Смерть в результате несчастного случая». Тотчас же поползли слухи, что официальное заключение — подлог. Наибольшей популярностью пользовалась версия, что Брюс получил «замедленный смертельный удар», который нанес какой-то старец, специалист по «монастырскому каратэ», нанятый кем-то из недоброжелателей...

Брюсу было всего тридцать два года. В момент смерти Брюс был в идеальной физической форме, и ни одна из возможных причин смерти не казалась удовлетворительной, если это слово вообще здесь уместно. Власти Гонконга настаивали на вскрытии. Один лишь этот факт вызвал шквал сенсационных предположений, у каждого журналиста было собственное мнение: одни склоняли общественность к версии о таинственном носителе страшного древнего искусства «замедленного удара», другие навязывали идею отравления, кое-кто говорил о злоупотреблении наркотиками.

Расследование заняло еще девять дней и окончательным результатом его было подтверждение предыдущего вердикта: «Смерть в результате несчастного случая». Причина смерти: отек мозга, вызванный аллергической реакцией на вещество, случайно попавшее в организм. Некоторые люди могут стать жертвами пенициллина, у других подобная реакция возникает на пчелиный укус. В случае с Брюсом было выяснено, что его организм от-

реагировал на вещество, входящее в состав таблеток от головной боли.

Брюс всегда шел к своей цели напролом, преодолевая все, в том числе и физические муки, и никогда не позволял себе расслабляться. Вероятно, это вызвало сильнейшие головные боли, из-за которых он и начал принимать лекарства.

Более двадцати тысяч скорбящих поклонников этого великолепного актера собрались на церемонию отпевания в Гонконге. Похоронили же Брюса в Сизтле, на мирной зеленой лужайке неподалеку от университета, где он учился, где познакомился с Линдой, своей будущей женой.

Мемориальная служба состоялась и в Сан-Франциско. Я был там вместе со Стивом Маккуином и Джеймсом Коуберном, бывшими учениками Брюса, бывшими друзьями. Я вспоминал последний разговор с Брюсом и думал, догадывался ли он о своей участи. В последние годы он достиг почти всего, о чем мечтал: он стал знаменит как спортсмен и киноактер. Но ирония судьбы заключается в том, что он не успел насладиться триумфом, который был уготован его фильму «Появление дракона»: только после смерти Брюс стал легендой...

Именно Брюс Ли стал моим «крестным отцом» в кинематографе, хотя первый свой опыт на съемочной площадке я не принял всерьез. Но обстоятельства сложились так, что к

началу 70-х годов я решил уйти с турнирной орбиты. К этому времени я завоевал все самые престижные звания и вполне мог бы продолжать выступать, мне было лишь немногим за тридцать, а для каратэки это не возраст. Но в это время начал существенно падать уровень участников соревнований. Спортсмены стали выражать недовольство судьями, инструкторы пытались взять под контроль ход матчей. В недалеком прошлом, когда спортсмен не проявлял должного уважения на татами, его просто удаляли. Я понимал, что дух товарищества, царивший на соревнованиях, исчезает. Правда, в начале 80-х устроители вновь стали следить за тем, чтобы спортсмены проявляли друг к другу уважение. С той поры к соревнованиям возвращается былая слава.

После официального ухода из каратэ мне стало очень тоскливо. Я продолжал работать тренером: слава чемпиона привлекала в мои школы все новых учеников, среди которых было немало знаменитостей (так, у меня учились многие киноактеры, в том числе жена Элвиса Пресли Присцилла), но все-таки чего-то явно не хватало. Однажды я рассказал о своих ощущениях моему другу актеру Стиву Маккуину. И он предложил: «А почему бы тебе всерьез не попробовать сниматься в кино?» «Должно быть, ты шутишь,— ответил я.— Я никогда не занимался ничем, что связано было бы с искусством. Даже не

участвовал в любительских спектаклях в школе». «Быть киноактером даже труднее, чем быть актером театрального, — сказал Стив. — Важно, сможешь ли ты заполнить собою экран. И только камера определит, есть ли у тебя этот талант. Попробуй!»

И я записался в актерский класс. Мы занимались по восемь часов в день: постановка голоса, сценическое движение, актерское мастерство и т. п. По сравнению с другими студентами, у которых, несмотря на молодость, все же был какой-то театральный опыт, я, 34-летний мужчина, был ребенком. Как актер я носил белый пояс. Но я был полон решимости учиться.

На занятиях мы ставили отрывки из пьес. Сначала все читали их, а потом демократическим большинством решали, кто будет играть. Меня не выбирали ни разу.

После того, как студент разыгрывал сценку, другой должен был выступать в роли критика. Иногда такие критические выступления были неоправданно резкими. Мне всегда казалось, что критика должна быть скорее положительной, чем отрицательной, и если роль критика доставалась мне, я сначала отмечал достоинства, а затем плавно переходил к предложениям по улучшению неудавшегося. Но я никогда никому не говорил, что что-то сыграно неправильно, потому что я и не знаю, что такое «правильная» игра. Это дело актера, и кто-то играет лучше, а кто-то — ху-

же. И в конце года я представил сцену, которая, на мой взгляд, была достаточно хороша. Но мой критик разнес ее в пух и прах, и весьма невежливо. Он даже поинтересовался, с чего это я решил, что могу стать актером. Я чувствовал, что весь киплю. В конце концов я спросил: «С какой стати вы мне объясняете, что правильно, а что нет? У вас не больше опыта, чем у меня». Я повернулся к нашей руководительнице: «Я стану выслушивать только ваши замечания, потому что вы — профессионал. Но от остальных — не собираюсь». Это было мое последнее занятие.

И все же я стал актером. Я снялся более чем в пятнадцати фильмах и всегда отдаю себе отчет в том, что, какую бы роль я ни исполнял, мальчишки видят на экране прежде всего чемпиона Чака Норриса, вне зависимости от того, кого я играю. Поэтому я не могу позволить себе принимать участие в фильмах, которые могли бы нанести ущерб уже сложившемуся образу. Если бы герой стал употреблять наркотики, мальчишки, увидев это, сказали бы: «Если Чак курит гашиш, значит, это нормально». Я не принимаю участие и в эротических сценах, так как считаю, что подобные сцены вредны подросткам. А вот драки им полезно смотреть! Пока я ощущаю себя моделью для подражания, я должен быть положительным героем, которого дети копируют и с кем пытаются соревноваться.

Как актер и как бывший тренер, я так стараюсь преподнести каратэ, чтобы мальчишки смогли увидеть разницу между боевым искусством и простой дракой. И никогда не увлекаюсь боем ради боя. Персонажи, которых я играю, используют свои умения только как последний аргумент в споре, и то лишь для того, чтобы победить зло. Основная тема моих фильмов может быть сформулирована так: человек должен сделать все возможное, чтобы оставаться порядочным до конца. Все мы должны преодолевать какие-то препятствия в жизни, и мне нравятся фильмы об обычных людях, совершающих невероятные поступки, встречающих непреодолимые препятствия и успешно их преодолевающих. Большинство моих фильмов — новые версии старых ковбойских боевиков, на которых я рос. В тех фильмах, как и в моих, всегда побеждает славный парень.

В течение последних двух десятков лет я дал сотни интервью, переговаривал с тысячами школьников, дал советы нескладному числу родителей и подростков, которые хотят что-то узнать о каратэ.

Наиболее часто встречающийся в беседах с родителями вопрос: «Какую реальную пользу может получить мой ребенок от занятий каратэ, кроме того, что научится стоять за себя?» Вот мой ответ: основа боевых искусств — уважение и дисциплина. Уважение

начинается тогда, когда ученик входит в тренировочный зал и кланяется. Оно выражается в том, как ученик относится к инструктору и своим товарищам. Важно, что он учится уважать и других, например родителей. Во время тренировок предполагается, что ученики безоговорочно принимают определенные правила дисциплины. Что же касается самих упражнений, то они требуют постоянной практики и сосредоточенности, инструктор же постоянно поощряет, подбадривает учеников, помогает им продолжать тренировки, развивает привычку не бросать то, что начал. Дисциплина помогает ребятам справляться и со школьными заданиями, так как приучает заниматься постоянно; помогает также справляться и с неприятностями в повседневной жизни. Существуют нравственные ценности, которым не учит западный спорт. Ценности, постигаемые на наших занятиях, помогают овладеть конкретными, реальными правилами поведения в жизни.

Странно, но многие банальные истины неверны. Например, представление о том, что единственным условием победы является мужество в чистом виде. Мужество отнюдь не предопределяет успех в бою — кое-что значит и умение! Часто встречаешь спортсменов, считающих, что им прежде всего необходима личная отвага, но такие быстро сворачивают себе шею. Они делают ставку на характер, а не на умение и опыт. Бывает,

что противник увлекается и забывает об осторожности или неправильно проводит блокировку, а в результате — травма! Да, в полупрофессиональном каратэ существует возможность получить травму, но поединки со смертельным исходом — редкое явление, так как правила соблюдаются неукоснительно.

Настоящего спортсмена отличает и способность не обращать внимание на боль. Сосредоточенность на стремлении к победе отвлекает от физической боли.

И самое главное: боевые искусства помогают преодолеть страх, сидящий во многих из нас. До того как я начал заниматься каратэ, я был крайне неуверенным в себе, в том, что смогу справиться с какими-то опасными ситуациями. Но, добившись определенных успехов в изучении боевых искусств, я смог избавиться от неуверенности. Я занимаюсь этим видом спорта уже почти тридцать лет, но так ни разу и не применил свои умения на практике — не пришлось. Но если бы я не тренировался все эти годы, я бы постоянно думал о том, что может произойти, и нервничал бы из-за этого. Если владеешь каким-либо видом борьбы, то проблемы, связанные с применением физической силы, не возникают, потому что внутренне ты готов к решению. А самодисциплина, возвращенная на татами, и воспитанное в истинном каратэке уважение к людям не позволяют тебе попадать в ситуации, когда

требуется применение твоего боевого искусства.

БОРИС ТОСУНЯН

КТО ВЫ, ТОВАРИЩ БАРОН!

Я снял трубку. Звонили от барона... Однако удивило другое — когда сказали, что Лихтенштейнский дворянин ищет встречи с советским спортивным журналистом: уж чем-чем, а вниманием нашей прессы Эдуард фон Фальц-Фейн никак не обделен. О потомке основателей заповедника Аскания-Нова, что на Херсонщине, ныне гражданине Лихтенштейна (он был ребенком, когда родители приняли решение покинуть Россию), человеке, вернувшем нашей стране немало принадлежащих ей огромных культурных ценностей, писали «Правда» и «Известия», «Советская культура» и «Международная жизнь»... Был снят и телефильм — «Аукцион». «Товарищ барон», как с легкой руки журналистов стали его величать, за патриотическую деятельность награжден почетным знаком Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Предки его по линии отца приехали в Россию из Германии по приглашению Петра I. Ну а по материнской линии он — Епанчин, потомок знаменитых русских адмиралов, участников Наваринского сражения.

— Молодой человек, — объясняет мне барон свое же-

ление дать интервью,— я уже не в том возрасте, когда могу позволить себе молчать. Мне ведь есть что вам рассказать: дело в том, что я еще — и спортсмен до мозга костей. Давно с пристальным интересом слежу за участием советского спорта в мировом олимпийском движении... Да и если попросту говорить, искренне болею за ваших ребят. Особенно если соревнования складываются для них не самым лучшим образом.

Хотите верьте, хотите нет, но в том, что Олимпиада-80 избрала своей столицей Москву, есть и доля моего участия. Во время Олимпийского конгресса в Варне я в неофициальном порядке «обработал» большую часть членов МОК, агитируя их поддержать инициативу москвичей. Надо сказать, что хотя ваш покорный слуга и не является членом этой авторитетной организации, тем не менее там меня хорошо знают и с моим мнением считаются. Как-никак, а с 1932 года не пропускаю ни одних Олимпийских игр и долгое время был президентом НОК Лихтенштейна.

В Лейк-Плэсиде в 1932 году бобслеисты впервые вышли на старт олимпийского турнира. Участвовал в соревнованиях и я. Правда, до первого места не добрался; но и последним не был. Тогда бобслеисты проводили больше времени... на деревьях, расположенных рядом с трассой, чем мчались по ней. Сейчас приняты меры безопасности, которые не позволяют спортсменам «улетать» за

пределы желоба, а прежде мы очень часто теряли людей. К сожалению, беда не миновала и меня. В 1956 году я тренировал команду лихтенштейнских бобслеистов. Сборная поехала в Кортина д'Ампеццо на зимние Игры, рассчитывая даже на успех, но произошла трагедия: погиб мой пилот. С тех пор бобслей у нас оказался под запретом. Признаться, я даже не ожидал, что князь Франц Иозеф II фон Лихтенштейн пойдет на такие крутые меры. Но пришлось подчиниться приказу монарха и расформировать команду.

С князем мы соседствуем. Живем на альпийской вершине. Выше — только пугающие камнепадами скалы да небо. Камни действительно падают, и именно это обстоятельство помогло мне стать собственником бывшего княжеского участка. Правитель Лихтенштейна подарил его своему сторожу за верную многолетнюю службу, а тот испугался за свою жизнь и решил расстаться с поднебесными владениями.

Так что теперь, когда возникают какие-нибудь вопросы по спорту, решать их бывает проще, чем раньше. Как-то прихожу к своему знатному соседу и говорю: «Нужна ваша помощь. Нашел удивительных горнолыжников. Они обязательно будут олимпийскими чемпионами, но существует серьезная преграда на их пути к вершинам славы. Выступать они хотят за Лихтенштейн, а нашего гражданства у них нет». «А вы уверены, что они будут чемпионами?» — спросил князь.

«Даю голову на отсечение», — не моргнув глазом, ответил я. Через несколько дней в виде исключения (обычно такой милости люди ждут лет двадцать) документ был подписан.

Кстати, свое слово я сдержал. Ханни и Андреас Венцель завоевали олимпийские медали. Она — две золотые и серебряную, он — серебряную. Уникальный случай, если учесть, что в сборной Лихтенштейна практически только Венцели и были. Когда я выступал там по телевидению, меня спросили, как это удалось в таком маленьком государстве составить такую сильную команду. «Их тренировал я», — ответил скромно. А потом добавил: — Вообще, это победа русских. Ведь я русский».

Ханни и Андреаса я повстречал недалеко от своей виллы «Аскания-Нова». Они катались по склонам, а я наблюдал за ними. Потом подошел к молодым горнолыжникам. Они стали жаловаться, что у них нет денег на хорошее снаряжение. Не помню откуда, но уже тогда я знал, что они прогремят на весь мир. Начал им помогать, стал спонсором.

Откуда Эдуард Александрович берет деньги на свои благотворительные цели? Его по праву называют создателем туризма в Лихтенштейне. Кстати, именно за это он и удостоен титула «барон». Дело в том, что раньше Лихтенштейн не входил в число туристских объектов Западной Европы. Именно Фальц-Фейн предложил ведущим американским туристским фирмам изменить рекла-

му европейского туризма, написав в проспекте путешествий: «За ту же плату, но не по семи, а по восьми странам». Восьмым государством оказался Лихтенштейн. Приток туристов весьма содействовал развитию экономики княжества. После этого своего успеха в бизнесе Фальц-Фейн стал первым президентом туристского совета Лихтенштейна.

— Расскажите, пожалуйста, как вы пришли к такой идее?

— Мне было пять лет, когда родители увезли меня из России. Прошло время, и я поступил в колледж, учился на агронома. Но, получив диплом, махнул на сельское хозяйство рукой и стал изучать организацию спорта и туризма. Ну а это мне очень пригодилось, когда в 1945 году я покинул Францию и навсегда поселился в Лихтенштейне. К слову, сегодня я — единственный русский в этом государстве. Стал убеждать власти, что развитие туризма и спорта поднимет экономику страны. Для привлечения туристов мало было развесить плакаты, дать рекламу в газетах и выпускать красочные буклеты. Нужно было вложить душу. И я весь отдался этому делу.

...А еще Эдуард фон Фальц-Фейн является одним из руководителей Международной федерации бобслея и тобогана.

— Как видите, сложив с себя полномочия тренера, я не порвал с любимым видом спорта. В федерации занят финансовыми вопросами. Счета нам приходят километровые, так

что дел — по горло. Деньги у нас есть, а вот необходимого количества стран, которое требует от нас МОК, никак набрать не можем. В прошлой Белой олимпиаде в турнире бобслеистов участвовало 19 государств, а нужно 21. Будет очень жаль, если из-за этого бобслей выведут из олимпийской программы. Поэтому деньги я предлагаю не жалеть, а помогать ими слаборазвитым в бобслейном отношении странам. Надеюсь, что нам удастся все же выйти из кризиса.

Уверен, чтобы поправить положение, необходимо еще и создать два парка бобов — в Европе и Америке — и выдавать машины гонщикам как бы напрокат. Расходы на транспортировку бобов ныне просто чудовищные, вот почему многие страны не хотят связываться с нашим видом спорта. Идея создания парков нравится мне и тем, что соревноваться будут тогда спортсмены, а не ученые, создающие быстроходные модели.

Глядя на моего собеседника, никогда не дашь ему 77 лет. О причинах своей молодости барон говорит так:

— Слежу за собой: соблюдаю диету, которую разработал сам, не пью, не курю, каждый день на велосипеде проделываю путь в двадцать километров вдоль Рейна (барон в прошлом был еще и чемпионом Франции по шоссейным гонкам). А когда альпинисты в трудных условиях зимы хотят пройти в Альпах по легендарному маршруту Суворова, не боюсь возглавить группу.

— Минутку, — мой собеседник прерывает беседу и лезет в свой «дипломат». — У меня для вас сувенир.

Он достает конверт с маркой, на которой изображен Суворов.

— Знаете эту историю? Несколько лет назад я установил в Лихтенштейне памятник замечательному русскому полководцу. Копаясь в архивах, обнаружил, что после своего легендарного перехода через Альпы Александр Васильевич два дня прожил в Лихтенштейне — 11 и 12 октября 1799 года.

Об этом на русском и немецком языках гласит надпись на памятнике. А потом я выпустил по этому поводу и специальную марку.

Стране, где я родился, всегда принадлежало и принадлежит мое сердце. Скажу вам, что истинно русское сердце всегда полно любви к отечеству и своим соотечественникам.

— Эдуард Александрович, как давно вы занялись поисками и приобретением произведений русских мастеров?

— Лет двадцать назад. Юлиан Семенов недаром назвал фильм «Аукцион»: после войны я бывал на всех аукционах в Лондоне, Женеве и Цюрихе, где продаются русские художественные ценности. На родину я возвратил их немало. Шесть из них в Третьяковке — Бенуа, Репин, Айвазовский, Коровин. Еще сравнительно недавно цены на аукционе были относительно терпимы, и мне не особенно трудно было ску-

пать произведения наших мастеров...

— Я даже сплю на фоне Красной площади,— и, довольный произведенным эффектом, добавил: — На аукционе купил чудесный гобелен французской работы, на котором вышит храм Василия Блаженного, и повесил его в спальне.

— А когда вы стали искать Янтарную комнату?

— Давно. Вместе с Георгом Штайном из ФРГ мы немало времени и средств потратили. У Георга собран богатейший архив, но, к сожалению, моего друга уже нет в живых. И одному мне трудно продолжать поиски. Многого пока, признаться, мы не добились. Есть, конечно, версии, догадки. И все же нельзя считать наш труд напрасным. Как-никак, а мы нашли в Баварии около двухсот редких русских икон и возвратили их родине.

Это не так просто — возвращать на родину то, что оказалось за ее рубежами. А возвращать предстоит многое: только на Украине гитлеровцы похитили из наших музеев более 330 тысяч произведений искусства, среди них Рембрандт, Рубенс, Рафаэль, Ван Дейк, Репин, Серов, Левитан, Куинджи... Только из минских библиотек полевым штабом рейхсминистра Розенберга, казненного в Нюрнберге по приговору Суда народов, было вывезено более 4 миллионов редчайших книг.

В Лондоне на аукционе Сотби, когда шла распродажа удивительной коллекции Дягилева, состоялась настоящая битва

за сокровища. Она была хорошо спланирована: это не просто сражение любителей искусства, это — схватка, пружины которой таинственны, сокрыты глубоко, и идеологическая подоплека не составляет особого секрета. Там, в Лондоне, на Нью-Бонд-стрит, делалось все, чтобы помешать возвращению на Родину коллекции Дягилева.

Тем не менее барон Эдуард фон Фальц-Фейн смог отвоевать от исчезновения в частных коллекциях целый ряд шедевров русского искусства...

— В итальянской прессе как-то промелькнуло сообщение, что вы увековечили память дочери Ф. М. Достоевского.

— У Федора Михайловича была дочь. Она поехала лечиться в Италию, в город Мерано, и там умерла. Мне сообщили, что могила находится в плачевном состоянии. Я поехал в Мерано и увидел, что это, увы, действительно так. Пошел к мэру города, сказал, что прихожусь родственником усопшей. Мне разрешили привести в порядок могилу, заказать и установить надгробие. Теперь на нем высечена надпись на русском и итальянском языках: «Здесь покоится прах Любови Достоевской, дочери русского писателя, которая была преданным и любящим биографом своего великого отца». Я считал своим долгом, долгом русского человека, увековечить ее память.

Проживающий в княжестве Лихтенштейн Фальц-Фейн никогда не забывал о покинутой родине — России, вернув нам многие сокровища. Однако, к

сожалению, долгие годы в нашей литературе имя Фальц-Фейна изымалось из обращения, и наш читатель мог подозревать, что знаменитая Аскания-Нова явилась как бы сама по себе, будто рожденная по щучьему велению, а редкие звери Азии, Африки или Америки, презрев все преграды и расстояния, сами по себе вдруг сбежались в степи Таврии.

Не пора ли помянуть добрым словом создателей уникального заповедника и рассказать об этой семье то, что мы знаем? Но прежде — еще один вопрос барону:

— Вы бывали в Аскании-Нова?

— Да, довелось. И знаете, остался в восторге. Ведь по тем местам прокатилась война, и я был уверен, что и зайца там не встречу. Как я был растроган и взволнован, увидев, что заповедник восстановлен, что кипит большая научно-исследовательская работа. В последнее время я передал в дар местному музею около 130 картин, документов и различных вещей, рассказывающих о становлении и развитии этого «острова в степи», на котором были собраны редчайшие виды флоры и фауны.

Честь и хвала сотрудникам заповедника, сохранившим лошадь Пржевальского. В свое время мой дядя организовал экспедицию в монгольские степи за этими животными. Из Аскании они пошли в зоологические сады и заповедники многих стран мира...

А теперь обратимся к истории этой легендарной семьи.

Среди многих выходцев из Европы был некий Иоганн-Георг Фейн, выехавший на Русь из Саксонского Хемница. Он сразу же проявил себя деловым человеком, налаживал устройство суконных фабрик, был отличным мастером по выделке шерсти, столь необходимой для обмундирования армии. Приняв русское подданство, Фейн не пожелал называться колонистом и со всем потомством приписался к мещанскому сословию торгового Мелитополя. Особую роль в деле, о котором мы хотим рассказать, сыграл его сын Фридрих, который сразу же после Крымской войны «отвоевал» Асканию-Нова, за которую он выложил прежним хозяевам... 575 рублей. Поголовье его овечьей отары насчитывало тогда почти 4 тысячи голов, ежегодно он снимал на продажу сто тысяч пудов первоклассной шерсти. Великий труженик Фридрих Георгиевич скончался в 1864 году. Дабы не забылось его имя в потомстве, состоялся особый указ императора Александра II, по которому зять покойного — Иоганн Фальц, женатый на его дочери Елизавете, впредь носил двойную фамилию. Так в России появились Фальц-Фейны.

Прошли годы. Выросли дети, продолжившие дело отцов. Фридрих Эдуардович родился в 1863 году. Его судьба не совсем обычная. С детства очарованный дикой красотой и раздольем степей Аскании-Нова, он увлекся естественными науками. Идеи об охране всего живого на свете привели его в

Юрьевский университет, затем в Европе он изучал биологию, осматривал заграничные зоопарки. Выводы были неутешительны: по сути дела, даже богатая Европа имела лишь жалкие зверинцы, а не настоящие зоопарки, где бы животное не теряло чувства свободы.

В хозяйстве Аскания-Нова был со временем отведен громадный участок, объявленный заповедным. Потом там появились бизоны и зубры, зебры и антилопы различных пород. Слава о небывалом собрании редкостных птиц и животных всколыхнула не только научный мир русских биологов Москвы и Петербурга, но вызвала и нездоровый ажиотаж зарубежных владельцев зоопарков. За любые деньги они просили продать им лошадь Пржевальского.

— Я корысти искать не стану, — говорил Фальц-Фейн, — мой заповедник не кошелек, и открыт он лишь для науки.

Сам Фридрих Эдуардович так и остался автором лишь пяти скромных научных статей, но его Аскания-Нова сделалась опытной фермой для ученых.

После Октябрьской революции в России началась гражданская война. Фальц-Фейн уехали за границу, а через заповедник промаршировали отряды немецких оккупантов и деникинцев, в окрестных немецких колониях лютовали шайки батьки Махно. Они беспощадно уничтожали драгоценных птиц и животных, чтобы сварить себе сытную баланду. Тогда в Аскании-Нова уцелела

едва ли одна треть всего заповедного собрания...

21 сентября 1941 года в Аскании-Нова разместился штаб армии Манштейна, наступавшей на Крым. Оккупанты вывозили животных в Германию, многие звери были убиты или погибли от бескормицы. После войны в стране, вконец разоренной, все-таки нашлись здоровые головы, которые настояли на возрождении этой сокровищницы животного мира.

Весь этот экскурс в прошлое я сделал для того, чтобы читатели смогли понять человека, живущего сейчас в Лихтенштейне. Он остался верен лучшим традициям своих предков. Это лично ему мы обязаны, что на Родину вернулись многие произведения искусства, похищенные фашистами, это он хлопотал, чтобы перенесли на Родину прах Федора Ивановича Шаляпина, это он пытался уговорить Сержа Лифаля передать в СССР пушкинскую коллекцию, это ему, человеку старого воспитания, приходилось душевно скорбеть, что Родина в ответ на его старания не выражала даже примитивной благодарности, а высокопоставленные чиновники даже не удостоивали его ответом. Увы, но так было.

Теперь многое изменилось в нашей стране, «товарищ барон» чувствует себя в Москве своим среди своих.

— Нам, русским, живущим за рубежом, дорого все, что связано с Родиной, ее искусством, ее историей, — сказал мой собеседник.

ПРОБЛЕМЫ- РАЗМЫШЛЕНИЯ

■ ПРОФЕССИОНАЛЫ И НАШИ
"ПРОФЕССИОНАЛЫ" ■

ДМИТРИЙ РЫЖКОВ

ПРОФЕССИОНАЛЫ ЛИ НАШИ «ПРОФЕССИОНАЛЫ»

«Наши любители победили канадских профессионалов из НХЛ» — эта фраза еще лет пять назад была весьма популярной у многих советских спортивных журналистов. Особенно у пишущих о хоккее — футбольные обозреватели противопоставляли «своих» любителей «ихним» профессионалам все же стеснялись. Стеснялись, может быть, потому, что если в хоккее существует лишь одна высококлассная профессиональная лига, то в футбольном мире только в Европе таковых наберется с десяток.

Ныне и у нас в стране уже официально признано, что советские футболисты, хоккеисты, баскетболисты... занимаются исключительно спортом, получая за это деньги. Включая и премии за победы в международных соревнованиях, в том числе и за победы в «чисто любительских» до недавнего времени Олимпийских играх.

Однако можно ли назвать наших спортсменов профессионалами? Как ни странно, ответить на этот вопрос не так просто — многое зависит от того, что понимать под термином «профессионал».

Хозрасчет, самоокупаемость, аренда — все это сейчас на слуху. И не случайно, публичные выступления вид-

нейших наших экономистов собирают такую аудиторию, что хоккеистам, например, остается только завидовать.

Впрочем, видные экономисты своим вниманием спорт не балуют — хватает других проблем. И единственное, по-моему, исключение — академик С. С. Шаталин: в беседе с ним («Спортивные игры» № 4, 1987 год) многие вещи впервые были названы своими именами, были также очерчены принципы экономических подходов к спорту.

К сожалению, спортивные руководители игнорировали высказывания одного из ведущих наших экономистов. В противном случае не велись бы два года спустя споры, сколько следует платить киевскому «Динамо» за перешедшего из «Зенита» Олега Саленко, не появлялся бы «прейскурант переходов» со странными суммами: 25 тысяч — за рядового футболиста, 37 — за игрока молодежной сборной, 50 — за того, кто входит в первую сборную страны. Впрочем, если и сфера материального производства ждет реформы ценообразования, то что говорить о сфере производства нематериального, к которой и следует отнести спорт, причем «произведенный продукт» здесь измеряется зрительским интересом к спортивному действу.

Итак, спорт, подчеркну — большой спорт, входит, как, скажем, и театр, в сферу нематериального производства. И хотя это определение спорта, читатель, вы не найдете ни

в одной нашей энциклопедии, без него обойтись в экономическом ликбезе спорта — а на более высокий уровень я и не претендую — невозможно. Равно как невозможно заниматься высшей математикой, не зная таблицы умножения.

Предмет труда в натуральном виде и создаваемые в процессе этого труда осязаемые материальные ценности в спорте, естественно, отсутствуют. Однако прибавочная стоимость — а ее, видимо, следует оценивать не только по стоимости приобретенных зрителями билетов, но и учитывать эмоциональные факторы — существует. Как, следовательно, существуют и средства производства, и производительные силы, и производственные отношения.

Попробуем расшифровать эти термины. Естественно, в приложении к спорту.

Поскольку в этой сфере предмет труда отсутствует, средства спортивного производства отождествляются с орудиями труда — клюшками, амуницией, тренажерами. Сюда же следует отнести залы и стадионы, ибо без них зрелище станет недоступным тому, кому оно предназначается. И я не уверен, что все наши современные стадионы могут конкурировать с римским Колизеем, возведенным еще рабами. Да и гладиаторские школы римлян были оборудованы, если судить по литературным источникам, по крайней мере не хуже залов, где готовятся и производят зрелище многие наши масте-

ра — баскетболисты, волейболисты и гандболисты.

В понятие «производительные силы» входят средства производства (в нашем случае — инвентарь и стадионы), а также рабочая сила, то есть люди, осуществляющие это производство благодаря опыту и навыкам. А поскольку первое по сути своей не претерпело кардинальных изменений на протяжении всей нашей эры, то эффективность производительных сил спорта определяя главным образом опыт и навыки спортсменов. И следовательно, стимул к совершенствованию этих качеств приобретает важнейшее значение. Причем, сравнивая опять-таки римского гладиатора и нашего игрока среднего класса, выступающего в столь же средней команде мастеров, нельзя не отметить такой парадокс: у первого стимуляция (используем этот термин, ныне весьма распространенный в спортивной среде) была куда выше, ибо ставкой на арене того же примерно 40-тысячного Колизея являлась жизнь. Таковы были тогда производственные отношения, то есть отношения, устанавливающиеся между людьми в процессе общественного производства.

Характер производственных отношений, гласит политэкономия, определяет заинтересованность производителя. И если после первого матча баскетболистов-профессионалов — а он состоялся в 1896 году в США (точнее — в САСШ, Северо-Американских Соединенных Штатах) в Трен-

тоне, штат Нью-Джерси — «заинтересованность» игроков измерялась 15 долларами, и только капитан команды Фред Купер получил 16, то после второй мировой войны, когда возникла Национальная баскетбольная ассоциация (НБА), «продукт» начал постоянно расти в цене. Достаточно сказать, что за право телетрансляции финала даже не НБА, а лишь студенческих команд сейчас в США приходится платить десятки миллионов долларов.

Игра-за-деньги и игра-ради-удовольствия — на заре развития профессионального спорта в начале нынешнего века такое разграничение между профессионалами и любителями было вполне достаточным. Однако с 50-х годов игра-за-деньги стала широко практиковаться и в так называемом любительском спорте. Причем чем дальше, тем шире использовалась эта практика. В ходе интервью с президентом любительской ИИХФ Гюнтера Собеcki в 1975 году в ФРГ я написал в блокноте следующее: «Сейчас деньги за игру получают хоккеисты всех ведущих в этом виде спорта стран. В том числе и у нас, в ФРГ. Разница лишь в том, что профессионалам НХЛ вознаграждение выплачивается открыто, а у нас, как, впрочем, и у вас, в СССР, «под столом»...»

Любопытно, что профессиональный спорт в Северной Америке примерно до середины 70-х годов сохранял многие элементы феодальных отношений: в НХЛ, например,

контракты намертво привязывали хоккеиста к клубу-владельцу, который, в свою очередь, мог продать игрока, как крепостного, куда угодно и когда угодно; несмотря на то, что профессиональный хоккей становился одной из сфер наиболее выгодного вложения капитала, доходы, даже звезд, были относительно невысокими — знаменитый Морис Ришар, например, в 60-х годах получал по контракту около 100 тысяч долларов за сезон. И за дальнейшим обогащением хозяев НХЛ должно было — по Марксу — следовать обнищание производителей, то есть игроков-профессионалов, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако, как теперь признается, капитализм оказался более гибкой, чем представлялось ранее, формацией. И профессиональный спорт эту гибкость продемонстрировал весьма наглядно. Правда, хоккеист — производитель зрелища в какой-то степени остался собственностью клуба. Но лишь в какой-то: появился статус «свободного агента», то есть игрока, который по истечении контракта волен сам выбирать, где играть далее... возникла Ассоциация игроков НХЛ, стоящая на страже интересов ее членов... большинство хоккеистов-профессионалов обзавелось собственными адвокатами, которые и участвуют в подготовке контрактов... владельцы клубов раскошались, и теперь хоккеист-дебютант НХЛ зарабатывает больше, чем Морис Ришар... к тому же

НХЛ полностью взяла на себя и социальное обеспечение игроков: каждый сезон, проведенный в лиге, увеличивает ежегодную пенсию профессионала на 1 тысячу долларов, а хоккеист, сыгравший в НХЛ не менее 400 матчей, в 55-летнем возрасте получает одновременно 450 тысяч. Словом, материальная заинтересованность игрока НХЛ в качестве производимого им зрелища весьма высока.

А как же обстоит дело со спортсменами как производителями зрелища у нас в стране?

Спорт, я имею в виду только игровые виды, в 20-х — начале 30-х годов шагал у нас вперед, как мне кажется, прежде всего, за счет личностных качеств. Для одних он был средством самовыражения, у других удовлетворял честолюбие, причем в организации его было что-то от общинного уклада. Для овладения спортивными навыками и опытом тогда хватало свободного от основной работы времени. Но поскольку уже в 30-х годах футбол начал все более превращаться в платное зрелище, то не могли не изменяться и производительные силы. Появились современные для тех лет стадионы, но производственные отношения — по крайней мере официально — оставались прежними: производители зрелищ играли ради удовольствия.

Однако так ли это было на самом деле?

Как-то в руки мне попала вырезка из «Комсомольской

правды» второй половины 30-х годов. В ней весьма критически говорилось о братьях Старостиных, сманивавших футболистов в «Спартак». «Стимуляция», судя по заметке, была по нынешним дням смехотворной: комната в коммуналке и достаточно хорошо оплачиваемая должность на фабрике. Но тем не менее экономические законы развития сферы нематериального производства вошли в противоречие с официальным «общественным мнением» уже в те годы. И в дальнейшем эти «ножницы» все увеличивались.

Официальное признание факта, что советские спортсмены отнюдь не любители, ни в коей мере не свидетельствует о уже свершившемся скачке от «общины» к современным производственным отношениям в нашем большом спорте. Да и проблемы-то эти рассматриваются в основном на уровне примитива. По сути дела, большая часть разговоров на страницах печати крутится вокруг одной темы: кто сколько получает и соответственно за кого и сколько платить при переходе. Любопытство, кстати, считающееся зачастую неприличным в среде западного профессионального спорта. Куда важнее, по-моему, разобраться, почему их профессионалы куда как профессиональнее в отношении к своему делу, а наши порой ведут себя как детсадовцы, вырвавшиеся на минутку из-под надзора воспитательницы. Тем более что уже приходилось слышать мнение, что западные

профессионалы — это одно, а наши «представители элитного спорта» — совсем другое. И соответственно статус вторых должен отличаться от статуса первых. Несмотря на то что и те, и другие — производители разнящегося лишь по качеству, но не по сути, зрелища. В том же, к чему привели попытки отрицать действенность всеобщих экономических законов и в нашем обществе, мы уже, увы, убедились на собственном опыте.

Позволю себе здесь одно отступление.

Как рассказывают, оказавшись во Франции, в «Тулузе», Вагиз Хидиятуллин вскоре смог убедиться лично в различии «производственных отношений» там и здесь. Будучи приглашен к президенту клуба для беседы, он опоздал из-за этого на несколько минут на тренировку. Выговора ему никто не сделал, но возвращаясь после занятий в раздевалку, Хидиятуллин увидел на доске для объявлений бумагу, из которой явствовало, что он оштрафован за опоздание на 50 франков. Сумма — символическая. Своего рода предупреждение. Доказательство незыблемости принципов профессионального спорта.

Однако Хидиятуллин — видимо, тоже из принципа — апеллировал к президенту клуба, поскольку у нас вызов к руководству всегда считался причиной более чем уважительной.

Президент посочувствовал Вагизу, но добавил при этом, что и себя чувствует виноватым,

а потому предлагает выплатить штраф пополам — по 25 франков. Приобретя такой опыт профессионального отношения к делу, Хидиятуллин, прилетев в Киев для выступления за сборную СССР, во время медосмотра то и дело спрашивал доктора Савелия Мышалова: «А на тренировку я не опоздаю?..»

Мелочь, скажете вы. Да, действительно вроде бы мелочь. Не рычаг, а так — рычажок 25-франковый. Но ведь действует же...

Этот небольшой штрих из жизни профессионалов свидетельствует о том, что профессиональный спорт, превратившийся в настоящую индустрию, причем весьма доходную, довел систему производственных отношений до высокой степени совершенства. А что же противопоставлял этому наш «элитный спорт»? Опять-таки если ограничиваться лишь экономическими факторами.

Оставим пока в стороне футбол, где предпринимаются некоторые попытки изменить производственные отношения — хозрасчет, самоокупаемость и прочее. В остальных же игровых видах спорта дальше разговоров дело не идет. Причем почти постоянно затушевывается один существенный, по-моему, нюанс — представители «элитного спорта», то есть игроки команд мастеров высшей лиги, рассматриваются как некая однородная масса. Тогда как и в ней существует своя «суперэлита» — те, кто входит в сборные страны.

У них и инвентарь, и условия работы, и медицинское обеспечение — на порядок выше. И стимулы к совершенствованию сравнимы со стимулами профессионалов.

Премии — в том числе и в валюте — за чемпионские титулы международного ранга, поездки — в том числе и на коммерческие выступления — за рубеж обеспечивают нашей «суперэлите» достаточно высокий по сравнению с основной массой населения страны уровень жизни. Даже при том, что у них изымается непомерно высокий процент валютных доходов. Если же чемпионы мира, Европы и Олимпийских игр начнут получать после окончания выступлений спортивные, так сказать, пенсии — а этот вопрос в отношении именно обладателей медалей рассматривается, — то различия в условиях жизни профессионалов у них и спортивной «суперэлиты» у нас станут не столь уж контрастными. По отношению, естественно, к уровню жизни производителей, скажем благ материальных.

Что же касается остальной массы спортсменов...

Плох тот солдат, кто не мечтает стать генералом. И вполне понятно, что наш молодой спортсмен мечтает о сборной. Однако талант — штука редкая, и большинство мечтателей годам к двадцати пяти осознают, что сборная СССР — не для него, что он — середняк. Будем считать, середняк добротный, без коего производить зрелище невоз-

можно. Но какое будущее его ожидает?

Зарплата подавляющего большинства хоккеистов, баскетболистов, волейболистов, несмотря на каторжный труд, не позволяет (к двадцати пяти годам спортсмен, как правило, обзаводится семьей) отложить что-либо на черный день. Вместо профессии у него в лучшем случае диплом о высшем образовании, «корочки», отнюдь не свидетельствующие о знании чего-либо, кроме спорта разумеется. И если артист балета, оттанцевавший 18 лет на профессиональной сцене, сразу же после ухода с нее получает пенсию, позволяющую хоть как-то начать жизнь заново, то для спортсмена, не ставшего членом «суперэлиты», пенсия и сегодня — мечта несбыточная.

В этих условиях что середняку заботиться о качестве зрелища, в создании которого он участвует. И тогда роль надсмотрщика вынужден брать на себя тренер. Причем стоит тренеру отлучиться из зала, тренировка зачастую превращается в фикцию. А такие же середняки-профессионалы из НХЛ, например, в предсезонный период не только тренируются сами, без тренера, но и вскладчину арендуют лед.

Значит ли это, что их профессионалы более сознательные или что наши игровики — сплошь лентяи? Конечно же, нет. Опять дает о себе знать отрегулированный жизнью характер производственных отношений в НХЛ: чем качест-

веннее зрелище, тем выше оно оплачивается в соответствии с системой бонусов... чем дольше хоккеист выступает, тем выше гарантии его обеспеченности на старость. Да и само созданное профессиональным трудом имя — это тоже капитал. Стоит ли после этого удивляться, что профессионал сам тщательно следит по меньшей мере за сохранением уровня своего мастерства, за своим здоровьем. И, видимо, не случайно, в НХЛ случаи наркомании, например, редкость. Да и известные всем истории Боба Мэрдока в 70-х годах и недавно Боба Проберта связаны не с использованием наркотиков, а с их транспортировкой.

Кстати, дело Мэрдока — единственный случай нарушения таможенных правил игроками НХЛ за последние 15—20 лет. Наши же хоккеисты, как правило, к «суперэлите» не относящиеся и, следовательно, едущие за границу, может быть, в первый и последний раз, попадают либо за рубежом, либо на таможне не столь уж редко.

Все это достаточно ясно, по-моему, подтверждает, что экономических стимулов к совершенствованию навыков (то есть к повышению уровня производительных сил) у наших игроков среднего класса меньше, пожалуй, чем у римского гладиатора. А отсюда следует вполне очевидный вывод: систему производственных отношений в большом спорте необходимо менять.

При этом было бы ошибкой считать, что все проблемы снимет введение контрактной, как у западных профессионалов, системы отношений с игроками. Поскольку речь идет об игровых, то бишь командных видах спорта, не менее важны взаимоотношения между клубом и другими организациями, причастными к производству и продаже спортивного зрелища. Об этих-то взаимоотношениях и пойдет теперь речь, ибо от них во многом зависит, станут ли наши «профессионалы» профессионалами без кавычек, то есть мастерами своего дела, создающими зрелище высшего качества.

В ноябре 1989 года на Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы докладчик академик Л. И. Абалкин говорил, что «мы вообще должны приучаться жить реально, по средствам: жить по средствам и применительно к работнику, и применительно к трудовому коллективу, к региону или, скажем, к целой республике» («Правда», 14 ноября 1989 года).

Разумеется, докладчик при этом и не помышлял о большом спорте, но и вышеприведенный тезис, и слова академика о том, что «человек не только не стал, а часто и не хочет стать реальным хозяином, приняв на себя не только полноту связанных с этим прав, но и все бремя ответственности, которое лежит на подлинном хозяине», весьма актуальны для большого спор-

та — по крайней мере для его игровых видов.

Итак, по средствам ли живут наши футбольные, хоккейные, баскетбольные, волейбольные и гандбольные клубы высших лиг? Ответ легко отыскать на трибунах: если на футбол — но и то не всегда и не везде — люди еще ходят, то хоккей в Москве (о других городах речь впереди) проходит при полупустых трибунах, а встречи иных игровых чемпионатов — практически при пустых. Пустующие же места — свидетельство того, что произведенный «товар», то бишь зрелище, либо по своему качеству, либо по «упаковке» (календарь соревнований, состояние стадионов и залов, количественный состав участников) не соответствует запросам современного потребителя. Либо — либо, поскольку сам баскетбол как таковой или хоккей в иных весях, скажем в США, прибыльнее, например, чем электронный бизнес.

В чем же дело?

Как-то один из хоккейных специалистов совмещенного Управления футбола и хоккея Госкомспорта СССР посетовал: и что, мол, тренеры жалуются на неритмичный календарь чемпионата страны: то через день играть приходится, то неделю ждать очередного соперника, то в середине сезона искать, чем на месяц занять игроков... будь у меня развязаны руки, я бы им с помощью ЭВМ календарь поритмичнее, чем в НХЛ сочинил, да вот беда, тренеры для подготовки сборной чуть ли не полторы

сотни дней требуют... А за счет кого изыскивать эти дни?.. Естественно, за счет клубов.

Он, этот хоккейный специалист совмещенного футбольно-хоккейного управления, не кривил душой. Более того, шагнул в ногу со временем, готов был прибегнуть к помощи ЭВМ для составления календаря. Но от «готов был прибегнуть» до «прибегнул» в футбольно-хоккейном управлении — дистанция гигантского размера. Календари чемпионатов — будь то футбольный или хоккейный — составляются вручную, ибо ни одна самая современная ЭВМ не в состоянии учесть несовместимое и сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. В жертву, разумеется, приносятся овцы, то бишь клубы.

А что же федерация, которая в соответствии с Положением о первенстве страны проводит чемпионат и должна равно заботиться о всех его участниках? Увы, в течение многих лет судьбы участников чемпионатов вершило соответствующее управление Госкомспорта. А поскольку для Госкомспорта родной ребенок — лишь сборная, не мудрено, что с неродными детьми, то есть с клубами, управления Госкомспорта обращались соответственно. В результате рождались розыгрыши Кубка федерации (футбол) или Кубка лиги (хоккей), которые проходили практически при пустых трибунах и участие в которых влетало клубам в копеечку. Но последнее «авторов» не волновало, поскольку,

как известно, у Госкомспорта нет «своих» клубных команд.

Странные, как видите, складываются производственные (по оказанию услуг в виде зрелищ) отношения в большом спорте. Номинальный хозяин, федерация, не владеет средствами производства, основной частью которых являются стадионы и залы. Не имеет, или по крайней мере не имела (до принятия новых уставов федераций) по сути дела прав. Зато именно на нее была возложена обязанность отвечать на запросы общественности, почему переносятся матчи или по каким причинам тот или иной чемпионат проводится по никому не удобной формуле. И отвечать приходится, поскольку официальные сообщения о подобных решениях обычно начинаются так: «Федерация решила...» Что же касается фактического хозяина — соответствующего управления, готовящего подобные решения, — то оно, точь-в-точь «по Абалкину», бремя ответственности перекладывает на чужие плечи. Но окажется то же самое управление футбола и хоккея в одной хозрасчетной упряжке с клубами, пришлось бы его работникам после упомянутых розыгрышей Кубков лиги и федерации потуже затянуть пояса — выплаты компенсаций финансовых потерь участникам изобретенных ими розыгрышей разорили бы даже миллионера.

Сейчас в нынешней экономической ситуации в самых различных сферах идут поиски действенных рычагов и людей,

способных их использовать. Думаю, и большой спорт нуждается в подобных поисках радикальных решений. Попробую предложить одно из них и я.

Почти не сомневаюсь, что работники Управления футбола и хоккея, а также часть членов исполкома (по старому — президиума федерации) по чисто спортивным вопросам в состоянии учесть и рассчитать все: и когда клубам начинать подготовительный период, и сколько времени (с точностью до получаса) необходимо спортсменам тренироваться в день, могут они даже порекомендовать — сам слышал с год назад обсуждение этой проблемы на заседании коллегии Госкомспорта, — в котором часу в день матча следует игрокам обедать. Однако боюсь, такая сфера, как маркетинг спортивного зрелища или, попросту говоря, умение подать и продать с прибылью игры чемпионатов страны по игровым видам спорта, вне возможностей этих специалистов. И это не в укор. Просто, как мы уяснили с опозданием не в один десяток лет, искусство маркетинга требует специального и весьма разностороннего обучения, знания финансовых законов, психологии и многого другого.

Простой пример. Я задал одному специалисту по маркетингу, не имеющему, кстати, никакого отношения к спорту, вопрос, как заполнить постоянно в лучшем случае полупустой во время хоккейного чемпионата страны Дво-

рец «Крылья Советов», что находится в Сетуни. Дальнейший диалог, как мне кажется, достаточно любопытен.

— Не берусь судить о чисто спортивной стороне дела,— начал мой собеседник,— и хочу уточнить лишь детали. Так, например, в котором часу начинаются матчи?

— В восемнадцать тридцать...

— То есть в час пик... Насколько я знаю, туда следует добираться автобусом от метро «Киевская». В час пик я не пошел бы на такой подвиг, даже если бы вход в этот Дворец был бесплатным.

Но в Сетунь можно доехать и электричкой...

— Это знаете вы, но не я. Как не знают, думаю, многие москвичи и, тем более, приезжие, пожелавшие, допустим, лицезреть хоккейную игру.

Первое, что я бы сделал, перенес бы начало игр в Сетуни на час, а то и на полтора позже, чтобы избежать транспортных перегрузок, способных погасить даже пламенную любовь к хоккею. Пустил бы несколько автобусов — вход по предъявлению билета на хоккей — от ближайшего метро и разрекламировал бы маршрут с использованием электрички на вокзале и на хоккейных афишах, но — только не внизу мелким шрифтом, а как-нибудь более броско.

Конечно, все это лежит на поверхности, для того же, чтобы дать более обоснованные рекомендации, мне необходимы консультации с социологами, например. Пре-

успеть в маркетинге, и в маркетинге зрелищ в том числе, прикидывая все лишь на пальцах, невозможно.

После этого разговора я подумал, а почему бы, найдя специалистов по маркетингу, интересующихся спортом, не предложить им взять в аренду проведение игровых чемпионатов. Да боюсь, не нашлось бы желающих, поскольку люди, хоть мало-мальски близкие к спорту, знают, что фраза «не в интересах сборной» способна при нынешней организационной структуре торпедировать любой, даже самый выгодный экономический проект. Как это уже было в хоккее с матчами «плэй-офф».

А что же сами «производители зрелищ», если иметь в виду не индивидуумов, а трудовые коллективы, то есть команды? Большая часть их отчуждена от средств производства — не имеет собственных залов и стадионов, арендует их на кабальных условиях. И если футбольные команды еще в какой-то степени в состоянии перейти в той или иной форме на хозрасчет, то с хоккеем, не говоря уж о баскетболе или волейболе, положение куда сложнее: вместимость большинства хоккейных стадионов измеряется считанными тысячами, и аншлаг, скажем, в рижском Дворце спорта означает, что только 5 тысячам любителей хоккея — цифра мизерная для такого города, как Рига,— посчастливилось достать билет.

При нынешней экономиче-

ской ситуации в стране вряд ли можно рассчитывать на быстрое появление более вместительных Дворцов спорта, и потому клубы ударились в другую, по-моему, крайность — ставка делается не на зрителя, а на спонсоров. Пока, возможно, это оправдывает себя — многие, словно дети, которых допустили к новой игре, жаждут увидеть рекламу своей фирмы или предприятия на майке, скажем, хоккеиста. Однако уверен, скоро новизна утратится и тогда возникнет вопрос, а что дает рекламирование той или иной продукции перед считанными зрителями. За рубежом этот этап давно пройден, и солидные фирмы становятся спонсорами лишь солидных, популярных у любителей спорта клубов, поскольку реклама действенна лишь в этом случае. Но даже и солидные клубы, вроде голландского «Аякса», исключенного за хулиганскую выходку зрителей из розыгрышей европейских кубков, или чемпиона Италии «Интера», неудачно сыгравшего на первом этапе Кубка чемпионов, оступившись, тут же теряют — в соответствии с контрактом — рекламодателей. Видимо, в конце концов придут к этому и наши спонсоры, и, как мне кажется, руководителям наших клубов следует быть готовым к такому повороту событий. Дабы не застало их изменение ситуации врасплох и о повышении зрительского интереса к хоккею они, и тренеры, и их подопечные заботились бы

уже сегодня, не уповая слишком на будущие щедроты спонсоров.

Кстати, тренерам не лишне подумать и об «упаковке» — о формуле и календаре чемпионата, иначе «продажа зрелища» — по-прежнему будет идти со скрипом. Я говорю об этом не случайно — незнание основ маркетинга подводит и тренеров, забывающих пока при обсуждении формул чемпионата об экономической стороне дела. И если нельзя объяснить необъятное (а у тренера и без того хлопот полный рот), стоит, наверное, обзаводиться специалистом-консультантом. Как, например, в футбольном клубе киевского «Динамо», где этими проблемами занимается Михаил Ошемков.

В последние годы на страницах печати появилось немало простых рецептов, как поднять посещаемость. Они, эти рецепты, правда, не в диковинку — шоу перед матчем и в перерывах позаимствовано из практики Национальной баскетбольной ассоциации, музыкальное сопровождение перенято из опыта Национальной хоккейной лиги, используется, наконец, и домашнее изобретение в виде лотерей для зрителей, пришедших все-таки на стадион. Думаю, все это правомерно и правомочно. Более того, благодаря А. Я. Гомельскому, чьими усилиями стали проводиться после баскетбольных встреч конкурсы на лучшее исполнение, скажем, бросков сверху, зрелище приобрело новые краски. Но, увы, ни кордебалет в перерывах

ве матча, ни показ ультра-си, ни даже лотерейные автомобили к резкому увеличению зрителей не привели. И это, по-моему, закономерно: как бы хорош ни был гарнир, для того, чтобы насытиться, необходимо и мясо. А «мясо» — будь то футбол или хоккей, баскетбол или волейбол — это сама игра. И только — игра. Никакой «гарнир» ее не заменит.

Конечно же, появление на наших телеэкранах репортажей о матчах чемпионата НБА нельзя не приветствовать — это дало возможность увидеть баскетбол как игру в новом свете. Однако эти же репортажи показали, сколько красок недодают нам, зрителям, наши баскетболисты.

В хоккее контраст вроде бы менее разителен скорее всего потому, что НХЛ в отличие от НБА предоставляло советскому ТВ незначительное количество видеозаписей. Однако сопоставить наш хоккей и хоккей НХЛ, сопоставить как зрелища случайно помог Сергей Макаров, выступающий ныне за «Калгари Флеймз». «По эмоциональному накалу, — пишет он в «Советском спорте» (22 ноября 1989 года), — игры в НХЛ значительно более острые, чем в чемпионате Советского Союза. Практически каждый матч здесь можно сравнить с игрой лидеров в нашем первенстве...»

Почему же именно «у них» игры, оказываются, более острые?

Не хочу здесь вдаваться в чисто хоккейные детали и

подчеркну лишь одну особенность. К клубам и городам, претендующим на членство в НХЛ предъявляются весьма серьезные требования — наличие залов, вмещающих не менее полутора десятков тысяч зрителей, популярность хоккея в городе, наличие соответствующей инфраструктуры. И продиктованы они, эти требования, отнюдь не прихотью, а сугубо деловыми, экономическими соображениями, которые сводятся к одному: жить надо по средствам. У нас же даже в высшей лиге все живут, если использовать мерки НХЛ, не по средствам. В том числе и четыре московские команды. Причем, думаю, что им не хватает зрителей и соответственно средств именно потому, что их — четыре.

Крамола? По прежним меркам, конечно, крамола. Однако разве прежде, до перестройки, возникал когда-нибудь на страницах печати вопрос о закрытии убыточных предприятий?

Кстати, нынешний обладатель Кубка Стэнли, процветающий сегодня клуб «Калгари Флеймз» был когда-то, во времена своего проживания в Атланте, убыточным. Финансовый дефицит заставил и НХЛ, и клуб поискать другое место жительства. И, как видите, Калгари, новое место прописки «Флеймз», оказалось выгодным для всех — для жителей Калгари, хоккеистов и, естественно, лиги.

Включаясь в международную экономическую систему, наша страна сталкивается с

естественными при нашем оставании в НТР трудностями. Разумеется, не мог миновать рифов и наш большой спорт — наши футбол, хоккей, баскетбол теряют свою «элиту», игроков экстра-класса вроде Арвидаса Сабониса, Александра Заварова, хоккеистов первой пятерки сборной СССР и ЦСКА.

Грустно это? Конечно же грустно. И я понимаю тех, кто тревожно звонит в колокола: распродается наш спорт! Действительно, без «элиты» матчи становятся скучными. Действительно, когда рядом нет игроков-эталонов, молодым не на кого равняться. Действительно, так мы можем утратить славные традиции в хоккее и, скажем, в баскетболе. Однако как с такой утечкой личностей бороться?

Как мне кажется, даже такой шаг, как уравнивание всех, подчеркиваю всех, а не только чемпионов и членов сборной с другими представителями сферы нематериального производства, такими как артисты балета или цирка, в свете пенсионного обеспечения, уже способствовал бы установлению социальной справедливости и уменьшил бы поток желающих поиграть на закате спортивной карьеры за рубежом. Однако и по сей день почему-то мы стесняемся даже обозначить профессию человека «футболист» или «хоккеист». «Классификатор профессий» в нашей стране с 1988 года дополнен такой строкой: «спортсмен-инструктор (по виду спорта)». Так что

же после этого говорить о пенсионном обеспечении какого-то сорокалетнего, скажем, спортсмена-инструктора, честно отработавшего свое на футбольном поле лет пятнадцать.

К сожалению, подобные экономические меры не находят поддержки у некоторых руководителей нашего спорта. Зато проявилась старая тенденция «не пущать». В интервью газете «Советский спорт» (15 ноября 1989 года) начальник Главного экономического управления Госкомспорта СССР В. Коваль заявил: «...мы считаем, что постановление Совета Министров СССР должно быть дополнено пунктом о лицензировании спортсменов и тренеров, выезжающих за рубеж».

Вот только так и не иначе — к лицензированию товаров следует добавить, оказывается, и лицензирование людей?! Признаться, хотя эта фраза В. Ковалья меня резанула, я сомневался — ох как трудно выдавливать из себя раба — стоит ли об этом писать. Но...

При обсуждении на сессии Верховного Совета проекта «Закона о порядке выезда и въезда в СССР советских граждан» первый заместитель министра иностранных дел СССР А. Ковалев говорил, что государство, разумеется, не заинтересовано в стимулировании массового выезда граждан и утечки мозгов. Но, — продолжал он, без соблюдения одного из основополагающих прав человека — права на свободное передвижение — мы не можем претендовать на по-

строение правового государства...

Интервью В. Коваля и публикация о ходе сессии Верховного Совета с выступлением А. Ковалева практически (и надо же было тому случиться) совпали. И думаю, какое из заявлений в духе времени, а какое — нет, предельно ясно.

Спорт долго жил вне правовых и экономических норм — в том, естественно, виде, в каком они рассматриваются сегодня. И чем скорее это отставание будет ликвидировано, тем быстрее наши сегодняшние «профессионалы» смогут стать уважаемыми мастерами своего дела без всяких там кавычек.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

- СМЕРТЬ НА СТАДИОНЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ/■
- ОБМАН/РАССКАЗ/■
- ИЗ НАШЕГО ПОРТФЕЛЯ:
ВСТРЕЧНЫЙ УДАР/■

СМЕРТЬ НА СТАДИОНЕ *

Политический детектив

1

Город был похож на яйцо колибри в гнезде страуса.

«Яйцом» был сам город, древняя столица конкистадоров с карабкающимися вверх узкими улицами и неимоверно широкими площадями.

Мигелу Даймонту, привыкшему к геометрической планировке североамериканских городов, эти улицы казались детьми, которые, договорившись играть в прятки, внезапно пускаются наперегонки. Мол, видишь там наверху тарелочку со сливочным мороженым? Спорим, я добегу туда первой!

И улица — Авенида Долороза, или Авенида Сан-Мартин, или как там ее — забыв, что ей не четыре года, а все четыреста, что она старушка с ревматическими суставами, прытко, не разбирая дороги, устремляется вверх по террасам естественного амфитеатра. А затем, будто в старческом склеротическом мозгу что-то сработало, вспоминает, что договорились играть в прятки. И тогда улица так же внезапно, забыв о мороженом, к которому карабкалась с таким усердием, скатывается

вниз по бесчисленным ступеням, истертым миллионами босых пяток, и пропадает в темной арке, дабы вынырнуть в совершенно ином мире, где белые сталагмиты небоскребов вырастают в небо. В раскаленное небо с синим отливом панцирной стали.

А «гнездом страуса» служили окружавшие город горы — хаотическое нагромождение конусов и прямоугольников, глубоких ущелий, куда никогда не заглядывало солнце, и могучих пиков, на которых его отблеск еще долго рдел после закатного часа.

То, что белело на пиках, было снегом, он подтаивал днем, а ночью снова покрывался ледяной коркой. Тот самый снег, что уже лежал на вершинах с тех времен, когда самого города не было еще и в помине. Он принимал для тех, кто находился внизу, в городе, обманчивое отличие манящего прохладного мороженого.

В этой иллюзии было нечто гипнотическое.

Стоило Мигелу Даймонту выйти на балкон с полосатым парусиновым навесом, прилечь на шезлонг и повернуть голову так, что в поле зрения оставался лишь один какой-нибудь снежный горный пик, как его ненадолго охватывало приятное ощущение прохлады, будто во рту медленно тает сосулька. Но заметного облегчения это не приносило. Только что надетая чистая рубашка мгновенно прилипала к груди, и уже через пять минут Даймонту чудилось, что весь он,

* Перевод автора. — Прим. ред.

от пяток до шеи, облеплен горячим масляным компрессом.

В городе было неимоверно жарко, и сознание, что там, на вершинах, температура круглый год держится ниже нуля, ничуть не приносило облегчения. Это воспринималось скорее как издевка.

Сам город находился высоко над уровнем моря, но еще тысячи футов, если мерить по вертикали, отделяли его от самых высоких пиков.

Чтобы добраться до них по отвесным узким тропам, где даже привычные к горным дорогам выючные мулы спотыкались, а порой и срывались в пропасть, надо было потратить много-много часов.

Пробыв на балконе не более десяти минут, Мигел Даймонт вернулся в комнату, плотно прикрыл за собой дверь, опустил штору и отправился в ванную. Душ, увы, был далеко не ледяным. Но с этим приходилось мириться, как и с многими другими неудобствами в этом старом отеле, построенном еще в прошлом веке. В отличие от новых гостиниц — ровесниц небоскребных сталагмитов — отель «Кондор», в котором проживал Мигел Даймонт, не был даже оборудован кондиционерами.

Зато он имел огромное преимущество — по крайней мере в глазах Мигела Даймонта. Напротив бокового окна его комнаты находилась штаб-квартира Демократического альянса.

Каждый день Даймонт проводил у этого окна много часов. Проводил с биноклем в

руках, наблюдая за противоположным домом.

Объектом наблюдения был высокий человек, чье умное, продолговатое лицо с пристальным взглядом темно-карих глаз из-за пенсне было знакомо каждому жителю древнего города. словно несмываемое клеймо, оно украшало бесчисленные предвыборные плакаты партии, чей приход к власти означал бы поворот в судьбе страны.

А то, что партия Демократический альянс победит, ни у кого не вызывало сомнений.

Существовал всего лишь один-единственный способ предотвратить эту победу — убить человека, сумевшего сплотить разнородные элементы, из которых состоял Альянс. Того человека, в котором народные массы видели своего мессию.

В этом и заключалось задание, которое доверили Мигелу Даймонту.

Прежде чем выехать сюда, Мигел Даймонт просмотрел сотни метров пленки, отснятой в разное время и в разных местах.

Председатель ЦК Демократического альянса Карол Альварес выступает на митинге. Альварес садится в автомобиль. Альварес пожимает руку касику затерянного в горах индейского селения. Альварес с женой и детьми на прогулке. Сотни метров с Альваресом, сотни страниц тщательно собранного досье, в котором уместилось практически все, что могло быть известно об этом человеке. Все, вплоть до

привычки во время футбольного матча держать в зубах незажженную сигарету.

Но Мигелу Даймонту этого было недостаточно. Он был из тех людей, которым, прежде чем взяться за дело, необходимо как бы ощупать противника собственноручно.

А дело было нелегким. Со всем недавно коллеги Мигела Даймонта «убрали» крупного прогрессивного деятеля в одной из стран Карибского бассейна. В разработке операции Даймонт, находившийся тогда в Риме, участия не принимал. Его коллеги столь неумело провели ее, что уже спустя неделю после убийства весь мир пальцем указывал на его вдохновителей.

Разразился страшнейший скандал, и одному из начальников Секретной службы пришлось взять на себя роль козла отпущения.

Второй такой промах был недопустим. Все понимали, что Альвареса надо убрать. Но убрать так, чтобы не возникло ни малейших подозрений.

Ни яд, ни якобы случайная автомобильная катастрофа в данном случае не годились. Следовало создать такое стечение обстоятельств, при котором смерть Альвареса выглядела бы абсолютной случайностью. Случайностью без единого намека на преднамеренность.

Именно поэтому это труднейшее дело было поручено Мигелу Даймонту — лучшему стратегу и тактику Секретной службы.

Пока он еще не знал, что

придумает. Хотя был уверен, что решение рано или поздно придет. Но вся загвоздка заключалась в том, что убрать Альвареса надо до выборов, а они состоятся через шестнадцать дней. Так что кроме необходимости убить его так, чтобы виновником в глазах всего мира было одно провидение, на Мигела Даймонта давил еще и цейтнот.

Но ни быстротечность времени, ни удушающая жара не выводили его из равновесия. Мигел Даймонт был профессионалом, а у истинного профессионала не должно быть того, что люди с более слабой психикой называют нервами.

Каждый день Мигел Даймонт с терпением паука, плетущего сложную паутину, сидел у бокового окна, брал в руки бинокль и часами со спокойствием идола наблюдал за противоположным домом.

Каждый раз, когда в окулярах появлялось лицо Альвареса, Мигел Даймонт улыбался краешком губ. Он не просто разглядывал своего противника. Он как бы приближался к нему: на шаг, еще на шаг. Он пытался проникнуть в самую глубь этого человека, изучить его характер, найти в нем самую отправную точку для предстоящей операции.

Когда Альварес, сопровождаемый своими соратниками, покидал штаб-квартиру партии, Мигел Даймонт позволял себе передохнуть. Он выходил на балкон и, глядя на далекие снежные пики, говорил себе: «Вот она — цель! Бесконечно далекая, неприступная,

а все-таки до нее можно добраться».

Затем он возвращался в номер, холодным душем смывал мерзкое ощущение горячего маслянистого компресса, наливал лимонного сока, бросал в стакан целую пригоршню кубиков льда и, медленно потягивая прохладный напиток, размышлял.

В регистрационной книге отеля «Кондор» Мигел Даймонт значился швейцарским коммерсантом Лотаром Гешоником, совладельцем фирмы по производству оптических приборов. Единственным товаром, который сам Даймонт собирался импортировать в эту страну, был оптический прицел снайперской винтовки. Но возникли такая надобность, он мог со знанием дела говорить о делах своей фирмы.

Мигел Даймонт не принадлежал к числу старомодных «рыцарей плаща и кинжала» — настоящих академиков, когда дело касалось диверсий, заговоров, убийств, но полных неведь во всем остальном.

К тому же представляемая Даймонтом фирма действительно существовала. Прежде чем отправиться на разработку операции, Даймонт лично позаботился об этом. Фирма «Свисоптик» имела конторы в Берне и Цюрихе и давала объявления в крупных швейцарских газетах.

Как и всякому процветающему коммерсанту, Даймонту в роли Лотара Гешоника полагалась личная секретарша.

Беата Андерсон прилетела вместе с ним, поселилась в

соседнем номере, и каждое утро ровно в семь часов переводила ему сообщения местных газет.

Мигел Даймонт выбрал себе в помощники эту долголетнюю сотрудницу Секретной службы не только из-за знания испанского языка. Беата была прекрасной связной. Даймонт считал в данном случае необходимым избегать прямых контактов как со своим коллегой, фигурировавшим в штате посольства в качестве пресс-аташе, так и с агентами, которым предназначалась та или иная роль в операции.

Из множества статей и заметок в местных газетах, в том числе в органе Демократического альянса «Венсеремос», Беата выбирала лишь тот материал, который мог заинтересовать шефа. Владея семью языками, прикомандированная к Мигелу Даймонту Отделом сбора информации, она уже не раз выполняла для него подобную работу.

Сегодня ее внимание привлекли две заметки.

В семь часов вечера должно было состояться заседание Центрального комитета Демократического альянса, на котором предполагалось обсудить возможную блокировку на выборах с партией «Прогресс и свобода».

Эта была мелкобуржуазная группировка, не вполне согласная с Демократическим альянсом относительно глубоких социальных реформ, но всецело одобряющая установку на независимость экономическую и внешнюю политику.

Вторая заметка была напечатана в отделе спортивных новостей.

В семь часов вечера должен состояться футбольный матч между столичной командой «Ла Монтанья», занявшей в прошлом году первое место в Национальной лиге, и командой «Санта Роса», у которой были все шансы завоевать титул чемпиона в нынешнем сезоне. Сообщалось, что все билеты давно уже проданы и что полиция арестовала перекупщиков, сбывавших билеты на лучшие места по фантастической цене.

Этот матч имел особое значение, ибо после него тренер национальной сборной Кастильо Мендоса собирался окончательно определить состав команды, которая на следующей неделе должна была встретиться с эквадорскими футболистами.

Как и Даймонт, Беата Андерсон читала досье Карола Альвареса и знала, что он слышет заядлым болельщиком. Она была уверена, что эта информация должна заинтересовать шефа.

Однако Мигел Даймонт прослушал ее с таким же невозмутимым видом, как и сообщение о назначении особой комиссии по расследованию нелегального вывоза за границу археологических ценностей.

В действительности Мигел Даймонт был весьма доволен совпадением двух как будто ничем не связанных между собой фактов — заседания Центрального комитета Демо-

кратического альянса и футбольного матча.

Его внешнее безразличие было просто-напросто профессиональной маской. Даже не маской — привычкой. Беате он вполне доверял, но делать исключение ради нее не намеревался, Даймонт был убежден: начальник, не умеющий скрывать свои мысли от подчиненного, дает тому возможность занять свое кресло.

— Спасибо, Беата! На сегодня достаточно! Нам через полчаса надо быть в министерстве торговли.

Говорил он на швейцарском диалекте немецкого языка, как и полагалось коммерсанту из немецкоязычного Цюриха.

Что касается переговоров с министерством торговли, да и с некоторыми экспортно-импортными фирмами, то это занятие не было таким уж бессмысленным, каким могло показаться.

Если операция удастся (а Мигел Даймонт в этом не сомневался), даже самой опытной ищейке не придет в голову заподозрить в чем-либо солидного швейцарского коммерсанта.

Вернувшись из министерства, Мигел Даймонт в одиночестве пообедал в ресторане отеля. Затем по старомодной широкой лестнице (в отеле «Кондор» отсутствовали не только кондиционеры, но и лифт) поднялся наверх и на час заперся в комнате Беаты. Проходящие по коридору служащие гостиницы, увидев на дверях табличку «Не трево-

жить!», многозначительно улыбались. Это входило в расчет Мигеля Даймонта. Пусть думают, что секретарша по совместительству его любовница.

В действительности он не нуждался в таких услугах. Дома у него была жена, а вне дома он обходился без женщин. Мигел Даймонт полагал, что амурные похождения отвлекают от главного. А главное было: думать, планировать, принимать безошибочные решения.

Вот и сейчас, удобно уевшись в кресле, он думал. Время от времени Беата, расположившаяся с книгой на диване, поворачивала голову в его сторону и лишний раз убеждалась, что он ее совершенно не замечает.

Ровно в половине шестого Мигел Даймонт занял свой наблюдательный пост у бокового окна. Один за другим съезжались члены ЦК Демократического альянса. Альвареса среди них не было. Он появился лишь поздно вечером, когда совещание подходило к концу.

В тот момент, когда Карол Альварес выскочил из автомобиля и почти бегом устремился к входным дверям штаб-квартиры, Мигел Даймонт был готов мысленно аплодировать ему. Аплодисменты, по правде говоря, предназначались не столько самому противнику, сколько той помощи, которую тот, сам того не ведая, оказал Даймонту.

Еще до того, как Мигел Даймонт увидел Альвареса на экране телевизора среди ог-

ромной толпы, заполнившей стадион (между прочим, матч закончился со счетом 3:2 в пользу столичной «Ла Монтаньи»), он предугадал этот, казалось бы, легкомысленный поступок. Предугадал (правда, не на все сто процентов), что Альварес даже ради важного политического совещания не откажется от любимого футбола. Это означало, что Даймонт в достаточной мере изучил характер противника и, следовательно, мог прогнозировать поведение Альвареса в схожих ситуациях.

Только сейчас Мигел Даймонт по-настоящему осознал, насколько Альварес опасен. Не исключено, что остальные члены Центрального комитета партии упрекнут своего руководителя в том, что он отдает предпочтение детской забаве, а не серьезному делу. Однако в стране, где футбол пользовался почти фантастической популярностью, может быть, именно эта приверженность футболу и делала Альвареса столь популярной фигурой. Выступая на митинге, он оставался политическим деятелем-интеллигентом, отделенным пропастью от безграмотного индейца, прозябающего в нищем горном селении. Зато сидя на трибуне стадиона среди тысяч подобных ему болельщиков, Альварес становился человеком из народа, человеком, для которого чаяния простого люда были не какими-то умозрительными, а впитанными с материнским молоком.

В этот вечер Мигел Даймонт лег спать в полной уве-

ренности, что значительно приблизился к цели.

В шесть часов утра он, как обычно, встал, принял ванну, побрился и в электрической кофеварке сварил себе кофе. С дымящейся чашкой в руке он вышел на балкон. Было еще сравнительно прохладно. На пиках далеких гор играли лучи восходящего солнца.

В семь часов утра Беата, как обычно, пришла с целым ворохом газет. Крупные заголовки извещали читателей, что намечавшийся блок Демократического альянса и партии «Прогресс и свобода» стал свершившимся фактом. Это означало, что Альварес на предстоящих выборах получит не просто большинство голосов, а подавляющее большинство. Одна статья так и была озаглавлена: «Карол Альварес — будущий президент!»

Преградить ему путь к президентству можно было лишь одним-единственным способом. И Мигел Даймонт уже примерно знал, как это сделать.

2

Каждый день Мигел Даймонт несколько часов прогуливался по городу. Вместе с Беатой он бродил по шумным рынкам, где фрукты всевозможных расцветок соревновались в пестроты с покрывалами и циновками, выделкой которых славились местные индейцы.

Посещал богослужения в старинных соборах с непомерно высокими сводами, запол-

ненных гулким, почти осязаемым полумраком, в котором мерцали электрические свечи. Потом они с Беатой подолгу сидели в каком-нибудь кафе под открытым небом, где пили черный, густой как смола кофе или излюбленный местными жителями напиток, настоящий на орехах кола. После темной прохлады церковью духота под натянутыми над столиками тентами казались вовсе не выносимой.

Прогулки эти преследовали двоякую цель. Играя роль швейцарского коммерсанта, впервые попавшего в экзотическую страну, Мигел Даймонт, естественно, должен был интересоваться местными достопримечательностями.

Но важнее было то, что таким образом Мигел Даймонт всегда знал, о чем толкуют люди, что их волнует, чем они озабочены. Где бы они ни находились, чем бы ни занимались. Беата прислушивалась к чужим разговорам, а затем докладывала шефу.

Больше всего говорили о выборах, но в последние дни главной темой стал предстоящий матч национальной сборной с эквадорцами. Страсти были накалены донельзя. Прошлогодний матч на выезде кончился победой эквадорцев. И, как считали местные болельщики, — несправедливой. Царило повсеместное убеждение, что проигрыш национальной сборной, которая в течение всего матча имела некоторый перевес, явился результатом нечистого сговора. Расходились лишь в одном. Боль-

шинство утверждало, что подкуплен судья. Некоторые полагали, что эквадорцы подкупили полузащитника национальной сборной, от ноги которого мяч угодил в собственные ворота.

Матч завершился грандиозной потасовкой между болельщиками обеих команд. Чтобы разнять их, эквадорской полиции пришлось применить слезоточивый газ.

Что касается незадачливого полузащитника, то ему как следует досталось от соотечественников. Почти месяц он пролежал в эквадорской больнице. Получив за это время свыше тысячи угрожающих писем, он понял, что возвращаться на родину небезопасно, и принял предложение итальянского клуба «Ювентус».

Вся атмосфера города казалась предельно наэлектризованной футболом. И с каждым днем все глубже, подобно тончайшему лазерному лучу, футбол проникал в подсознание Мигела Даймонта. Где-то здесь таилось решение задачи.

Однажды Мигел Даймонт проснулся чуть раньше обычного. Проснулся оттого, что пунктирно намеченный план операции наконец-то принял конкретные очертания.

В эту минуту Даймонт был схож с полководцем, разыгрывающим на штабной карте предстоящее сражение. Учет местности, расстановка сил, введение в бой того или иного соединения, характер противника — все скрупулезно вычислялось, проверялось, пе-

репроверялось. Все эти сложные, хитроумные расчеты служили единой цели — подготовке сокрушительного артиллерийского залпа.

Еще предстояла большая работа. Но Мигел Даймонт уже знал, где, когда и при каких обстоятельствах умрет Карол Альварес.

И с некоторой гордостью отметил: из миллиона людей, которые будут оплакивать безвременную смерть, ни одному не придет в голову, что ее запланировал и осуществил он — Мигел Даймонт.

Пока Беата, готовясь к переводу, раскладывала газеты на столе, Даймонт стоял в открытых дверях балкона и, глядя на самый высокий, покрытый снежной шапкой пик, обдумывал, какие распоряжения дать ей в первую очередь. Затем шагнул к устланному газетами столу и сказал:

— Переводить мы сегодня не будем! Есть дела более срочные. Узнайте, пожалуйста, кто будет судить матч.

И тут его рассеянный взгляд остановился на крупном заголовке: «Назревает пограничный инцидент с Эквадором!»

Рука чисто автоматически поднялась и прижалась к виску. Он еще ничего не знал об этом пограничном инциденте, но долготелая привычка предугадывать возможное развитие любых ситуаций заставила его насторожиться. Скорее, это была даже не привычка, а профессиональная интуиция. Именно она в немалой степени способствовала его продвижению по службе.

Как опытный альпинист по еле заметному дрожанию воздуха предчувствует готовую вот-вот обрушиться лавину, так и он ощущал опасность, подстерегающую его столь тщательный продуманный план.

— Извините, дела откладываются.— Его лицо снова приняло обычное невозмутимое выражение.— Переведите мне все статьи, где речь идет о пограничном инциденте... Как вы сами понимаете, такого рода происшествия могут так или иначе повлиять на дела нашей фирмы.

Фраза имела двойной смысл.

Еще до приезда Мигела Даймонта Секретная служба внедрила в персонал отеля своего сотрудника. Дважды в день он проверял комнаты Даймонта и Беаты на подслушивающие устройства. Лично Даймонт был настолько уверен в своей маскировке, что считал эту предосторожность излишней. Но такова была стандартная процедура, которой подчинялись лица, участвовавшие в любой секретной операции.

Зато Даймонт частично учитывал чисто человеческое любопытство, присущее горничным и коридорным любого отеля. Как бы заняты они ни были, время для подслушивания всегда найдется.

Так что такая, казалось бы, пустяковая предосторожность, как применение слова «фирма», отнюдь не являлась излишней.

Наиболее обширную статью, посвященную погранич-

ному конфликту, опубликовала «Аксьон» — газета, тесно связанная с правительственными кругами.

«Наше национальное археологическое управление уже давно било тревогу в связи с хищением древностей и вывозом их за границу. Предметы древней культуры инкского и доинкского периодов исчезают из храмов и центров раскопок, контрабандным путем вывозятся за пределы страны и обогащают коллекции североамериканских миллионеров, готовых платить за них баснословные суммы.

Сенсацию вызвало происшествие, связанное с открытием на горном плато Храма Солнца.

Теу Тачкау, индеец из племени кечуа, неожиданно наткнулся на сельве на каменную скалу. Прорубившись сквозь сплошные заросли, индеец увидел целый комплекс древних изваяний.

Когда спустя полгода специально организованная Национальным археологическим управлением экспедиция добралась до храма, оказалось, что ученых успели опередить грабители.

Исчезли многие барельефы и стелы с изображением богов, даже многотонная, изваянная из камня голова. Не вызвало сомнений, что грабители были оснащены мощной техникой.

Это сенсационное сообщение лишний раз подтвердило, что хищением древностей занимается хорошо организованная банда гангстеров. Исходя

из того, что вывоз столь громоздких предметов возможен лишь при использовании вертолетов или самолетов, возникло предположение, что у гангстеров имеется аэродром.

Однако несмотря на все усилия полиции и пограничной охраны, обнаружить его до сих пор не удавалось.

Перелом наступил на прошлой неделе, когда полиция арестовала подданного Соединенных Штатов Джона Круазала. В тайнике, оборудованном в его автомобиле, обнаружили несколько золотых украшений, похищенных из Археологического музея. Полиции удалось установить, что под именем Джона Круазала скрывается дважды осужденный в Соединенных Штатах за хищение предметов искусства и вооруженный взлом, разыскиваемый американскими властями гангстер Альф Данетти. Найденные у Данетти бумаги, в том числе список похищенных из Храма Солнца ценностей, а также его показания дали возможность выйти на след всей банды.

Специальный отряд полиции, подкрепленный соединением пограничной стражи, окружил перевалочную базу гангстеров и секретный аэродром.

Аэродром находился на северном склоне плато Мадредель-Дос на границе с Эквадором, примерно в пятидесяти километрах от обнаруженного недавно Храма Солнца.

Полиция настигла гангстеров как раз в момент погрузки

похищенных из храма ценностей.

На предложение полиции сдаться гангстеры ответили огнем. Завязалась перестрелка, в результате которой имелись убитые и раненые с той и с другой стороны.

В разгар боя на место происшествия прибыл отряд эквадорских пограничников. Они заявили, что наши силы вторглись на территорию Эквадора.

Полиция прекратила огонь. Воспользовавшись этим, оставшиеся в живых гангстеры бежали.

При попытке задержать их наши полицейские и пограничники были остановлены ответным огнем эквадорцев.

Граница в этом труднодоступном районе была установлена договором 1852 года после победы наших войск над эквадорцами и до сегодняшнего дня эквадорским правительством ни разу не оспаривалась.

Наш министр иностранных дел сеньор Хуанито де Лас Торрес вчера вызвал полномочного посла Эквадора и вручил ему протест в связи с нарушением границы.

Как сегодня стало известно, эквадорское правительство, вместо того чтобы принести свои извинения, прибегло к недостойной уловке.

Ссылаясь на изданную в 1893 году карту перуанского генерального штаба, на которой часть северного склона плато Мадредель-Дос ошибочно обозначена как находящаяся за пределами государственной границы, а также на

то обстоятельство, что текст мирной конвенции 1852 года в отношении этого участка сформулирован весьма расплывчато, правительство Эквадора предъявляет незаконные претензии на эти исконно мондацкие земли.

Корреспонденты иностранных телеграфных агентств сообщают, что в нарушение всех международных прав правительство Эквадора сосредоточивает в данном районе войска численностью до одной дивизии.

В свою очередь, наши пограничники усилены ракетным дивизионом и двумя ротами бронетанковых войск.

Однако, следуя миролюбивому курсу, которого издавна придерживается наше правительство, командующему пограничным районом полковнику Алонсо де Ортега-и-Бунависта дано указание: избегая прямого столкновения, по мере возможности не отвечать на провокации противника.

В министерстве иностранных дел нам сообщили, что наш представитель в Организации Объединенных Наций сеньор Людовико Роса уполномочен обратиться в Совет Безопасности с просьбой помочь в урегулировании возникшего конфликта.

Закончив перевод статьи, Беата взглянула на шефа. Не часто приходилось ей видеть его таким.

Мигел Даймонт сидел, подперев подбородок кулаками. Нахмуренный, сосредоточенный и в то же время как бы отрешенный взгляд, пройдя

сквозь Беату, словно сквозь пустое пространство, казалось, был направлен в одному ему ведомую далекую точку.

Действительно, мысленный взгляд Даймонта был устремлен к весьма далекой, зато абсолютно конкретной точке. А именно: к тайному аэродрому на северном склоне горного плато Мадре дель-Дос.

Столь некстати разгоревшийся конфликт грозил свести на нет тщательно продуманную операцию по ликвидации Карола Альвареса.

Даймонт невольно усмехнулся. По иронии судьбы непосредственную роль в этом пограничном инциденте играл аэродром, который своим существованием отчасти объяснен лично ему.

Полгода назад Секретная служба уже считалась с тем, что Альварес может стать президентом. Шеф Мигела Даймонта тогда еще не предполагал, что единственное реальное решение связано с физическим устранением руководителя Демократического альянса.

Это решение приобрело приоритет лишь после того, как Даймонт разработал теоретическую схему «идеального убийства». Убийства, где смерть жертвы будет приписана не истинным виновникам, а слепому року.

Готовясь к будущему президентству Альвареса, Секретная служба уже разрабатывала планы его свержения с президентского поста. Как всегда в таких ситуациях, решающей картой в этой игре должен

был стать вооруженный мятеж.

Чтобы снабжать повстанцев оружием, а заодно засылать внутрь страны тайных агентов, и был оборудован аэродром на плато Мадре дель-Дос. Оборудован именно в этом месте, так как район из-за нечеткости границы был в сущности ничьей землей.

До выборов и грозящего неисчислимыми бедами президентства Альвареса оставалось еще много времени. Надо было проверить пригодность горного аэродрома, проложить наиболее выгодную воздушную трассу через границу до секретной базы на территории Эквадора и, главное, разведать сравнительно безопасные дороги для доставки груза и агентов внутрь страны.

Чтобы не раскрыть себя в случае провала, Секретная служба перепоручила проверку схемы «посторонним лицам». Такой метод был уже неоднократно опробован и, по мнению специалистов, вполне себя оправдывал.

Аэродром Мадре дель-Дос был передан синдикату гангстеров, занимавшихся хищением древностей и контрабандной торговлей ими. Передача осуществлялась при помощи подставных лиц, им же гангстеры были обязаны перечислять половину прибыли.

Таким образом, Секретная служба одновременно убивала двух зайцев: возмещала затраты на линию переброски и на чужом опыте проверяла ее эффективность.

Все шло отлично до того момента, когда Мигел Даймонт предложил альтернативный, оптимальный план, делающий ненужными дорогостоящие, трудоемкие усилия по организации мятежа, переброске оружия и агентов в глубь страны. Ненужной стала линия переброски, ненужным — горный аэродром, ненужной — секретная база на территории Эквадора.

Но сила Секретной службы в том и состоит, что она является как бы государством в государстве и, как всякое государство, нуждается в секретных средствах. Поэтому гангстеры продолжали пользоваться аэродромом Мадре дель-Дос, а Секретная служба продолжала получать немалый доход.

Сейчас этот жирный кусок встал ей поперек горла. Из-за этого проклятого аэродрома назревает неожиданный поворот событий.

3

Следующий день доказал, что Мигель Даймонт не ошибся.

Дальнейшее развитие пограничного конфликта привело именно к тем последствиям, которых он опасался: тон местной печати становился все более агрессивным.

В свою очередь, правительство Эквадора, которое вначале согласилось передать вопрос о территориальной принадлежности спорного района третейскому суду, внезапно заявило, что непременно

условием переговоров является отвод монтадских войск из пограничной зоны.

Некоторые международные обозреватели приписывали неожиданную непримиримость Эквадора вмешательству Соединенных Штатов. Во всяком случае, требование об отводе монтадских войск было выдвинуто после встречи президента Эквадора с американским послом.

Мигел Даймонт прекрасно знал, что в данном случае международные обозреватели не ошибаются. Раздоры между странами почти всегда были на руку Вашингтону. Секретная служба неоднократно привлекалась к хитроумной задаче раздувания тлеющего уголька в пожар.

Интересы Секретной службы, которую представлял Мигел Даймонт, на этот раз явно противоречили интересам госдепартамента.

И когда во вторник местные газеты гневно обрушились на эквадорское правительство, запретившее своей национальной сборной встретиться в матче-реванше с футбольной командой Монтады, Даймонт решил действовать...

Галантно открыв дверцу машины и усадив Беату, Мигел Даймонт сел за руль. Ехал он наугад. Петляя по кривым улочкам, после которых просторные гулкие площади казались еще более огромными, автомобиль упрямо карабкался вверх. Временами, когда гладкая булыжная мостовая сменялась каскадом высеченных в скале широких ступеней,

приходилось делать большой крюк.

Но горы, столь далекие в начале пути, становились все ближе и наконец автомобиль добрался до отвесного карниза.

Здесь шоссейная дорога, строительство которой было начато при прежнем правительстве, круто обрывалась. Нынешнее правительство, столкнувшись с серьезными экономическими трудностями, приостановило строительство.

Сразу за гладко укатанным гудроновым покрытием начиналась крутая тропа, по которой, подбадриваемая пронзительными криками погонщиков, карабкалась вереница выючных мулов.

Мигель Даймонт вспомнил переведенный Беатой очерк, озаглавленный «Дорога с тысячулетней биографией». В нем, в частности, указывалось, что при навьючивании животного с незапамятных времен применялся принцип коромысла. Поклажа с обеих сторон должна была иметь примерно одинаковый вес. В противном случае малейшая неосторожность на крутой, узкой тропе грозит мулу неминуемой гибелью.

Сейчас Мигел Даймонт сам находился в роли такого мула. Поэтому он дотошно взвешивал каждый последующий шаг. Автомобильная поездка была предпринята вовсе не для того, чтобы любоваться горами вблизи. Хотя дважды в день его и Беаты номера в гостинице тщательно обшаривались специалистом по об-

наружению потайных микрофонов, все же в гостинице не было стопроцентной гарантии, что их не подслушивают.

Лишь в автомобиле, снабженном эффективнейшим противоподслушивающим устройством, такая возможность полностью исключалась.

Кстати, транспортный сектор Секретной службы выделил было в распоряжение Даймонта специально оборудованную машину американского производства. Он отказался. Как всегда, когда надо было создать себе «легенду», он старался не допустить ни одного фальшивого штриха.

Уважающий себя богатый швейцарский коммерсант купит автомобиль итальянской или западногерманской марки, но ни в коем случае не американской. По настоянию Даймонта был приобретен «кальфа-ромео» новейшего выпуска, прошедший стандартную обработку в спецлаборатории Секретной службы.

— Я слушаю, шеф! — Беата первая прервала молчание.

— Подождите! — отмахнулся Даймонт.

До решающего сражения было еще далеко. То, что сейчас обдумывалось, напоминало всего лишь маневрирование для занятия исходных позиций. Но и на таком предварительном этапе малейшее упущение могло привести к роковым последствиям.

Мигел Даймонт лишний раз мысленно проверил весь план. Разобрав его наподобие часового механизма на составные части, снова собрал.

Казалось бы, механизм в полном порядке. Но Даймонт чувствовал: не хватает какого-то винтика.

Просветление пришло секунду спустя. Ну конечно, это оборудованная Секретной службой тайная база на территории Эквадора! База, на которой, перелетев границу, приземлялись транспортные самолеты с похищенными гангстерами древностями. По всей вероятности, часть добычи еще находится там.

Примерно пятнадцать минут, четко выговаривая каждое слово, Мигел Даймонт давал указания Беате. По сложному каналу эти указания, облаченные в форму рекомендаций, дойдут до начальника Секретной службы, от него — к ответственнойшему правительственному лицу, от того — к его подчиненным, от тех — к американскому послу в Эквадоре.

О встрече посла с министром иностранных дел этой страны ни одному из корреспондентов, слетевшихся в столицы обоих государств в надежде поживиться за счет назревающего конфликта, не удалось пронюхать. Поэтому официальное сообщение, опубликованное несколько дней спустя, стало для них полной неожиданностью.

Правительство Эквадора приносило свои извинения. Правительство Эквадора признавало, что мирный договор 1852 года, безусловно, закрепил спорную территорию за Монтადой. Правительство Эквадора соглашалось с тем,

что линия границы, зафиксированная в 1893 году на карте генерального штаба монтанской армии, основана на ошибке картографов.

Более того, официально сообщалось, что эквадорской полицией приняты все меры, чтобы вернуть Монтате похищенные археологические ценности. Уже удалось обнаружить перевалочную базу гангстеров. Найденные там изваяния, а также золотые предметы из Храма Солнца будут в ближайшее время доставлены в столицу Монтаты.

Беата перевела это сообщение, напечатанное под крупными заголовками во всех местных газетах. Мигел Даймонт усмехнулся. Из сотен тысяч людей, населяющих этот древний город, лишь они двое знали, что было сказано американским послом при его второй встрече с министром иностранных дел Эквадора.

Мигель Даймонт вышел на балкон.

На этот раз он не смотрел на далекие вершины. Его взгляд был устремлен вниз, на улицу, где столпившиеся у афиши прохожие бурно выражали свою радость.

Радость не имела прямого отношения к благополучному исходу конфликта с Эквадором. Огромными багровыми буквами на темном фоне афиши призывали публику посетить матч-реванш между футбольными сборными Монтаты и Эквадора.

Матч, который мог так и не состояться, не возьми Дай-

монт на себя роль всемогущего провидения.

Игра была назначена на следующий вторник, местом сражения избран стадион столичного спортивного клуба «Ла Монтанья», вмещающий сто десять тысяч зрителей.

Мигел Даймонт простоял на балконе дольше обычного. На этот раз он не ощущал удушающей жары, хотя по радио объявили, что температура побила все рекорды.

В голове и в упругих мышцах, будто обработанных искусными пальцами опытного массажиста, во всем теле он ощущал космический, неземной холод.

Тот пронзительный холод, который овладевал им в момент, когда задуманная операция спускалась с небес на стратегическую мысль наземь — на твердую почву тактического действия.

Вернувшись в комнату, он улыбнулся Беате:

— Читать газеты мы больше не будем. Считаю, что я достаточно ознакомился с положением в стране, чтобы добиться для фирмы выгодного контракта. Кстати, внизу расклеены афиши футбольного матча. Интересно, кто будет судить?

4

Практическая подготовка к операции могла начаться.

Многочисленные лица, принимавшие участие в предварительной фазе операции, даже понаслышке не знали Мигела Даймонта. Они и по-

нения не имели, от кого исходят конкретные указания. Даже отдаленно не представляли себе, чему служат и какой конечный результат дадут их разрозненные, порою им самим непонятные действия.

Например, в столице Мексики целая бригада самых умелых ищек Секретной службы несколько дней собирала сведения о некоем совершенно им незнакомом Фернандо Эрере. Досконально изучила всю его подноготную, включая самые щекотливые подробности интимной жизни.

Ни они, представившие пухлое досье в несколько сот страниц, ни сам объект этого тщательного исследования не ведали, по какой причине Секретная служба проявляет к нему столь повышенный интерес.

Фернандо Эрера был женат. Но, как почти всякий чистокровный латиноамериканец, не ограничивал свою эротическую деятельность узкими семейными рамками.

Познакомившись с тридцатилетней манекенщицей Кларой Болан, Фернандо Эрера решил, что ему крупно повезло. Клара была идеальной постоянной любовницей, к тому же требовала меньших расходов, чем целая дюжина временных, весьма далеких от идеала, любовниц.

К сожалению, их в высшей мере гармоничная связь прервалась из-за бриллиантовых серег. Клара считала, что они ей очень к лицу, а ее другу

вполне по карману. Фернандо Эрера, не посмев открыто заявить, что столь дорогой подарок не соответствует его представлению об идеальной любовнице, пытался убедить Клару, что красивой современной женщине бриллианты не идут.

Этот комплимент привел ее в бешенство. Она схватила бокал и швырнула ему в лицо, отчего на правой щеке остался маленький шрам, а на только что сшитом дорогом костюме — разводы от яичного ликера, которые химчистка так и не сумела до конца вывести.

Несмотря на бурный разрыв, Фернандо Эрера, покаясь в объятиях временных, далеких от идеала любовниц, частенько вспоминал Клару. Как-то он заглянул в записную книжку, где расходы на сексуальную деятельность шли колонкой только ему понятных цифр. Своей жене он объяснял, что они связаны с популярным у мексиканцев футбольным тотализатором.

В эту минуту Фернандо Эрера по-настоящему осознал тяжесть своей потери. Хотя каждая из временных любовниц обходилась дешевле Клары, оптом они пожирали вдвое больше денег.

Однажды вечером (жена и дети уже спали) Фернандо Эрера угрюмо сидел у телевизора, вспоминая бурную сцену, приведшую к разрыву.

...После весьма интересного боя быков, в котором, кроме местных матадоров, участвовал знаменитый торре-

ро из Испании, Клара предложила пройти до дома пешком.

Это случалось и раньше. Нелегко схватить такси перед носом у сотен людей, стремящихся домой после корриды и настолько разгоряченных драматическим зрелищем, что они сами в случае конфликта превращаются в разъяренных быков.

Странно было то, что Клара выбрала на сей раз не кратчайшую дорогу к дому, а повела Фернандо Эрера окольным путем, через парк Монтесумы и ярко освещенную рекламными огнями торговую улицу, которую местные жители из-за обилия золота и драгоценностей, выставленных в зеркальных витринах ювелиров, в шутку называли улицей ацтекских сокровищ.

Когда Клара остановилась у одного из этих сверхроскошных магазинов, Фернандо Эрера не подозревал, что его заманили в ловушку.

— Тебе нравятся эти серьги? — спросила она, небрежно указывая вставленной в мундштук сигаретой на бархатную подушечку, на которой в ярчайшем луче нацеленного на нее мини-юпитера переливались разноцветными огнями два лунных серпа.

— Недурно, — рассеянно отозвался Фернандо Эрера, столь же рассеянно скользнув взглядом по табличке с ценой, и счел нужным осторожно добавить:

— Хотя...

— Что хотя?

Руководимый неясным инстинктом, Фернандо Эрера пробурчал:

— Хотя не могу себе представить человека, который согласился бы заплатить за эту безделушку такую сумму.

— А я могу себе представить. Более того, я знаю человека, который подарит мне эти серьги.

В Фернандо Эрере остро вспыхнула ревность:

— Кто он?!

— А ты не догадываешься? — и Клара перевела разговор на самый интересный бой сегодняшней корриды.

Ответ на свой вопрос Фернандо Эрера получил спустя два часа.

Слишком усталые от любовных утех, чтобы добраться до ванной, они, лежа в постели, подставляли разгоряченные тела мощной струе вентилятора.

— Это ты! — шепнула Клара, прижимаясь к нему.

— Я?! — Фернандо оторопел, поняв, что попал в критическую ситуацию. Чтобы выиграть время, он соврал, будто ждет звонка из Олимпийского комитета, и стал поспешно одеваться. Тем временем Клара разлила привезенный им из Мюнхена (Эрера судил там матч между местной командой и австрийцами) липкий яичный ликер по бокалам.

Фернандо Эрера не успел придумать подходящий аргумент, который вразумил бы Клару и в то же время не звучал бы грубым отказом.

Начался дурацкий разговор.

Клара утверждала, что, получив в подарок желанные серьги, она стала бы еще более идеальной любовницей. На что Фернандо возразил, что она и так вполне соответствует его идеалу. Клара резко ответила, что человек, не желающий принести своему идеалу даже незначительную финансовую жертву, вообще не имеет права разглагольствовать об идеалах.

И тут сам черт надоумил его сказать, что по-настоящему красивая женщина не нуждается в дополнительных украшениях.

— Значит, ты не считаешь меня по-настоящему красивой?! — и бокал с липким ликером полетел в его лицо...

Все это Фернандо вспоминал, сидя перед телевизором, на котором мелькали призрачные тени. Вспоминал, как относил испорченный костюм в химчистку. Как потом разглядывал разводы, оставшиеся на белоснежном материале, проклиная себя за то, что не догадался привезти тогда из Мюнхена тминную водку вместо этого проклятого ликера.

Вспоминал с грустью и с некоторой долей самобичевания. Существовал ведь вполне приемлемый выход из критической ситуации. Правда, серьги были дороговаты, если платить за них из собственного кармана. Но кто мешал ему оказать кое-кому небольшую услугу, в результате которой Клара получила бы свои

серьги, а он сохранил бы идеальную любовницу.

Печальные размышления прервал телефонный звонок. Он оказался приятным сюрпризом. Звонила Клара. В ее взволнованном голосе слышалось раскаяние. Она пришла к заключению, так она сказала, что без него жить не может.

Пусть все бросает и немедленно мчится к ней!

Когда Клара открыла ему дверь, на него так и дохнуло недавним прошлым. На ней был ярко-красный шелковый халат с золотыми драконами, который Фернандо привез ей из Сан-Франциско.

Она бросилась ему на шею. Халат распахнулся, открывая его воспаленному взгляду просвечивающие сквозь прозрачную сорочку соколовища, которых Фернандо был так долго лишен.

Однако Клара отстранилась. Она деликатно дала ему понять, что с утехами придется повременить. Сперва она хочет познакомить Фернандо со своим эквадорским гостем.

— Это дон Рафаэл, друг моей семьи. Ты ведь знаешь, моя семья раньше жила в Эквадоре, — ворковала Клара.

Фернандо Эрера согласно кивнул, хотя до этого вечера, основываясь на словах Клары, был убежден, что вся ее родня, вплоть до шестого поколения, неразрывно связана с Мексикой. Из рассказов Клары вытекало, что ни одна из многочисленных мексиканских революций не происходила

без участия какого-нибудь ее предка.

— Моя семья, зная наши с тобой отношения, заверила дона Рафаэла, что ты сделаешь все от тебя зависящее.

— Ему что-то от меня надо? — насторожился Фернандо Эрера.

— Сущий пустяк. У него для тебя есть весьма выгодное предложение. Правда, я понятия не имею, в чем оно конкретно заключается. Ты ведь знаешь мою тактичность, я в мужские дела не лезу. Но он мне намекнул, что речь идет о приличной сумме... Правда удачно?

— Удачно? — не понял Фернандо Эрера.

— Я говорю о тех деньгах, из-за которых мы поссорились. Напрасно я тогда на тебя рассердилась. Надо было догадаться, что у тебя их просто нет. Ну а сейчас они у тебя будут. Тебе повезло, я звонила сегодня в ювелирный магазин — серьги еще не проданы.

Познакомив Фернандо с гостем из Эквадора, Клара оставила мужчин наедине, а сама ушла на кухню готовить горячую закуску.

Гость, обладавший самыми изысканными манерами, называл себя сеньором Рафаэлом Сантосом-и-Трухильо. Он сообщил, что является хозяином богатого рудника по разработке олова.

Будучи пылким патриотом Эквадора, особенно когда дело касается лавров сборной страны по футболу, он никак не может допустить мыс-

ли, что предстоящая встреча с командой Монтады закончится поражением его соотечественников.

— Я уважаю ваш патриотизм, — пробормотал Фернандо и улыбнулся. — Если бы лично от меня зависел результат матча, я, конечно, ради любви к Кларе, постарался бы угодить старинному другу ее семьи.

— Именно от вас зависит результат! — категорично заявил сеньор Рафаэл Сантос-и-Трухильо.

— То есть как? — опешил Фернандо Эрера.

— Вы будете судить этот матч!

— Вы ошибаетесь. Насколько я слышал, вопрос еще не решен. Монтадцы ратуют за англичанина, а эквадорцы, в пику им, за француза. Или же наоборот, в точности не помню...

— В таком случае вы ничем не рискуете, приняв мое предложение... На ваш текущий счет в швейцарском банке «Цюрихер кредитгазельшафт» переведены сто тысяч швейцарских франков. Они ваши, если матч закончится в пользу моих соотечественников... В противном случае...

Беседу прервала Клара. Стол накрыт, шампанское поставлено в ведро со льдом, так что пусть мужчины поскорее завершают свой деловой разговор. При этом Клара обожгла Фернандо взглядом, напомнившим ему, что поздний ужин всего лишь увертюра к более желанным уладам.

Как только Клара удали-

лась, Рафаэл Сантос-и-Трухильо без дальнейших церемоний объяснил, что он подразумевает под словами «в противном случае».

В его распоряжении находятся документы, из которых явствует, что в блистательной биографии Фернандо Эеры, сначала известного футболиста, а затем и судьи международной категории, имеются некоторые темные пятна. В случае согласия Эеры документы эти будут переданы ему для уничтожения. В противном случае — прессе для опубликования.

Фернандо Эера понял, что попал в ловушку.

— Приведу лишь несколько фактов,— Рафаэл Сантос-и-Трухильо с наслаждением затянулся бразильской сигарой.

— В 1956 году вы, будучи капитаном и центральным нападающим команды «Кампеадорес», в матче с бразильским клубом умышленно свели игру вничью. Защитник бразильцев Жумару, который вместе с вами был в сговоре, незадолго до конца матча нарочно грубым ударом сбил с ног вашего игрока в штрафной площадке, что позволило вам...

— Это была случайность,— промямлил Фернандо Эера.

— Могу предъявить собственноручно подписанное признание Жумару,— усмехнулся Сантос.— Но вряд ли стоит утруждать вас такими пустяками. Тем более что нас ждет шампанское. В целях экономии прошу выслушать, не преры-

вая меня. А уже потом можете утверждать, что все это злостный вымысел.

— Я слушаю...

— Итак, продолжаю... Матч подходил к концу, результат оставался пока ничейным... Судья назначил одиннадцатиметровый в пользу вашей команды. Его, как всегда, должен был пробить ваш лучший бомбардир Эстресер. В данной ситуации лишь вратарь мирового класса способен был противостоять Эстресеру, которого за необычайную силу удара в сочетании с высокой точностью прозвали Торпедой...

— Вы повествуете об этом матче так, словно сами на нем присутствовали,— попытался съязвить Фернандо Эера, уже понимавший, к чему клонит его собеседник.

— Не имей чести,— продолжая благодушно попыкивать сигарой, усмехнулся Рафаэл Сантос-и-Трухильо.— Зато прочел все отчеты об этой драматичной игре. Правда, ее закулисная сторона так и осталась для репортеров тайной... Словом, в эту решающую минуту, когда почти никто уже не сомневался в верном голе и конечной победе вашей команды, тотализаторные ставки подскочили до шести к одному в пользу «Кампеадорес».

— Ставки на нашу победу, насколько помню, не превысили пяти к одному,— пробормотал Фернандо Эера.

— Не буду спорить. Но и такого соотношения было достаточно, чтобы некий Алек Шмит, представлявший меж-

дународный синдикат игроков, смог сорвать фантастический куш. Вы тогда настояли на том, чтобы одиннадцатиметровый дали бить лично вам — и нарочно промазали! За этот промах Алек Шмит заплатил вам после игры согласно уговору десятую долю своего выигрыша... Хотите доказательств или поверите на слово?

Рафаэл Сантос-и-Трухильо вкратце упомянул еще два малоизвестных факта из блистательной карьеры Фернандо Эреры, которые могли заинтересовать прессу.

— Итак: или вы принимаете мое предложение и получаете сто тысяч, что еще никому не повредило, или журналисты получают соответствующие бумаги, которые весьма повредят вашей карьере... Извините, кажется, я начал повторяться,— и Сантос бросил недокуренную сигару в пепельницу, давая понять, что беседа закончена.

Фернандо Эрера подавленно молчал.

— Если вы не дурак...— раздраженно бросил эквадорец и нервно закурил новую сигару.

Фернандо Эрера отнюдь не был дураком.

— Я не против,— промямлил он.— Но, во-первых, еще неизвестно, буду ли я судить этот матч. Моя кандидатура, правда, выдвинута нашей футбольной федерацией, но она пока еще не обсуждалась.

— Будете судить вы! — категорично заявил Рафаэл.— А во-вторых?

— Если вы болельщик, то должны сами понимать, что судье куда труднее маневрировать, нежели игроку,— пожал плечами Фернандо.

— Согласен. Не каждому судье это по силам. Но уверен, что именно вы с этой щекотливой задачей справитесь. Вспомните хотя бы нашуевшую игру между «Кампеадорес» и клубом «Монтесума», после которой монтесумовцы вылетели из высшей лиги.

Это напоминание подействовало на Фернандо Эрера двояко. Было неприятно сознавать, что все его секреты раскрыты. Он был беспомощным кроликом, оказавшимся во власти удава. И если удав со звучным именем сеньор Рафаэл Сантос-и-Трухильо вместо того, чтобы проглотить кролика, еще дает тому возможность разжиреть, то за это надо благодарить деву Марию вкупе со всеми другими святыми.

С другой стороны, напоминание о проведенной им тогда комбинации льстило его самолюбию. Именно этим матчем Фернандо, одним выстрелом убив двух зайцев, доказал свой особый талант — играя краплеными картами, создавать иллюзию абсолютной честности и неподкупности.

Закулисная сторона этого дела была такова. В тот год руководители мексиканского спорта, желая пресечь массовую эмиграцию лучших игроков за границу, издали постановление, согласно которому ни один клуб высшей лиги не имел права прода-

вать своих футболистов в другую страну.

Входивший в высшую лигу клуб «Монтесума» был на грани банкротства. Единственная возможность оздоровить финансы заключалась в продаже левого полузащитника, включенного спортивными обозревателями в гипотетическую «Идеальную сборную Латинской Америки», испанскому клубу «Реал».

Предварительное соглашение с испанцами на астрономическую сумму было заключено перед последним туром мексиканского национального чемпионата. Из последних шести встреч игроки «Монтесумы», прибегая ко всяческим уловкам, благополучно проиграли пять.

От позорного, но для клуба крайне желательного перехода из высшей лиги в первую их отделяла одна-единственная игра — с командой «Кампеадорес».

В принципе необходимый им проигрыш был обеспечен, так как в составе «Кампеадорес» был блистательный бомбардир Эстресер. Если команда «Кампеадорес» играла в высшей лиге, то лишь благодаря ему. Все остальные игроки были подсобными фигурами, создававшими своему лидеру условия для прорыва в зону противника.

К несчастью для «Монтесумы», Эстресер незадолго до решающего матча выехал в Колумбию для получения почетного приза, ежегодно присуждаемого местными спортивными журналистами наибо-

лее результативному латиноамериканскому бомбардиру. По роковой случайности Эстресер оказался в непосредственной близости от министра юстиции, заядлого болельщика, и вместе с ним был прошит пулями наемных убийц так называемой кокаиновой мафии, против которой министр осмелился выступить.

Лишенная своего единственного по-настоящему классного игрока, команда «Кампеадорес» не имела ни малейшего шанса свести игру хотя бы к ничьей.

Осознав это, владельцы «Монтесумы» решились на рискованный шаг. Фернандо Эрера, который должен был судить предстоящий матч, была предложена крупная сумма в случае, если он поможет им выбить из высшей лиги. Эрера сначала отказался, но, когда сумма была удвоена, а затем утроена, решил, что овчинка стоит выделки.

Сама выделка оказалась на редкость трудоемкой.

Игроки «Монтесумы» прибегали к силе, добиваясь желанного проигрыша. Однако полная дезорганизованность кампеадорцев сводила на нет все их усилия.

Один мяч так неудачно отскочил от ноги полузащитника «Монтесумы», что прямоком направился в ворота противника.

Второй гол монтесумовцы тоже забили из-за собственного промаха. Оказавшись в десяти шагах от ворот и в полшаге от выбежавшего навстре-

чу голкипера, нападающий «Монтесумы» сделал вид, будто бьет по воротам. В действительности он направил мяч в руки вратаря «Кампеадорес». И на этом успокоился. Увидев, что мяч, который вратарь выпустил из рук, вкатился в ворота, футболист «Монтесумы» был готов рвать на себе волосы.

Оба раза критическую ситуацию пришлось спасать Фернандо Эрере, проявив при этом недюжинную способность импровизации и бесстрашие по отношению к болельщикам «Монтесумы» (правда, после пяти проигрышей монтесумовцев их число заметно поубавилось).

Первый гол он отказался засчитать, так как монтесумовец будто бы находился в офсайте. Один из боковых судей засомневался было, но присоединился к мнению Эреры, когда мнимый виновник нарушения после искусно разыгранного спора с Фернандо Эрерой попытался его ударить, что и было сочтено косвенным подтверждением его вины. К тому же это послужило отличным поводом удалить монтесумовца с поля и таким образом еще более ослабить рвавшуюся к проигрышу команду.

Второй гол был также не засчитан, ибо Фернандо Эрера настаивал на том, что монтесумовец злостно нарушил правила, выбив мяч из рук вратаря «Кампеадорес».

В результате «Монтесума» выбыла из высшей лиги, получив законную возможность

оздоровить свои финансы, а Фернандо Эрера приобрел репутацию чрезвычайно придирчивого и неподкупно честного судьи...

Рафаэл Сантос-и-Трухильо оборвал его воспоминания, настойчиво повторив:

— Итак: или вы получаете сто тысяч франков, или же пресса получает подробные сведения. С точки зрения моралиста, они говорят не в вашу пользу, но зато делают честь вашему умению преодолевать препятствия. Лично я, исходя из упомянутых фактов, считаю вас человеком, способным сделать правильный выбор.

Фернандо Эрера не возражал. Возразив, он мог только проиграть. Что касается согласия, то оно его пока ни к чему не обязывало. Еще неизвестно, будет ли он действительно судить игру между Монтадой и Эквадором, к результату которой его собеседник проявляет столь патриотический интерес.

Словно угадав, что деловая часть закончена, Клара пригласила гостей к столу. Вынутое из ведерка со льдом шампанское было превосходным, закуски — отменными. К тому же владелец эквадорского рудника тактично отклонялся после первого же тоста, провозглашенного им за грядущую победу эквадорцев над их противниками.

Сократив до минимума процедуру позднего ужина, Клара предложила Фернандо Эрере перебраться в спальню, где дала ему возможность

лишний раз убедиться, что является идеальной любовницей. Лишь на прощание она вскользь упомянула, что попросила ювелира придержать понравившиеся ей серьги до тех пор, пока Эрера не окажется достаточно платежеспособным.

Когда Фернандо Эрера вышел на улицу, его оглушил крик уличного продавца газет. Мальчишка стремглав несся по Авенида Коломбиана, азартно выкрикивая:

— Специальный выпуск «Эксельсиор»! Конфликт между Эквадором и Монтардой переносится на футбольное поле! Исторический матч будет судить мексиканец!

Фернандо Эрера купил газету. На первой странице красовался его портрет. Подпись гласила: «Фернандо Эрера — человек, которому доверена футбольная слава Мексики». Смысл этой многообещающей фразы пояснил в своей статье известный спортивный обозреватель, подписавшийся псевдонимом Сальваторе.

Сальваторе напомнил читателям, что, в отличие от Бразилии, трижды ставшей чемпионом мира и получившей в свою собственность мечту любой футбольной федерации — «Золотую богиню», в отличие от уругвайцев, которые в тридцатые годы считались непобедимыми и дважды выигрывали мировое первенство, Мексике на этом поприще не везло.

Несмотря на то что футбол пользуется в древней стране ацтеков огромной популяр-

ностью, несмотря на усилия футбольной федерации противопоставить соперникам достойную команду, наша сборная (так писал Сальваторе), неплохо играющая в начале мирового первенства, обычно сходит с арены, даже не добравшись до полуфинала.

«Поэтому мексиканские болельщики с гордостью воспримут известие, что представитель нашей страны назначен главным судьей матча между Монтардой и Эквадором,— продолжал Сальваторе.— Это большая честь для мексиканского футбола.

Предстоящая игра обещает быть чрезвычайно напряженной и драматичной. Страсти, особенно после недавнего пограничного инцидента, накалены до предела. Нелегка миссия нашего лучшего судьи — Фернандо Эреры. Однако все, кому известны его беспристрастие и неподкупность, уверены, что он не поддастся нажиму ни с той, ни с другой стороны. Итак, кто бы ни победил в этом матче, это будет моральной победой высоких традиций мексиканского футбола, которые воплощает Фернандо Эрера».

Дальше приводились отдельные яркие страницы из спортивной биографии Фернандо Эреры, в том числе ставшая уже легендой игра между клубами «Кампеадо-рес» и «Монтесума».

«Эрера отлично сознавал, что для последних проигрыш и даже ничья означают катастрофу, ибо только победа оставляла им шанс удержать-

ся в высшей лиге. Тем не менее он, не считаясь с угрозами, продемонстрировал всей стране высокий статус арбитра, стоящего над теми или иными частными интересами или симпатиями».

Прочтя последний абзац, Фернандо Эрера невольно усмехнулся.

Он мысленно перенесся на стадион, где через неделю состоится матч между национальными сборными двух конфликтующих стран. Задача не из легких, но и сто тысяч не каждый день падают с неба. К тому же у него действительно нет выбора: или — или!

Фернандо Эрера отправился домой с твердым намерением добиться такого результата игры, который не ударит по патриотическим чувствам эквадорского горнопромышленника Рафаэла Сантоса-и-Трухильо.

А час спустя Рафаэл Сантос-и-Трухилья, на самом деле носивший совсем другую фамилию и никогда в жизни не владевший рудником (он, хотя и является уроженцем Эквадора, проявлял патриотические чувства лишь когда за это платили, встретился в отеле с человеком, которого про себя называл «заказчиком».

Тот представился эквадорцу швейцарцем итальянского происхождения Луиджи Чезаре и дал понять, что действует по поручению группы, делающей крупные ставки на футбольном тотализаторе. В действительности ни в одном из трех его паспортов упомяну-

тые имя и фамилия не значились. Никакого отношения ни к тотализатору, ни тем более к футболу он не имел. Правда, согласно одному из паспортов, он был швейцарским подданным, хотя видел эту страну лишь через иллюминатор лайнера, летевшего из Марселя в Стамбул.

Их встреча была предельно краткой. Один из собеседников получил крупную сумму — гонорар за услугу. Второй — миниатюрную кассету.

Еще через день эта кассета с записью делового разговора между судьей будущего матча и «эквадорским болельщиком» была передана в руки третьего лица.

Третье лицо не сочло нужным представиться. Да и мнимый швейцарец, который тоже был лишь посредником, за что получил щедрый гонорар, не посмел бы проявить излишнее любопытство.

Но ни настоящий Фернандо Эрера, ни мнимый Рафаэл Сантос-и-Трухильо, ни мнимый Луиджи Чезаре, ни безымянное третье лицо, косвенно связанное с Секретной службой, не имели ни малейшего понятия, что все они действуют по продуманному и выверенному стратегическому плану Мигела Даймонта.

5

Заведующий оружейной лабораторией Секретной службы Гарри Касивен неторопливо вскрыл продолговатый пакет, доставленный специальным посыльным.

На оберточной бумаге красовалась фирменная печать известного магазина. В пакете Гарри Касивен обнаружил завернутую в целлофан и перетянутую розовой ленточкой картонную коробку, в какую обычно укладывают самые дорогие розы с гипертрофированно длинными стеблями.

Однако в эту коробку вместо цветов была вложена полуавтоматическая винтовка системы «армстронг» (модель 1959 года). Обычную сопроводительную карточку с золотым обрезом и еще заранее отпечатанным поздравительным или любовным текстом, под которым посылателю цветов достаточно подписаться, заменяло лаконичное указание:

1. Модифицировать, максимально уменьшив и облегчив приклад, а также укоротив ствол.

2. Изготовить футляр, который вместе с содержимым мог бы беспрепятственно пройти самый тщательный досмотр в любом аэропорту.

3. Исполнить заказ в 24 часа.

Под текстом значился телефонный номер. Гарри Касивен, имевший большой опыт в таких делах, неограниченные ресурсы и штат сотрудников, численности и квалификации которых позавидовал бы любой исследовательский институт, выполнил задание на шесть с половиной часов раньше срока.

Было уже за полночь, но Гарри Касивен знал, что по

указанному телефону дежурят круглосуточно.

Через полчаса после его звонка в лабораторию приехал некий Арнольд Силверберг. Гарри Касивен без лишних слов повел его в комнату, где на двух контрольных весах покоились два футляра.

— Видите, вес у них одинаковый,— деловито заметил Гарри Касивен, затем раскрыл лежавший справа футляр. Глазам Арнольда Силверберга предстала виолончель.

— А здесь ваш заказ! — Гарри Касивен раскрыл второй футляр, в котором лежала такая же виолончель.

— Больше всего времени ушло на подгонку веса,— объяснил Гарри Касивен.— Видите ли, тот, кто принимает багаж, может случайно оказаться музыкантом-любителем и сразу же определить, что наша виолончель намного тяжелее обычной. Эту проблему мы решили самым простым, но и дорогостоящим способом. С виду корпус инструмента ничем не отличается от дерева. В действительности — это сверхлегкий синтетический материал, закодированный нашей химической лабораторией под шифром «Икар-123 АБ».

— А теперь вслушайтесь в звук! — Гарри Касивен постукал пальцем по корпусу.— Кто скажет, что это не дерево?

— По звуку и впрямь не отличишь,— охотно согласился Арнольд Силверберг.

Чисто технические детали его мало интересовали. Его дело удостовериться, что ис-

полнение точно соответствует всем стандартам, принятым в данном отделе. Если руководитель Отдела секретных операций обнаружит хоть малейший промах, то виноват будет он, Арнольд Силверберг.

— Тут возникла дополнительная проблема с резонансом,— продолжал Гарри Касивен.— Настоящая виолончель пуста, а в этой — здоровенная железяка. Проблему мы решили при помощи специального, встроенного в корпус резонатора, который автоматически включается, как только кто-нибудь случайно дотронется до инструмента.

— Как раскрывается контейнер? — осведомился Арнольд Силверберг.

— Решение должно было быть простым и в то же время исключающим любой риск. Даже самая незаметная кнопка на музыкальном инструменте могла привести на мысль, что это не обычная виолончель. Нажатие на определенное место корпуса, за которым скрывается потайная пружина, на мой взгляд, тоже не гарантирует от непредвиденных случайностей... Вот что мы придумали!

Гарри Касивен, вынув виолончель, одной рукой обхватил гриф и сжал изо всех сил. В корпусе образовалась еле заметная трещинка. Руководитель оружейной лаборатории вставил в нее лезвие ножа и, поднатужившись, приподнял верхнюю часть инструмента.

Арнольд Силверберг увидел модифицированную вин-

товку системы «армстронг».

— Все? — спросил Арнольд Силверберг, которому пространные технические объяснения уже начали действовать на нервы.

— Как будто все... Можете забирать.

— Спасибо!

Спустя десять минут по улице, где помещалась оружейная лаборатория, проехал автофургон с эмблемой известной музыкальной фирмы. Внутри фургона сидели два охранника. Между ними лежал футляр с виолончелью.

Кобуры с крупнокалиберными пистолетами, тяжело свисавшие с поясных ремней охранников, навели бы постороннего человека на логичное объяснение столь тщательной охраны — несомненно, перевозится инструмент необычайной ценности, уникальная работа великого мастера, какого-нибудь Страдивари, Гварнери или Амати.

Фу Чин сравнительно недавно заведовал лабораторией Секретной службы, известной среди сотрудников как «Примерочная», поэтому к заказам относился уважительно. К тому же он гордился проведенной им модернизацией и не щадил усилий, стараясь произвести должное впечатление на принимавших заказ. Встреченные с восточной почтительностью, какая полагается скорее начальнику отдела, нежели рядовому техническому исполнителю, они, естественно, уходили из «примерочной» с наилучшими впечатлениями.

Арнольд Силверберг при новом руководителе впервые посещал лабораторию. Фу Чин заранее предвкушал эффект от одного своего новшества.

Проведя посетителя мимо многочисленных помещений, где лаборанты трудились над деталями очередных заказов, он широким жестом распахнул дверь. Арнольд Силверберг оказался лицом к лицу с человеком неопределенной наружности, стоящим посреди ярко освещенной комнаты.

— Боб, поприветствуй гостя! — сказал Фу Чин. Встав за спиной Силверберга, он нажал одну из бесчисленных кнопок на пульте дистанционного управления.

Человек приветственно взмахнул рукой.

— Привет! — пробормотал Арнольд Силверберг.

Человек ничего не ответил, продолжая глядеть ему прямо в глаза.

— Боб, к сожалению, не разговаривает, но зато способен производить пятьдесят шесть манипуляций, — усмехнулся Фу Чин.

— Электронный манекен? — догадался Арнольд Силверберг.

— Одно из моих новшеств, которые упрощают процесс примерки... Обратите внимание на его одежду!

Поверх брюк манекен носил пончо, ниспадавшее спереди широкими свободными складками. Сочетание светлых и темных тонов, вязка с характерными грубыми узелками сразу подсказали бы знатоку индейских одеяний, что

накидка изготовлена вручную женщиной племени аймара в одном из высокогорных селений поблизости от боливийской границы.

— Это пончо имеет одну незаметную для глаза особенность, — и Фу Чин, распрямив центральную складку, продемонстрировал разрез.

Арнольду Силвербергу трудно было согласиться с тем, что в данном случае это отклонение от традиционного покрова весьма целесообразно. Он похвалил Фу Чина.

— Благодарю! — церемонно поклонился тот. — Мой принцип — ничего лишнего, зато все необходимое. И не только для маскировки оружия, но и для маскировки стрельбы.

— Ну а как же приветственный жест вашего Боба? — усмехнулся Арнольд Силверберг. — Исходя из вашего принципа, все пятьдесят шесть движений манекена должны быть запрограммированы на наиболее экономичные и целеустремленные действия живого исполнителя. Или вы полагаете, что тот сначала вежливо поприветствует противника, а затем уже пустит ему пулю в живот?

— Я вам благодарен за замечание, — Фу Чин опять церемонно поклонился. — Оно лишний раз подтверждает мою правоту... Вам, как всем практикам, свойствен слишком прямой подход. А ведь психологическая сторона ситуации не менее важна... Представьте себе, к вам приближается какой-то субъект. Вы его не знаете в лицо, тем бо-

лее не знаете, что он собирается вас убить. Если он перед этим дружески помашет вам рукой, это вас психологически обезоружит. Вам в голову не придет быть начеку, и этим вы намного облегчите ему работу.

Арнольд Силверберг согласно кивнул. Он не любил перегружать свой мозг техническими деталями, но такой подход, когда чисто человеческий аспект преобладал над механическим, ему imponировал.

— Ну, а теперь ближе к делу... Боб, будь так любезен, покажи гостю, что ты прячешь под накидкой,— и Фу Чин опять нажал на какую-то кнопку.

Электронный манекен плавным движением правой руки перекинул пончо через левое плечо. На голой груди наискось висела модифицированная автоматическая винтовка системы «армстронг» с обрезанным стволом и вдвое укороченным прикладом, прикрепленная специальными ремнями, один из которых охватывал шею.

— Я сперва попробовал иную систему крепления, но, подсчитав, что стрелок потеряет при наводке одну-две секунды, остановился на этой... Мой всегдашний принцип — удобство плюс скорость! — не без гордости заметил Фу Чин.

Еще одно нажатие кнопки — и закинутая за левое плечо рука манекена привела накидку в прежнее положение. Широкие складки на гру-

ди и животе также приняли прежнее положение и застыли, лишь спадавшая ниже колен бахрома слегка покачивалась.

— А теперь, Боб, внимание! — Указательный палец Фу Чина приблизился к центральной кнопке. В отличие от остальных, окрашенных в черный цвет и снабженных соответствующей цифрой, эта была красной. — Раз, два, три!.. Выстрел!

Красная кнопка утонула в гнезде, правая рука манекена молниеносным движением исчезла под накидкой, из разреза пончо выглянул самый кончик ружейного дула. Все это происходило почти одновременно и заняло не более пяти секунд.

— Вы довольны? — спросил Фу Чин с напускной скромностью. После утвердительного кивка клиента он привел манекен в исходную позицию.

— Вы неплохо поработали, — вспомнил указание начальства Арнольд Силверберг. Мол, поощрять рвение руководителей лаборатории никогда не лишне. К тому же он в самом деле одобрял и принципы Фу Чина, и некоторую модернизацию той технологии, которой придерживался прежний руководитель «Примерочной».

— Сущий пустяк! — при творно отмахнулся от комплимента явно польщенный Фу Чин. — Под такой накидкой носи хоть ручной пулемет!.. А вот неделю назад мне действительно попался твердый

орешек. Надо было вмонтировать малокалиберный пистолет в бюстгальтер. Трудность заключалась в том, что «мишень» была близко знакома с носящей бюстгальтер дамой. Нельзя же было допустить, чтобы у «мишени» создалось впечатление, что эта грудь внезапно увеличилась в размере на три номера... Это было бы подозрительно, как вы полагаете?

И Фу Чин, словно рассказывая пикантный анекдот, хихикнул.

В тот же день некоему Рудольфу Шнедеру, проживавшему в городе Майами под именем Свена Даниэльсена, позвонили по телефону и сообщили, что для него опять есть подходящий товар.

Спускаясь на лифте вниз, Свен Даниэльсен вежливо раскланялся с соседом. Со своими соседями он не поддерживал близких отношений, ограничиваясь случайными встречами в лифте или на улице. Поскольку Свен Даниэльсен время от времени уезжал на несколько дней, среди обитателей дома бытовало мнение, что он служит торговым агентом.

Настоящей его профессии не знал никто (по крайней мере, в течение последних шести лет), кроме одного человека, от которого Свен Даниэльсен получал заказы. Этот человек обычно звонил Даниэльсену и произносил условленную фразу насчет приготовления товара, после чего

тот спускался к своему почтовому ящику.

В нем Даниэльсен обычно находил конторский конверт из плотной бумаги с вложенными в него паспортом (имя, фамилия и гражданство каждый раз менялись), авиабилетами (город, куда Свену Даниэльсену предстояло лететь, мог находиться в любой географической точке) и деньгами — авансом за работу. Сумма никогда не менялась — Свен Даниэльсен работал по твердо установленному тарифу.

Дальнейшее происходило по раз и навсегда принятой процедуре. Когда Свен Даниэльсен прилетал в город, обозначенный на авиабилете, его там встречал человек (каждый раз иной).

Неизменным было лишь то, что Даниэльсен никогда не был знаком с встречающим его человеком. Зато тот знал его в лицо и безошибочно называл именно ту фамилию, на которую на сей раз был выписан паспорт.

Бывало, что задание Свен Даниэльсен получал тут же. Бывало, ему лишь вручали новый авиабилет и отправляли в другой город, где в аэропорту повторялась та же процедура.

Ни во время телефонного звонка, ни после Свен не задавал лишних вопросов. Делать это Даниэльсену запрещала профессиональная этика, по которой самым большим грехом считалось проявление излишнего любопытства. Даниэльсену были известны мно-

гие случаи с коллегами по ремеслу, которым за любознательность приходилось расплачиваться жизнью. А он, оценивающий чужую жизнь ровно в ту сумму, какую за нее платили, весьма высоко ценил свою собственную.

На этот раз Свен Даниэльсен нашел в почтовом ящике кроме аванса паспорт на имя подданного Республики Панамы Хорхе Гонсалеса и авиабилет на рейс № 1256-бис компании «Панам» Майами — Богота.

Как и прежде, Свен Даниэльсен понятия не имел, от кого на сей раз исходит заказ — от частного лица, мафии или одной из многочисленных секретных служб. При особом желании он мог бы, как было условлено, позвонить по секретному телефону лицу, через которое передавался заказ. Свен Даниэльсен несколько раз встречался с ним и полагал, что тот и сейчас не откажет ему во встрече. Однако он был убежден, что звонившее ему по телефону лицо, даже при самом большом желании, не смогло бы удовлетворить его любознательность.

Свен Даниэльсен не ошибался. Звонивший ему человек был посредником. Он и сам не подозревал, что господин с явно латиноамериканской наружностью и сильным испанским акцентом, который представился членом правоэкстремистской подпольной организации перуанских офицеров, имеет отношение к Секретной службе.

Прилетев в Боготу, Свен Даниэльсен после того, как

без инцидентов прошел таможенную и паспортную проверку, направился к обычному месту встречи — стоянке такси.

Как только он вышел из здания аэровокзала, к выходу подкатил черный «крайслер». Из машины выскочил человек и, быстро сверившись со спрятанной в ладони фотокарточкой, радостно приветствовал Свена Даниэльсена:

— Сеньор Гонсалес, наконец-то! Мы вас давно ждем. Все уже приготовлено для вашего приятного пребывания в Боготе.

Местом «приятного пребывания» оказался расположенный в тридцати километрах от Боготы особняк с большим садом.

Сад был отделен от остального мира высокой каменной оградой, ворота которой тщательно охранялись.

Первым делом Свена Даниэльсена ознакомили с «виолончелью», после этого повели в сад, где была установлена мишень. Обведенное мелом место, куда поставили Даниэльсена, находилось на определенном расстоянии и под определенным углом к мишени.

Свен Даниэльсен был знатоком своего дела. Спустя полчаса он, несмотря на модификацию полуавтоматической винтовки системы «армстронг», отсутствие оптического прицела и не совсем обычный угол, стрелял так, как будто всю свою жизнь пользовался именно этим оружием. Последние десять пуль

точно попали в центральный черный кружок.

После перерыва, во время которого он успел принять ванну и плотно позавтракать, Свена Даниэльсена повели в комнату, оборудованную кинопроектором и экраном. Свен Даниэльсен без конца просматривал фильм, смонтированный из отдельных кадров.

На кадрах были запечатлены то улица, то кафе под открытым небом, то закрытое помещение, в котором проходило какое-то собрание. Менялись попавшие в кадр люди, однако во всех присутствовал один и тот же человек с волевым лицом и умными пристальными глазами, внимательно глядевшими сквозь стекла пенсне.

— Этот? — почти сразу же догадался Свен Даниэльсен.

Инструктор кивнул.

— Жалко, — пробормотал Свен Даниэльсен.

— Чего жалко? — не понял инструктор.

— Симпатичный человек... Знаете, моя профессия тем и хороша, что «мишень» всегда намечают другие, а не я сам... И все-таки как-то легче работается, когда тот, кого убиваешь, тебе неприятен. Не думайте, это не сентиментальность. Просто профессиональная привычка использовать для работы свое внутреннее состояние. Если эмоции — в данном случае отрицательные — не нравятся мне этот тип! — помогают делу, я даю им волю. В противном случае — подавляю. Вот и все!

В заключение Свену Даниэльсену показали совсем короткий фильм. Среди многих сотен людей, сидевших на скамейках трибуны, он сразу должен был найти нужного. Свен Даниэльсен блистательно выдержал и этот экзамен.

Затем его повели в ванную.

— Вам придется работать под индейца, — объяснил инструктор, — Вот это средство превратит вас в жгучего брюнета, а это придаст вашей коже красноватый оттенок.

— Средство надежное? — на всякий случай осведомился Свен Даниэльсен. — Это на тот случай, если перед работой мне придется принять душ. У одного моего коллеги в связи с этим были большие неприятности.

— Знаю, — кивнул головой инструктор. — Пока он был в душе, официант принес заказанный в номер отеля обед. Агент, набросив халат, не сделал того, что обязан был сделать — проверить в зеркале, как держится краска. Могу себе представить удивление официанта, когда из ванны вместо брюнета вышел блондин... С вами это, к счастью, не случится. Оба средства сверхнадежные. Чтобы смыть краску, необходим специальный раствор, который будет вам вручен своевременно.

Еще час ушел на переодевание Свена Даниэльсена в одеяние, соответствующее его новому, индейскому облику, и на заключительную тренировку. Надев на шею «хомут», на котором на ремнях висела

модифицированная полуавтоматическая винтовка системы «армстронг», Свен Даниэльсен так долго отрабатывал одни и те же движения, пока не достиг автоматизма.

Инструктор с зажатым в пальцах секундомером замерял время. Наконец он удовлетворенно вздохнул:

— Меньше десяти секунд. Совсем неплохо. А теперь повторим то же самое, но уже в саду. Вот патроны.

На этот раз из десяти пуль лишь семь попали в самый центр черного кружка, три остальные пробили мишень на самой границе черного и белого. Свен Даниэльсен был не слишком доволен собой, но инструктор признал результат вполне удовлетворительным.

Оружие у Даниэльсена забрали, спрятали в «виолончель», инструмент вложили в футляр.

— Доставка не ваше дело. Мы не хотим подвергать вас лишнему риску, — сказал инструктор. — Винтовку получите уже заряженной, перед тем, как отправиться на работу.

— Работать придется здесь же, в Боготе? — осведомился Свен Даниэльсен, зная, что такие вопросы не возбраняются.

— Нет. Я вас сейчас доставлю в аэропорт. По прибытии в пункт назначения вас встретит человек, который проведет дальнейший инструктаж. После завершения работы вы снова встретитесь с ним в условленном месте. Он отвезет вас на аэродром.

Там уже будет ожидать частный самолет «Де Хавилленд» с пилотом, которому мы полностью доверяем. Он доставит вас в Гуаякиль.

— Почему частный?

— Возможно, в результате проделанной вами работы начнутся уличные беспорядки. Не исключено, что в таком случае пассажиры авиалиний должны будут пройти строгую проверку. Как я уже сказал, мы не хотим подвергать вас риску.

Ни инструктор Свена Даниэльсена, ни он сам, ни посредник, от которого он получил заказ, ни Фу Чин, ни Гарри Касивен, ни Арнольд Силверберг, ни все остальные, через кого проходила «виолончель» с ее смертоносным содержанием, ни зная, по чьей воле они действуют.

Боготский инструктор, правда, знал, кто будет жертвой Свена Даниэльсена, хотя и заблуждался, считая инициатором заговора группу правозащитников-монтевидео-офицеров. Знал также, почему Свену Даниэльсену подручнее действовать под видом индейца.

Но и он не знал, что средства для окраски волос и кожи настолько надежны, что их невозможно смыть. Не знал, что Свену Даниэльсену пришлось бы жить со жгуче-черными волосами и кожей цвета меди, если его весьма близкая смерть не была бы заранее запланирована.

И никто не знал, почему из всевозможных видов ору-

жия была выбрана модификация полуавтоматической винтовки системы «армстронг» модели 1959 года.

Не знал, что до недавнего времени эти винтовки поставлялись Соединенными Штатами одной африканской стране, где в прошлом году произошел переворот, после которого новое правительство отказалось от американской военной помощи, в частности от устаревших винтовок.

Не знал, что бразильскому филиалу оружейной фирмы удалось сбить оставшийся запас в Монтаду, где винтовки поступили на вооружение полиции.

Единственным человеком, который все это знал, был сам автор сложнейшей комбинации, которая, начавшись в Мехико, должна была закончиться во вторник в древней столице конкистадоров.

В дверь номера, где проживал Мигел Даймонт, постучали. Узнав по характерному стуку Беату, он впустил ее. Приняв из ее рук запечатанный сургучом конверт, Даймонт предложил:

— Чашечку кофе, Беата? Может быть, желаете закусь?

— Спасибо, я уже позавтракала.

— Не забудьте закупить сувениров,— напомнил Мигел Даймонт.— Обычно человек спохватывается перед самым отъездом и тогда как угорелый принимается бегать по магазинам.

— Мне это не грозит,— улыбнулась Беата Андерсон.

— Наверное, радуетесь, что сможете наконец выбраться из этой духовки,— продолжал Даймонт.— Еще несколько дней, и можно будет уехать домой. Как там дела с нашим контрактом?

— Все приготовлено,— деловым тоном откликнулась Беата.— Юрисконсульт фирмы, с которой мы подписываем соглашение, обещал уладить все формальности в кратчайший срок.

Речь шла о контракте, предоставлявшем одному торговому дому исключительное право продавать в Монтаде, Эквадоре и Колумбии оптические изделия швейцарского предприятия, интересы которого представляет Лотар Гешоник.

Мигел Даймонт никогда не действовал без надежной ширмы, такой, которая бы могла выдержать самую скрупулезную проверку.

И ему, и Беате был ясен истинный смысл короткого обмена репликами: «Операция почти закончена, можно готовиться к отъезду».

После того как Беата удалась, Мигель Даймонт вскрыл конверт и вынул из него дюжину фотографий. На них был изображен Свен Даниэльсен, по цвету кожи и одеянию ничем не отличимый от индейца.

Мигель Даймонт минут десять внимательно изучал фотографии, запоминая невыразительные черты лица. Уверенный, что теперь сумеет

разглядеть Даниэльсена среди сотен тысяч зрителей, Даймонт сжег фотографии в большой пепельнице. Собственно говоря, пепел следовало бросить в унитаз и спустить воду, но Мигел Даймонт не смог удержаться от чисто мальчишеского жеста.

Выйдя на балкон, он подкинул в руке пепельницу, дувший с моря слабый бриз подхватил пепел и унес с собой. Было что-то символическое в том, что почти невидимый глаз пепел планирует сейчас над древним городом, которому через несколько дней предстоит быть свидетелем тщательно продуманной операции. Даниэльсен являл собой как бы точку над *i*, которой заканчивалась подготовительная фаза. Теперь можно было приступить к проведению самой операции.

Последующие события развивались точно и целенаправленно. Они нанизывались друг на друга, следуя железному закону взаимосвязи.

Живший ожиданием предстоящего футбольного матча город внезапно забурлил. В кафе под открытым небом, на рынках, даже в церквах во время торжественного богослужения люди говорили только об одном. Подобно бегущей по бикфордову шнуру искре, из улицы в улицу перекатывался злобный шепот: «Судья подкуплен!».

Сначала это были туманные слухи, вроде: «Я слышал, будто...» Постепенно сгущаясь,

они обрастали мнимой конкретностью, превращаясь в более уверенное «Знаете ли вы, что...» И уже по городу кочевала поддержанная тысячеголосой молвой «точная информация».

Скажем, у памятника генералу Боливару встречаются двое любителей футбола. Сразу же их окружает толпа, и через десять минут уже всей округе известно, что было сказано у памятника:

— Только что я встретил дона Эстебана. Он полчаса назад разговаривал с доном Микеле, тем самым, жена которого приходится родней одному из членов спортивного комитета... Так вот, дон Микеле утверждает, что прохода мексиканец получил от проклятых эквадорцев чуть ли не миллион!

В результате этого возбуждения, охватившего весь город, эквадорское посольство превратилось в осажденную крепость. К счастью, осада пока что велась при помощи телефонных звонков. Разговоры отличались лишь количеством брани, которой жители столицы подкрепляли свою угрозу. Сами угрозы сводились к одному:

— Всему городу известно про нечистую игру, с помощью которой эквадорская команда надеется добиться победы. Пусть посол предупредит эквадорских игроков, что в таком случае им следует заранее заказать себе гробы.

Полномочный посол Эквадора сеньор Кантрела Отейро Анастисиас Пинтас, который

более десяти лет провел на своем посту и привык смотреть на монтадских болельщиков как на полупомешанных, но довольно безобидных фанатиков, сначала не придавал угрозам должного значения.

Но за два дня до матча атташе по военно-морским делам, ведавший агентурной сетью, сообщил, что осведомитель по кличке Фигаро настойчиво добивается встречи, причем лично с послом.

Несмотря на то что такая личная встреча противоречила правилам конспирации, посол в виде исключения согласился. Он надеялся, что агент располагает важными сведениями о новой концентрации монтадских войск в пограничном районе Мадредель-Дьос. Однако Фигаро пришел по совершенно иному поводу. Он умолял посла принять самые энергичные меры по охране эквадорских футболистов во время предстоящего матча. Основываясь на полученной им абсолютно достоверной информации, Фигаро утверждал, что в случае победы эквадорцев или ничьей болельщики тут же на месте разорвут на куски не только судей и игроков, но и всех присутствующих на стадионе эквадорцев.

В тот же вечер посол потребовал срочной аудиенции у министра внутренних дел. Когда он уходил, в приемной уже дожидался вызванный министром начальник полиции.

— Прошу вас,— пригласил министр начальника полиции в

свой кабинет, затем приказал секретарше:

— Если мне будут звонить, скажите, что я занят. И ничего не пускайте!

— Что же нам делать? — спросил министр, разглядывая своего собеседника.

«Счастличик,— подумал он.— Если Карол Альварес придет к власти, мне придется покинуть это кресло и опять заняться адвокатской практикой. А он, возможно, останется. Хотя едва ли».

С одной стороны, полковник Исидоро Варас был кадровым военным и до назначения начальником столичной полиции командовал специальным батальоном президентской охраны. С другой стороны, Вараса не раз упрекали, что он недостаточно ревностно борется с левыми силами.

И все же вряд ли Карол Альварес захочет оставить на таком важном посту военного. Скорее всего, начальником полиции станет кто-нибудь из его партийных соратников. Например, Адриано Гусман, по слухам, в годы эмиграции учившийся за границей не то в военной академии, не то на специальных курсах.

«А может быть, это и к лучшему,— подумал министр, почувствовав некоторое облегчение.— Рассказывают, Исидоро Варас чуть ли не ночует в префектуре. Его усердие и напористость известны всем. (Кто-то уже шепнул министру, что тот подкапывается под него.) Все же приятнее уви-

деть в этом кресле постороннего, вроде Гусмана, чем своего бывшего подчиненного».

Начальник полиции молчал, так что министру пришлось повторить свой вопрос:

— Что же нам делать?

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— Не притворяйтесь, дон Исидоро! Я думаю, что вы прекрасно знаете, зачем послан приходил ко мне.

— Пожалуй,— усмехнулся начальник полиции.— У меня в посольстве есть свой человек...

— Что же вы советуете?

— Разумнее всего было бы отменить матч.

— Вы сами знаете, что это невозможно. После всего, что произошло... Вспомните, когда эквадорское правительство объявило, что в связи с конфликтом их команде запрещено принять участие во встрече, у нас в стране это сочли куда более оскорбительным, чем претензии на пограничный район. Вспомните, с каким трудом удалось возобновить добрососедские отношения! Если сейчас отмену матча потребуем мы, то, в свою очередь, эквадорцы...

— Но у нас совсем иная мотивировка,— неуверенно возразил начальник полиции.

— Какая?

— Забота о безопасности их игроков.

— Тем хуже. Мы в таком случае как бы признаемся, что не в силах защитить их от разъяренной толпы. Эквадорскому правительству весьма на руку приписать эту враж-

дебность антиэквадорским настроениям. Скажут, что мы их нарочно раздуваем, дабы иметь повод для нового конфликта.

— Вы, к сожалению, правы... Что же еще можно предпринять? — развел руками начальник полиции.— В последнюю минуту назначить другого судью?

— Вместо Фернандо Эреры?.. Между прочим, лично вы верите, что он подкуплен?

— Черт его знает! Все в один голос говорят, что — да. В том числе и моя жена. Впрочем, я многократно убеждался, что она верит всякой чепухе. Например, будто я иногда ночью в префектуре вовсе не из-за служебного рвения, а из-за того, что в моем кабинете стоит широкий диван,— подмигнул начальник полиции.— В общем, надеюсь, что и в отношении Фернандо Эреры моя супруга ошибается, как и все мы.

— Дай бог! — вздохнул министр. Как большинство жителей столицы, он тоже был страстным болельщиком национальной команды.— Честно говоря, не хотелось бы мне, чтобы наши проиграли. После недавнего конфликта это было бы равнозначно пощечине. Уж лучше отдать им спорный пограничный район, чем победу в этом матче,— рассмеялся он.

Затем добавил:

— В устах ответственного правительственного лица такое заявление звучит крайне легкомысленно. Так что считайте, что я ничего не говорил.

— Отчего же? — сочувственно улыбнулся начальник полиции. — Мне тоже не хочется видеть, как забивают голы в наши ворота.

— Значит, по этому пункту у нас нет разногласий. Что же касается вашего предложения, то оно, к сожалению, невыполнимо. Замена одного арбитра другим — чрезвычайно сложная процедура. Для этого у нас не хватит времени. Будь даже в нашем распоряжении лишний месяц, это вызвало бы невероятный скандал, к тому же ничего бы не изменило.

— Что вы имеете в виду? — заерзал в кресле начальник полиции.

— Слухи о подкупе просто-напросто переадресуют новому судье. Это в том случае, если на место Эреры назначат француза, за которого ратовали эквадорцы. А если матч будет вести тот англичанин, за которого так упорно боролись наши, то, в свою очередь, на стенку полезут эквадорцы.

— Вот вам и ответ на ваш вопрос «что же делать?». Поскольку ничего другого не придумать, придется просто усилить охрану.

Министр кивнул, затем спросил:

— Сколько полицейских вы выделили в тот раз, когда «Ла Монтанья» сражалась с «Санта Роса»?

— Сто двадцать, — без запинки ответил начальник полиции, обладавший исключительной памятью на цифры.

— На этот раз снарядите

человек триста... Пожалуй, мало... Давайте для верности пятьсот... Уличные демонстрации в такой день не предвидятся. Все будут сидеть на трибунах или у телевизоров. Что касается карманников, то они тоже подадутся на стадион... Можете себе представить: в прошлый раз, когда игроки «Ла Монтаньи» так удачно обеспечили себе выход в финал, у меня стащили портсигар.

— Золотой? — осведомился начальник полиции.

— Куда уж мне, простому государственному служащему! Серебряный — подарок коллег по адвокатуре. Но не в этом дело...

— А в чем же? — улыбнулся начальник полиции.

— Не притворяйтесь, дон Исидоро. Естественно, в том, что обокрали не кого-нибудь, а самого министра внутренних дел. Так и хочется процитировать фразу, вычитанную совсем недавно в одном юмористическом рассказе: «Куда смотрит наша полиция?».

— А вы куда смотрели, господин министр? — с улыбкой парировал начальник полиции. — Следи вы за вашим карманом вместо того, чтобы следить за мячом, портсигар по-прежнему был бы при вас. Полиция не виновата, что наши болельщики так увлекаются игрой. Помните тот случай? Директор аграрного банка так расчувствовался после забитого его любимой командой решающего гола, что схватил в объятия и расцеловал си-

девушку рядом с ним совершенно незнакомую даму. Как потом выяснилось, это была жена командира столичного военного округа. И сам генерал, и жена директора банка, к несчастью, следили за матчем по телевизору.

— Знаю, знаю,— залился смехом министр.— оба они, естественно решили, что... Забавнее всего, что мне пришлось принять в этой мнимой трагедии непосредственное участие.

— Вам?

— Ну да. Генерал поручил нашей адвокатской фирме дело о разводе... Представьте себе, жена при нас клялась непорочным зачатием святой девы Марии, что впервые в жизни увидела директора банка во время матча. А генерал орал: «Клянись не клянись, а я собственными глазами видел, как вы целовались! Причем публично!».

Министр вытер носовым платком глаза, в которых от смеха проступили слезы:

— Хватит юмора! Займемся делом! Как вы думаете обеспечить порядок?

— Без слезоточивого газа не обойтись.

— Естественно. Раздайте каждому по десять гранат.

Начальник полиции было привстал, но затем снова сел.

— Боюсь, что этим ограничиться мы не сумеем. Помните прошлогодний матч с бразильцами?

— К сожалению, мне пришлось его пропустить,— огорченно вздохнул министр.— Я в тот день нахо-

дился в Каракасе на межамериканском совещании по обеспечению внутреннего порядка. А что?

— Когда Жуарио забил гол с подачи Хофмейстера, он находился в офсайде,— напомнил начальник полиции.

— Это действительно было так? — засомневался министр.

— Я сам видел. Рефери отказался засчитать гол. И это несмотря на протесты бокового судьи, уверявшего, что Жуарио не находился впереди защитника.

— А вы не допускаете, коллега, что боковой судья был прав? — В интонации министра явно слышалась надежда получить подтверждение.

— Увы, он всего-навсего боялся за свою шкуру. И в этом отношении действительно оказался прав. Можете себе представить, как реагировала публика! Мои ребята пустили в ход слезоточивый газ, но это мало помогло. Главному судье порядочно намяли бока. После выхода из больницы он заявил в одном из интервью, что дикари по сравнению с нашими болельщиками — джентльмены.

— Возможно, он не так далек от истины. Какие же чрезвычайные меры вы советуете принять? Нельзя ни на минуту забывать, что это не просто футбольный матч, а состязание, где серьезные беспорядки чередуются с политическим конфликтом.

— Если вы не возражаете, господин министр, я бы в этот день раздал своим ребятам винтовки.

— Винтовки? Что ж, это идея. Но уверены ли вы, что один вид огнестрельного оружия способен остановить разъяренную толпу? В какой-то статье о современном театре мне понравилась весьма мудрая фраза. Если не ошибаюсь, она упоминалась в связи с пьесой одного русского автора...

— Если действительно мудрая, то не откажитесь поделиться со мной. Мне как начальнику полиции, которому к тому же предстоит нелегкая задача, любая мудрость пойдет на пользу,— усмехнулся начальник полиции.

— Пожалуйста... Если в пьесе появляется ружье, то оно обязательно должно выстрелить. За точность фразы не ручаюсь, но смысл ее именно таков.

Начальник полиции испуганно вскочил с кресла:

— Вы хотите, чтобы мои ребята стреляли? Боевыми патронами?

Министр внутренних дел замахал руками:

— Как вы могли такое подумать? Я, правда, не такой либерал, как вы...

Министр многозначительно подмигнул: как-никак, кольнуть возможного претендента на министерское кресло было приятно.

— Но разве я похож на человека, способного стрелять в своих соотечественников из-за какого-то спорного гола? — продолжал министр. — Между прочим, лишь сейчас я вспомнил... Когда я вернулся из Каракаса, один внушающий

доверие знакомый уверил меня, что защитник бразильцев находился впереди Жуарио, так что о положении вне игры не могло быть и речи.

— Нет, позади! — запротестовал начальник полиции. — На целых пять сантиметров! Я сам видел!

— А где вы сидели?

— На левой трибуне, в самом центре.

— В правительственной ложе? — догадался министр внутренних дел.

— Да. Поскольку вы отсутствовали, я осмелился занять ваше место... Знай я, что это вызовет ваше недовольство...

«Болван!» — едва не крикнул министр. Вовремя спохватившись, он удержался от обидных эпитетов, но скрывать свое раздражение не стал:

— Разве в этом дело? Сидите на моем месте сколько душе угодно! По крайней мере на стадионе! Но увидеть из правительственной ложи, находился ли бразильский защитник впереди или позади, физически невозможно! Я сам в ней сидел не раз и утверждаю...

Вошла секретарша:

— Господин министр, вас просят к телефону!

Министр яростно стукнул кулаком по письменному столу.

Он сейчас был более чем уверен, что мастерский удар Жуарио с подачи Хофмейстера сделан не из положения вне игры и что начальник полиции утверждает обратное

лишь из желания досадить ему.

— Какого черта! — крикнул он. — Вы что, забыли сегодня помыть уши? Разве вы не слышали? Я категорически запретил соединять меня с кем бы то ни было.

Секретарша залилась густым румянцем:

— Извините, господин министр, но сам президент...

— Это меняет дело! Соединяйте! — и он кинулся к телефонной трубке.

— Да, ваше превосходительство, я слушаю... Вам звонил эквадорский посол?.. Да, да, он только что был у меня... Можете заверить, что его опасения совершенно беспочвенны. Никаких беспорядков не будет... Мною предприняты чрезвычайные меры!.. Пятьсот полицейских! Они будут снабжены гранатами со слезоточивым газом и винтовками... Нет, что вы! Никаких боевых патронов! Исключительно холостые. Шуму столько же, эффект такой же. Тем более что зрители не будут знать, какими патронами стреляют. Самые горячие головы протрезвеют после такого залпа... Жертвы? Что вы, господин президент! Я гарантирую полную безопасность и судьям, и эквадорским игрокам... Жертвы среди зрителей? Это совершенно исключено!.. Даю вам честное слово, никто не пострадает!

Министр внутренних дел с чистой совестью давал президенту такие гарантии. Он не знал, что предстоящим матчем, кроме миллионов бо-

лельщиков, заинтересован еще один человек, обычно абсолютно равнодушный к футболу.

Не знал, что агент Мигела Даймонта встретится с полицейским чином, которому в день матча будет поручена раздача огнестрельного оружия.

Не знал, что тот не устоит перед соблазном заработать за один раз сумму, равную месячному окладу всей столичной полиции.

Не знал, что в результате этого из пятисот винтовок, розданных выделенным для охраны стадиона полицейским, лишь четыреста девятью будут, как и положено, снабжены холостыми патронами.

В десяти остальных будут находиться боевые.

7

В столичном аэропорту царило сумасшедшее оживление.

Один за другим приземлялись специально зафрахтованные самолеты, на которых со всех концов страны прибывали болельщики, располагающие достаточными средствами. Весело переговариваясь, размахивая национальными флажками, они сходили по трапам.

Громкие голоса, походка, мимика — все выражало превосходство над менее имущими пасынками судьбы, которым придется следить за матчем по телевизору. У некоторых на пиджаках красо-

вались эмблемы с физиономиями самых популярных игроков, другие нацепили на шляпы широкие ленты с надписью «Наши победят!».

Мигел Даймонт с интересом разглядывал этих людей — ведь им предстояло быть участниками представления, подпольным режиссером которого являлся он. Вкупе со многими тысячами, которым посчастливилось достать билеты на матч, эти люди как бы олицетворяли собой часовой механизм бомбы — тесно сжатую пружину, готовую распрямиться в нужный момент.

Даже не верилось, что эта веселая, радостно возбужденная толпа способна на насильственные действия. Но Мигел Даймонт, привыкший отыскивать под цивилизованной оболочкой любого дикарские инстинкты, не сомневался, что в минуту эмоционального взрыва они превратятся в стадо разъяренных слонов, сокрушающих на своем пути все преграды.

Приди кому-нибудь в голову мысль поинтересоваться, почему Мигел Даймонт в этот ранний утренний час находится в аэропорту, его любопытство было бы удовлетворено самым естественным образом. Швейцарский предприниматель Лотар Гешоник провожал свою секретаршу, отбывавшую на родину чуть раньше его самого. Авиалайнер компании «Алитал», на котором она летела, направлялся в Цюрих с промежуточными посадками в Сан-Паулу и Лиссабоне.

Билет был куплен до Цюриха. В действительности Беата Андерсон сойдет в Сан-Паулу и отправится вовсе не в Швейцарию.

Мигел Даймонт использовал проводы Беаты для своих целей. Отлет ее лайнера совпадал с приземлением самолета, на котором прибывал Даниэльсен.

Затерянный в сутолоке болельщиков, ожидавших своего рейса пассажиров и провожающих, Мигел Даймонт наблюдал за тем, как Даниэльсен с дорожной сумкой в руке неторопливо пересекал зал ожидания.

Мигел Даймонт остался доволен: сразу видно — этот не подведет. Даже в походке Даниэльсена ощущалась предельная собранность, присущая опытному, хладнокровному профессионалу.

Даниэльсен направился к стоянке такси, поставил сумку наземь, закурил сигарету и спокойно стал ждать. Одетый в летний полотняный костюм, соответствующий местному климату, с панамой на голове, он ничем не выделялся среди остальных путешественников. Широкополое сомбреро и пестрое пончо с характерными для племени аймара узором дожидались своего часа в недрах сумки.

Спустя минуту к Свену Даниэльсену подошел «контролер» — прикрепленный к Даниэльсену агент, безошибочно узнавший того по фотографии. Обменявшись несколькими словами, они двинулись к ожидавшей их машине.

В обязанности «контролера» входило проводить Даниэльсена на специально снятую квартиру, а затем в два часа подвезти его к редакции газеты «Венсеремос». В половине третьего обычно заканчивалось редакционное совещание, на котором Карол Альварес неизменно присутствовал.

Мигелу Даймонту было известно, что Даниэльсен просмотрел несколько кинороликов, на которых запечатлен Альварес. Однако возможность увидеть его лично в момент, когда тот выходит из редакции, служила дополнительной страховкой, стопроцентно исключающей ошибку. Таков был стиль работы Мигела Даймонта — не упускать ни малейшего пустяка, помогающего с предельной четкостью фиксировать «мишень».

«Контролер» и его подопечный пообедают дома. Даниэльсену совершенно незачем лишний раз показываться на улице. В шесть часов Даниэльсен переоденется, заменив полотняный костюм и панаму на пеструю накидку и сомбреро. В половине седьмого «контролер» подвезет Даниэльсена к стадиону.

После матча Даниэльсен направится в условленное место, где в переулке за собором Сердца Христова его будет дожидаться «контролер». Он отвезет Свена Даниэльсена и посадит в самолет «Де Хавилленд», который, приняв пассажира, тотчас вылетит в Гуаякиль. Пилот будет одет в форму монтадских военно-воздушных сил. Это на тот край-

ний случай, если посредник сделки кому-нибудь проболтается. Монтадская военная форма укрепит полицию в мнении, что покушение организовано правозэкстремистской группой офицеров.

Ни Свен Даниэльсен, ни «контролер», ни тем более пилот не должны были подозревать, что самолету не суждено добраться до пункта назначения.

Покинув здание аэропорта, Мигел Даймонт подождал, пока болельщики разъедутся. Но он ничуть не досадовал, поскольку торопиться было некуда.

Дело сделано. Сделано образцово. Еще накануне он внес последний штрих в тщательно продуманную маскировку. В присутствии юристов он заключил контракт с местной фирмой, предоставлявший ему монопольные права на продажу в Монтаде, Боливии и Эквадоре фотолинз, изготовленных на швейцарском заводе «Свисоптик».

Мигел Даймонт частенько сожалел, что его специальность не позволяла писать мемуары. Он тешил себя надеждой, что спустя много лет какой-нибудь ученый, посвятивший свою деятельность истории секретных подрывных операций, узнает о существовании Мигела Даймонта. В таком случае не исключено, что операция, которая закончится сегодня вечером, войдет в анналы под знаменательным названием «Классический метод Даймонта».

Мигел Даймонт был свободен. Авиабилет уже лежал в бумажнике, упакованные чемоданы ожидали отправки. В этот последний день своего пребывания в Монтаде он решил наконец позволить себе совершить давно намеченную экскурсию. Машина карабкалась все выше по крутой каменной широкой тропе, которая внезапно обрывалась, уткнувшись в скалу.

Мигел Даймонт вышел из машины. Примерившись к возвышающейся над ним скалистой стене, решил, что справится с подъемом. Обычно он не любил расходовать энергию на физические усилия, приберегая ее для умственной деятельности.

Пренебрежение спортивными упражнениями никак не отражалось на фигуре Даймонта. Что только ни делали его коллеги, чтобы сбавить вес! Бежали, плавали, часами истово крутили педали укрепленного на станке велотренажера. И все же от брюшка — неизменного спутника кабинетной деятельности — никак не могли избавиться.

С завистью поглядывая на худощавую фигуру Мигела Даймонта, они допытывались, не тренируется ли он по системе йогов.

Мигел Даймонт отмалчивался. Не мог же он раскрыть им свой секрет, который в действительности не был никаким секретом. При предельно интенсивной нагрузке мозга человек расходует столько же

калорий, сколько при физической работе.

Прежде чем подняться на вершину скалы, Мигел Даймонт невольно засучил рукава. «Словно перед схваткой с противником!» — усмехнулся он. Но крутая скала, на которую предстояло забраться, вовсе не противник. Это скорее награда, желанная минута, когда боксер снимает перчатки, чтобы мокрым полотенцем освежить разгоряченное лицо.

Цепляясь за росший кое-где кустарник, нащупывая носками туфель трещины, которые могли послужить опорой, Мигел Даймонт поднимался все выше и выше. И вот он стоит на вершине, на голом пятаке. Насколько ему известно — на единственном месте, откуда проглядывается малая часть огромного ребуса, ради которого он проделал такой далекий путь.

В это место на берегу Тихого океана, где годами не выпадали осадки, где ничто не нарушало вековой покой камней и песка, редко забредали люди. Как ни странно, в течение долгих столетий никто не замечал, что чередование нагромождений камней и песочных проплешин образует определенный рисунок. Лишь сравнительно недавно ученые пришли к заключению, что здесь веками таилась одна из величайших загадок мира.

Когда-то, возможно тысячелетие до того, как каравеллы Колумба причалили к американским берегам, задолго до зарождения империи инков, таинственный народ соз-

давал этот гигантский «рисунок». Множество рук в течение долгих лет трудились, освобождая пространство от камней, которые по одному переносились и складывались в кучи.

Чередование каменистых гряд и голых песчаных участков не было произвольным. Когда ученые поднялись на самолете, чтобы с высоты птичьего полета обозреть результат этой гигантской работы, их взору открылась фантастическая картина: раскинутые на огромном пространстве правильные геометрические фигуры — исполинские ромбы, квадраты, конусы. И столь же исполинские изображения животных и птиц. Грандиозность этих творений человеческих рук просто уму непостижима. Удалось измерить клюв одной птицы — он тянется на целых два километра!

Предназначение «рисунка» не поддавалось истолкованию. Поблизости не было ни одной горы, с которой человеческий глаз мог бы полностью охватить весь сложный, занимавший огромную территорию узор. Для чего же он был создан? Для богов? Выдвигалась даже гипотеза, будто это посадочные ориентиры для космических кораблей пришельцев с иных планет. А может быть, это не просто сумма геометрических рисунков и изображений, а пока не расшифрованное послание вымершего народа далеким потомкам?

Разгадка тайны не слишком волновала Мигела Даймонта. Его привлекало нечто другое.

Каждому обладающему воображением человеку свойственно искать параллели.

Биолог, изучающий под микроскопом каплю воды со скопищем пожирающих друг друга микроорганизмов, невольно в этой капле видит некий прообраз человеческого общества. Специалист, работающий над системой акустических замков, где ключ заменен человеческим голосом, вспоминает, должно быть, пещеру Али-Бабы, открывавшуюся, когда произносились магические слова «Сезам, откройся!».

В тот день, когда Мигел Даймонт впервые прочел про загадочный «рисунок», он понял, что в нем есть что-то схожее с его деятельностью. Тысячи людей пройдут мимо его огромного кропотливого труда, словно слепые. Кто-то, способный взобраться чуть выше, может быть, и увидит отдельный ромб или квадрат, но так и не поймет их взаимосвязи. Только с предельной высоты можно целиком охватить взглядом весь сложный узор, который все же не поддается точному истолкованию.

Взять хотя бы операцию, которая закончится сегодня вечером. Это сотни, тысячи сложенных в особом порядке «камней». Назначение каждого в отдельности доступно пониманию. Но, расставленные по «Классическому методу Даймонта», они в целом образуют сочетание, смысл которого понятен одному их творцу.

Первоначально Мигел Даймонт был убежден, что пред-

принял рискованное восхождение на скалу для того, чтобы увидеть часть загадочного «рисунка». Сейчас он осознал, что руководило им и желание чисто физически ощутить высоту.

Отсюда, с горного пика, стоявший на каменном карнизе автомобиль казался игрушечным. А еще ниже простиралась безжизненная пустыня с мерцающим на горизонте далеким океаном. На многие-много мили он был единственным живым существом, единственным неограниченным владыкой этого безмерного пустого пространства.

И только повернувшись, чтобы начать спуск, Мигел Даймонт увидел, что ошибается. На самом гребне скалы, от которого его отделяло еще футов двадцать, высилась черная фигура.

Кондор, одна из самых больших птиц в мире, стоял там со сложенными крыльями. Стоял настолько неподвижно, что его можно было принять за продолжение утеса.

На человека он не обращал никакого внимания. Зоркий взгляд его пронзительно-желтых глаз был устремлен куда-то вдаль. Внезапно он почти бесшумно взмыл в небо. Спустя минуту Даймонт увидел его далеко-далеко над ущельем. В когтях птица несла добычу, которую долго высматривала.

Мигел Даймонт помахал ему рукой и начал утомительный спуск к стоящей внизу машине.

Боги, взиравшие когда-то из поднебесья на каменное послание канувшего в Лету загадочного народа, умерли вместе с ним. Будь они живы, им, незримо парящим над древним городом конкистадоров, овальный стадион «Ла Монтанья» казался бы местом непонятого сражения. Не имеющие никакого представления о футболе, они сочли бы мечущихся по полю игроков объятами страхом вождя племени, не знающими, куда спрятаться от взбунтовавшей толпы.

Назначение огнестрельного оружия и гранат со слезоточивым газом тоже было им неизвестно, однако люди в блестящих касках с пластмассовыми щитами, несомненно, являлись воинами, пытающимися защитить своих обезумевших господ от мятежников.

Осаждающих, дико орущих, машущих руками, бьющих в барабаны, вращающих трещотки, чей пронзительный шум должен был нагнать страх на врага, было несметное количество. Во всяком случае, их было куда больше, чем жителей древнего царства, которые когда-то общались со своими богами при помощи выложенных из камней таинственных писем. Самым странным было нечто, похожее на храмовую пирамиду — она находилась не в центре, а располагалась по краям. Осаждающие взобрались на ее ступени, громоздясь до поднебесья — очевидно, с большей высоты было

сподручнее кидать во врага странные снаряды.

Вот перебегающие по полю вожди племени сшиблись, какой-то округлый предмет выскользнул у них из-под ног и влетел под деревянную планку. В этот момент яростные вопли мятежников превратились в оглушительный рев, сотни рук взметнулись, на «вождей племени» яростно полетели плоские метательные снаряды.

Фернандо Эрера остановил игру. Это было совершенно необходимо — все поле покрывали брошенные зрителями разноцветные картонные кружки. Таким образом монтадцы выражали переполнившее их чувство восторга, вызванное забитым соотечественником голом.

Бурный восторг сменился столь же бурным негодованием. Публика сочла, что судья приостановил игру нарочно, чтобы сбить монтадскую сборную с темпа. На поле полетели первые бутылки. В основном пустые, но кто-то не пожалел даже пол-литра виноградной водки.

Полицейским с трудом удалось восстановить порядок. В большинстве они находились на периферии поля, отделенного от трибун стальными решетками выше человеческого роста. Решетки образовали как бы второй заслон. Около сотни полицейских были размещены в проходах, где их теснили зрители, которым не посчастливилось достать сидячие места.

Сплошной кордон окружал

сравнительно немногочисленную группу эквадорских туристов. Те жались друг к другу, понимая, что находятся на вражеской территории. Флажки с национальными цветами Эквадора издали казались крошечным островком, со всех сторон омываемым бурлящим океаном монтадских национальных цветов.

Время от времени посол Эквадора, которому было предоставлено почетное место в правительственной ложе, поворачивался спиной к полю, чтобы посмотреть, не нуждаются ли его земляки в дополнительной полицейской охране.

Матч продолжался.

Мигел Даймонт не слишком интересовался самой игрой. Все его внимание было обращено на три ключевые фигуры той игры, которую вел он сам, — на Карола Альвареса, Свена Даниэльсена и Фернандо Эрера.

Зная заранее, где будет сидеть Альварес, — на своем обычном месте на северной трибуне, которую от правительственной ложи отделяли шесть рядов, — Мигел Даймонт через подставное лицо приобрел соответствующий билет для Даниэльсена за неделю до матча. Место, которое он выбрал для себя, находилось в верхнем ряду, в самом центре южной трибуны и представляло собой отличный наблюдательный пост.

Свен Даниэльсен сидел на западной трибуне, чуть наискосок от Альвареса. В своем пончо и сомбреро он выглядел заправским болельщиком,

выделяясь лишь тем, что, в отличие от остальных, не надрывал глотку. Он сидел, чуть подавшись вперед, являя собой человека, всецело захваченного тем, что происходит на футбольном поле.

Мигель Даймонт с одобрением заметил, что Даниэльсен взглянул в сторону Альвареса лишь в самом начале игры, и то мельком. С таким же точно профессиональным интересом, с каким на состязаниях по стрельбе прицеливаются к мишени.

С этими ключевыми фигурами было все в порядке. Беспокоил Мигела Даймонта судья. Фернандо Эраера явно нервничал. Любой рефери растерялся бы, принужденный вести игру в такой обстановке дикого азарта и явной враждебности зрителей. Но Мигел Даймонт знал подоплеку этой нервозности. С одной стороны, Фернандо Эраера должен был во что бы то ни стало заработать лежавшие в швейцарском банке сто тысяч франков или же быть готовым к позорному разоблачению своих прошлых грехов. Но, с другой стороны, он явно понимал, что даже присутствие целой армии полицейских не спасет его голову от метко кинутой бутылки.

Нервозность судьи передавалась игрокам. Все чаще они, вместо того чтобы бить по мячу, атаковали яростно бросившегося им наперерез противника. Все чаще сшибались в борьбе за мяч. Был момент, когда трое столкнувшихся игроков лежали на траве, а потерянный ими мяч, никем не под-

хваченный, спокойно катился по полю.

Ответный гол эквадорцев был забит на двадцать второй минуте первого тайма. Забит настолько мастерски, что даже монтадцы, спортивный азарт которых на миг взял верх над патриотизмом, заплодировали. К тому же шел только первый тайм. Результат был ничейным, и команда Монтады, поддерживаемая сотней тысяч наэлектризованных земляков, играла с большим подъемом. Имелись все основания предсказывать ее победу.

За пять минут до окончания первого тайма Мигел Даймонт насторожился. Казалось, еще минута, и начнется последнее, решающее действие задуманного им представления.

Центральный нападающий перуанец Жуарио был несомненно, кумиром публики. Каждое его продвижение по полю сопровождалось торжествующими криками, а забитый им на десятой минуте гол вызвал такую бурю, что сотрясались трибуны.

Находясь на стороне соперников и оказавшись лицом к лицу со сравнительно слабым игроком защиты эквадорцев, Жуарио решил порадовать своих почитателей мастерским дриблингом. Дриблинг затянулся на лишнюю секунду.

Откуда-то со стороны подбежал незамеченный Жуарио эквадорский футболист и, легонько оттолкнув его плечом, отбил мяч. Жуарио растерялся. Тем не менее, зная, что мяч уже ушел, сделал вид,

будто продолжает борьбу, и с искаженным от злости лицом Жуарио изо всей силы ударил эквадорца бутсой в пах. Тот упал и, держась за живот, стал кататься по траве.

Фернандо Эрера остановил игру. Грубое нарушение было совершенно очевидно. Следовало удалить Жуарио с поля.

Фернандо Эрера уже почти взмахнул рукой с красной карточкой, но тут десятки тысяч болельщиков, совершенно обезумев, повскакали со своих мест, собираясь устремиться на поле. Ведь удаление лучшего игрока значительно уменьшило бы шансы команды на победу.

К Фернандо Эрере подбегали оба капитана, к ним присоединились боковые судьи, их окружили готовые полезть в драку монтадские игроки.

Дикий рев не прекращался. Мигел Даймонт, наблюдавший эту сцену в бинокль, сразу понял, что Эрера колеблется. Так оно и было. Покрывив душой, судья сделал предупреждение обоим игрокам...

Решение было встречено отдельными негодующими возгласами с эквадорского острова, но они быстро замолкли, подавленные угрожающим шумом теснившего его штормующего монтадского океана.

Начало второго тайма протекало в сравнительно спокойной обстановке. Команды явно выдохлись после непомерно быстрого для такого жаркого климата темпа, который продержался на протяжении всей первой половины игры.

Выдохлись и зрители. Целых сорок пять минут они вели себя как буйнопомешанные, пытающиеся пробить головой каучуковые стены изолятора. Еще на сорок пять таких минут энергии не хватило бы. Публика позволила себе расслабиться, чтобы при первом удобном случае снова взорваться яростной вспышкой спортивного безумия.

Но главной причиной перелома являлся Фернандо Эрера. После того как он недавно сделал предупреждение невинному эквадорскому защитнику, трудно было поверить, что он подкуплен противником. Болельщики национальной сборной пришли на стадион убежденные, что их команде придется бороться не только с противником, но и с судьей, который будет лезть из кожи вон, чтобы лишить Жуарио и его товарищей заслуженной победы. Сейчас эти опасения развеялись.

Спад напряжения отразился и на полицейских. Они расслабились, стали внимательно следить не столько за поведением публики, сколько за самой игрой.

Она шла своим чередом, протекая примерно в равной борьбе, без особо острых моментов. И та и другая команды время от времени, после удачно разыгранной комбинации, прорывались в штрафную площадку противника. Но атаки или же разбивались об упорное сопротивление защиты, или же мяч летел мимо ворот. Два или три раза казалось, что гол неминуем, но каждый раз

вратарям удавалось спасти ворота.

Один момент был явно критическим. Вратарь эквадорцев в падении поймал мяч, но так неудачно, что выпустил из рук. Подбежавший монтадский игрок вместо мяча угодил ему в голову. Игра была остановлена, вратарю оказана срочная помощь.

Мигел Даймонт напрасно надеялся, что на этот раз Эрера проявит большую решимость. Не последовало ни удаления, ни даже предупреждения. Мяч был введен в игру под одобрительные крики публики.

Мигел Даймонт почувствовал, как по его спине прошел холодок. Ни разу за все время пребывания в этом городе он не терял того особого хладнокровия, которое связано с умением взирать на препятствия как на нечто естественное. До сих пор нервы не отказывали ему. Ни в самом начале, когда шло время, а идеальное решение все еще не было найдено. Ни даже в те критические дни, когда пограничный конфликт грозил перечеркнуть проделанную работу.

Но сейчас он впервые ощущал себя не творцом, который в силу своего интеллектуального превосходства подчиняет своей воле события, а игроком, самонадеянно поставившим все свое состояние на одну-единственную карту. Этой картой был Фернандо Эрера. Если тот подведет, все хитрое строение, состоящее из тщательно подогнанных друг к

другу разнородных камней, обрушится.

Мигел Даймонт почти перестал следить за игрой. Он то бросал тревожные взгляды на наручные часы, каждым продвижением минутной стрелки напоминавшие о том, что времени остается все меньше и меньше. То слегка дрожащими пальцами прикладывал бинокль к глазам и, поймав лицо Фернандо Эреры, тщился понять, что происходит за этим покрытым испариной лбом.

Чем меньше оставалось до окончания матча, тем нервнее становился судья, тем чаще исподтишка поглядывал на полицейских, как бы прикидывая, можно ли на них положиться. Будь Мигел Даймонт способен на сострадание, он, возможно, даже почувствовал бы Эрере, который был поставлен перед труднейшим выбором между моральным и физическим уничтожением.

Но существовал еще один фактор, на который Мигел Даймонт полагался больше всего,—сто тысяч швейцарских франков в случае, если эквадорцы победят.

До конца встречи оставалось шесть с половиной минут. Ничейный результат по-прежнему никому не удавалось изменить. Было ясно, что если одной из команд в течение оставшихся считанных минут посчастливится забить гол, никто не сумеет вырвать у нее победу.

Фернандо Эрера наконец решился.

Мигел Даймонт точно уловил этот момент. Бинобль, приблизив лицо судьи, позволил увидеть незаметную для других перемену. До сих пор судья, быстро перебегая по полю вслед за игроками, напоминал застигнутого стихией человека, чьи продиктованные чувством опасности действия сумбурны и подчинены внешним обстоятельствам.

Сейчас же он продвигался медленнее, останавливаясь каждый раз, когда разгоралась острая борьба за мяч. Он явно выискивал благоприятную ситуацию.

С этого момента Мигел Даймонт уже был уверен в развязке и лишний раз поздравил себя с умением угадывать в людях их слабину. Анализируя в свое время досье Эрера, он сразу же обратил внимание, что все случаи, когда тот нарушал профессиональную этику, были связаны с денежными интересами. Значит, Даймонт ставил на правильную карту, рассчитав, что страх перед расправой публики уступит — правда, не без внутренней борьбы — боязни лишиться обещанного крупного куша.

Почти перед самым окончанием игры наступила наконец ситуация, которую Эрера решил использовать. Жуарио почти в метре от штрафной площадки применил недозволенный прием, которого так боялись его противники. Это была, по сути, подножка, но настолько ловкая, что зафиксировать ее мог лишь опытный судья. Прием этот Жуарио

пускал в ход неоднократно, но особенно часто и бесцеремонно — после инцидента в конце первого тайма, когда предупреждение было объявлено также атакованному им эквадорскому игроку. До сих пор Эрера, вместо того чтобы называть Жуарио, делал вид, будто ничего не замечает.

Поэтому назначенный им штрафной удар в пользу эквадорцев оказался полной неожиданностью. Несмотря на протесты монтадских игроков, яростные выкрики и улюлюканье их болельщиков, судья настоял на своем.

Эквадорский нападающий приготовился к удару, но, поскольку капитан сборной Монтады все еще перебранивался с судьей, часть игроков, построивших было стенку, покинули свои позиции перед воротами, чтобы принять участие в споре.

На этот раз Эрера был неумолим. Со сведенным судорогой лицом — так, должно быть, выглядит человек, готовый прыгнуть в огонь, чтобы выхватить из пламени набитый банкнотами портфель, — он взмахнул рукой.

Только тогда зрители поняли, что удар все же будет сделан. На штрафную площадку посыпался проливной дождь самых разнообразных предметов. Но было уже поздно.

Найдя щель в неплотной стенке, мяч, миновав выскользившего навстречу голкипера, влетел в верхний левый угол ворот.

Пока растерявшиеся мон-

тадцы стояли в нерешительности, не зная, что предпринять: то ли продолжать игру, то ли протестовать, Фернандо Эрера уже поднес свисток к губам. Матч закончился. Со счетом 2:1 победили эквадорцы.

Зрители не сразу сообразили, что все кончено. Свисток потонул в оглушительном реве негодования. Когда они увидели, что игроки собираются покинуть поле, разразился настоящий ураган. Настил под трибунами заходил ходунгом, воздух буквально сотрясаясь.

Словно по команде, в едином порыве стотысячная толпа вскочила на ноги. Потрясаемая кулаками, выкрикивая угрозы, зрители устремились на поле. Началась давка.

Окруженные полицейскими, эквадорские игроки и судьи двинулись к выходу. Чтобы добраться до раздевалок, надо было отодвинуть заграждавшую проход стальную решетку. Но едва отомкнули засовы, к проходу устремились сотни болельщиков. Полицейские, осознав свою оплошность, успели снова запереть стальную решетку.

На нее уже навалилась толпа. Люди, не думая о возможных увечьях, кидались на тонкие стальные прутья. Они напоминали цепного пса, который, не чувствуя причиненной ошейником боли, рвется вперед, чтобы впиться зубами в стоящего за оградой чужака. Со всех сторон к ним устремлялась подмога. Бурлящие людские потоки катились сверху вниз, пересекались, стал-

кивались, сливались в кипящий водоворот.

Мало кто оставался на месте. Одним из этих немногих был Карол Альварес. Вскочив на скамейку, он что-то кричал — видимо, тщился успокоить людей. Находившиеся поблизости остановились, но остальные продолжали пробиваться к полю.

Натиск на подpiraемую полицейскими решетку все усиливался. Наконец та покачнулась. Поняв, что позицию не удержать, командир полицейского отряда пронзительным голосом отдал приказ. Полицейские отскочили от решеток, одна тут же с грохотом упала, в образовавшийся проход хлынули болельщики.

В толпу полетели гранаты со слезоточивым газом. Они лопались с шипением, футбольное поле заволокло удушливым туманом, который полез наверх. Надрывно кашляя, вытирая слезы, бросившиеся было в проход люди отступили.

На миг воцарилась полная тишина.

На какое-то мгновение у Мигела Даймонта сложилось впечатление, что полицейские выигрывают бой. Он тревожно оглянулся. Сам он, предугадав развитие событий, устроился на самой верхней скамье южной трибуны, где людской поток не грозил' втянуть его в свой водоворот.

Даниэльсен сидел примерно на равном уровне с Альваресом. В иное время его сосредоточенный спокойный вид привлек бы к себе внимание. Но сейчас все взоры были

устремлены к полю, откуда поднималось зловонное облако слезоточивого газа.

Внезапно минутная тишина взорвалась яростным воплем такой силы, что Даймонту пришлось зажать уши. До сих пор гнев был обращен лишь против подкупленного судьи и ненавистных чужаков, вырвавших у монтадцев победу. Теперь же врагом номер один стали полицейские. Сокрушить их, растоптать, смести с поля — вот что связывало многоликую толпу, превратив ее в слепой таран.

Прикрывая лицо кто пестрым пончо, кто просто сорочкой, чтобы защититься от удушливого газа, люди устремились к преграждавшим им путь стальным решеткам. Стадион превратился в сплошной бедлам. Кто-то принялся выламывать доски скамеек, чтобы сбросить их вниз на головы полицейских, а если они не поддавались, их поджигали. То тут, то там вспыхивали языки пламени. Навстречу поднимавшемуся снизу удушливому газовому облаку сверху потянулись клубы дыма. Кое-где стальные решетки уже рушились, не устояв под натиском атакующих.

И тогда прозвучал залп. Залп, ради которого Мигел Даймонт явился на стадион. Залп, который ему пришлось так мучительно долго дожидаться. Но он прозвучал столь внезапно, что Мигел Даймонт еле успел скосить глаза в сторону Свена Даниэльсена. Что-то блеснуло в разрезе его пончо. Даймонт не сомневал-

ся, что он единственный заметил мгновенную вспышку. Что касается самого выстрела, то он потонул в оглушительном треске и грохоте паливших напраполю полицейских винтовок.

Раздались стоны раненых, скрюченные в предсмертной агонии люди падали, сбивая с ног соседей. Началась паника. Толкая и давя друг друга, обезумевшие от страха зрители хлынули вспять.

В этой панической давке (потом выяснилось, что из-за нее оказалось гораздо больше жертв, чем из-за выстрелов боевыми патронами) смерть Альвареса прошла незамеченной. Один Мигел Даймонт увидел, что выстрел Свена Даниэльсена попал точно в цель. Стоявший на скамейке Карол Альварес схватился за сердце, покачнувшись и повалился навзничь.

10

Через несколько часов Мигел Даймонт сидел в комфортабельном салоне «Боинга», где к услугам летевших в Буэнос-Айрес пассажиров были телевизор, киноэкран, индивидуальные видеозэкраны, бар на втором этаже и полдюжины сверххулыбчивых стюардесс.

Внизу проплывали белесые облака. Иногда они редели, иногда сквозь прозрачную вуаль проглядывали ослепительные снежные шапки.

Мигел Даймонт мысленно попрощался с ними. Он знал, что никогда больше не вернет-

ся сюда. Эта страна была для него шахматной доской, на которой разыгрывалась его партия.

Специфика профессии запрещала вторично пользоваться доской, ибо игрок оставлял на ней отпечатки пальцев. Пусть незаметные для постороннего глаза, они все же допускали известный риск.

Ровно в три часа ночи Мигел Даймонт поднес к глазам наручные часы. Он с напряженным вниманием следил за еле заметным передвижением секундной стрелки.

Истолковав интерес Даймонта по-своему, сидевший рядом аргентинец заметил:

— Ну да, ведь мы только что перевалили часовой пояс! Я и сам чуть не забыл перевести стрелку на час вперед!

Мигел Даймонт незаметно улыбнулся. Глядя на часы, он как бы прислушивался к далекому взрыву, который, по его расчетам, должен произойти именно в эту минуту.

Подтверждение он получил перед приземлением в Нью-Орлеане. Информационное агентство ЮПИ сообщало, что недалеко от монтадской границы обнаружены обломки самолета «Де Хавиленд». По иронии судьбы бомба замедленного действия, предназначенная для Даниэльсена и пилота, взорвалась уже в пределах Эквадора, недалеко от оборудованной Секретной службой перевалочной базы.

Затем диктор перешел к драматическим событиям в Монтаде. Смерть популярного вождя Демократического

альянса от случайной полицейской пули имела далеко идущие последствия. Сторонники Альвареса вышли на улицу, требуя немедленной отставки правительства и наказания полицейских, виновных в жестокой расправе над безоружными зрителями.

Министру внутренних дел и высшим полицейским чинам пришлось уйти в отставку, но до этого они успели отдать приказ о беспощадном подавлении беспорядков. Весь следующий день продолжались уличные стычки, приведшие к новым жертвам.

Сторонники Альвареса призывали трудящихся к всеобщей забастовке. Напуганные перспективой гражданской войны, руководители мелкобуржуазной партии «Прогресс и свобода» расторгли союз с Демократическим альянсом и согласились принять участие в коалиционном правительстве. Новое правительство «твердой руки», составленное в основном из представителей правых партий, немедленно отменило всеобщие выборы и объявило о введении в стране чрезвычайного положения.

Когда диктор закончил обзор новостей, Мигел Даймонт облегченно вздохнул. Затем подозвал стюардессу:

— Пожалуйста, мартини! Два бокала!

Второй он с улыбкой вручил стюардессе:

— Извините, но я не привык пить в одиночку.

— За что вы хотите выпить? — улыбнулась стюардесса.

— За успешное завершение одной коммерческой операции!

ИРЖИ КОЛАФА

ОБМАН *

Рассказ

Перед самым началом соревнований я успел заглянуть к своему приятелю Йозефу Лауде в крошечную застекленную кабинку, откуда он вел репортажи с Игр XXX Олимпиады в Новом Орлеане для чехословацкого телевидения. Лауда напряженно следил за информационным табло под большим экраном.

— Привет, Пепик,— поздоровался я, положил переносной магнетоскоп «Тесла» на пол за неимением места и засунул конектор в гнездо на приборной панели. Пепик даже не заметил моего прихода, и пришлось повысить голос.

— Слушай, нажми, пожалуйста, на клавишу как в прошлый раз, ладно?

Он кивнул и схватил микрофон левой рукой. Всю жизнь восхищаюсь спортивными комментаторами. Если ничего особенного не происходит, они способны часами развлекать зрителей, болтая о пустяках, а уж когда дойдет до дела, извергают лавину информации за самое короткое время.

— Итак, дорогие телезрители, я веду репортаж из зала, где через минуту начнутся финальные соревнования по спортивной гимнастике. Нас, конечно, больше всего интересует опорный прыжок — именно в этом виде соревнований пробилась в финал наша спортсменка, шестнадцатилетняя Алена Шимачкова. Ее тренер находится у меня в кабине, он хочет записать на магнетоскоп весь финал, чтобы затем разобрать со своей воспитанницей выступление соперниц Алены и ее собственный прыжок.

Для тех из вас, кто не слышал прошлого репортажа, повторю правила соревнований. Каждую попытку оценивают девять судей по десятибалльной системе. Самая высокая и самая низкая оценки отбрасываются, и полученная сумма остальных оценок составляет половину общего результата. Затем, как принято на крупных соревнованиях, вторая судейская команда оценивает замедленный повтор прыжка на экране; четыре камеры снимают каждый прыжок со скоростью 120 кадров в секунду. После четырехкратного замедления движения спортсменов становятся плавными, и это позволяет судьям улавливать нюансы и мелкие погрешности в исполнении, незаметные при непосредственном наблюдении. Интересная деталь: камеры настолько совершенны, что фотографии, сделанные с видеоизображения, получаются очень качественными. Вот

* Перевод с чешск. Т. Осадчен-ко.— Прим. ред.

почему устроители запретили фотосъемку в зале. Теперь спортсмены перестанут жаловаться, будто в решающий момент их испугала фотовспышка.

Кроме того, от продажи фотографий и диапозитивов организаторы получают солидную прибыль...

Я вышел и тихонько закрыл за собой дверь. Меня наверняка разыскивает наша гимнастка номер один...

Мы с Пепиком и Аленой, занявшей седьмое место, сидели в отеле и просматривали видеозапись сегодняшних соревнований. Комментарий был предназначен для Чехословакии.

«Американская спортсменка Эллен Джоунс готовится к третьей попытке. Вы видите ее на своих экранах. Любопытная экипировка: на белом купальнике кроме эмблемы американской команды нарисовано или нашито несколько маленьких черных прямоугольников. Вид необычный, не знаю, какое впечатление произведет это на судей, ведь и на носках у Эллен прямоугольнички. Колени и запястья перебинтованы, даже на повязках у гимнастки те же геометрические фигуры...

Прекрасный прыжок, похожему, но подождем оценки арбитров. Вот и замедленный повтор — да, тройное сальто безупречно. Еще повтор, снятый другой камерой — хорошо видно, правда? Прыжок просто великолепен. Обратите

внимание, насколько симметричны движения рук и ног, ни единой погрешности — и вот на табло мы видим восемь баллов, два раза по девять баллов, остальные оценки — десять баллов! А теперь выступление американки оценивает вторая группа арбитров. Если не ошибаюсь, все девять судей дали Эллен высшую оценку — десять баллов. В такую минуту осознаешь, как важен замедленный повтор для объективного судейства, арбитры в состоянии различить больше деталей, чем те, кто смотрит один раз непосредственно исполнение».

— Неудивительно, что золото досталось ей, — вздохнула Алена, — куда уж тут тягаться...

— Само совершенство, — сказал я и выключил магнетоскоп. — Только... сдается мне, что в зале нарушили запрет. Я видел фотовспышку.

— Еще как нарушили. — рассмеялся Йозеф, — был скандал, тот парень с четверть часа ругался, а пленку у него все-таки отобрали. Посмотрим еще разок?

И снова мы следили за победным прыжком Эллен Джоунс, в нормальном темпе и в замедленном. И оба раза что-то вспыхивало, когда гимнастка заканчивала второе сальто.

— Странно, странно, — проворчал в усы Пепик, и не успел я глазом моргнуть, как он оторвал обложку какого-то журнала (кажется, это был «Информационный вестник Игр XXX Олимпиады») и проткнул ее

посередине кофейной ложечкой.

— Перемотай-ка еще раз,— приказал он и приложил бумагу к экрану. Мы устались на дырку ничего не понимая. Странная процедура повторилась трижды.

— Заметили? — Торжествуя воскликнул Йозеф.

Мы ничего не заметили.

— Бумага закрыла фото-вспышку, а ведь именно в этом месте — смотрите в дырку! — в момент вспышки находится нога славной чемпионки Эллен. Так если эта нога впереди, она должна быть хорошо освещена, черт ее дери! Полароид! — закричал Пепик и стремительно убежал.

До меня стало доходить. Когда Йозеф вернулся с фотоаппаратом, мы до изнеможения прокручивали пленку, пытаюсь поймать в объектив вспышку. Примерно тридцать кадров пропало, получились две фотографии среднего качества — одна с нормальной видеозаписи, вторая с повтора. На втором снимке конь, трамплин и окружающие предметы были ярко освещены (вышли даже блики на кожаной обивке снаряда), а летевшая в воздухе Эллен оставалась такой же темной, как и на остальных фотографиях, без вспышки.

— Странно и то,— добавил я, оторвав Пепика от фотографий,— что на первом снимке вспышка гораздо слабее.

Он прервал меня.

— В этом как раз ничего удивительного нет. Камера снимала со скоростью сто двадцать кадров в секунду.

А когда пленку прокручивали со скоростью тридцать кадров в секунду — американская норма, к счастью, доступная и нашему ящику (он имел в виду магнетоскоп марки «Тесла»), движение замедлилось в соток раз. Чтобы получить нормальную скорость, пришлось сложить четыре кадра в один, вот вспышка и стала слабее, как бы разбавилась. Взгляни, тут отчетливо видно,— и Пепик отобрал несколько фотографий,— эти четыре с повтора, но если приглядеться, то увидишь, что именно из них составлен кадр нормальной пленки. Вспышка длится мгновение, она может отразиться лишь в одном кадре или частично в двух соседних, захватить, так сказать, полкадра. В нашем случае имеем целый кадр.

Но тем самым,— и он покивал головой,— отпадает первая рабочая гипотеза.

— Какая? — в один голос спросили мы с Аленой.

— Сначала я думал, что замедленный повтор был другой, заранее отснятый и лишь потом наложенный на фон,— обычное дело. Но нет: повтор идентичен первой видеозаписи, а ту транслировали, и потому не могли подготовить заранее. Да и вспышка зафиксирована на обеих пленках...

Я перебил Пепика:

— Все это глупости, прыжок был один и тот же, каждый специалист подтвердит. Стоит заменить повтор другой замедленной съемкой, и многие тут же заметят подлог.

— И что нам со всем этим

делать? — растерянно спросил Пепик.

— Предлагаю исповедать арбитра, который поставил Эллен самую низкую оценку — восемь баллов. Может, узнаем что-нибудь от него.

Болгарского арбитра Игоря Дамианова мы нашли в ресторане гостиницы. По всей видимости, он был не особенно занят, и мы могли с чистой совестью задать ему свои вопросы. «Раскалываться» мы не собирались, просто подводили его к интересовавшей нас теме.

— Да я мало что могу рассказать, — сказал судья. Изъяснялся он очень оригинально. Начинал, к примеру, по-английски, а когда забывал нужное слово, договаривал по-русски не моргнув глазом, пересыпая вдобавок свою речь болгарскими словами. — Мне показалось, что в конце прыжка Эллен чересчур перегнулась вперед, но затем исправила погрешность и приземлилась правильно. После соревнований я спросил коллегу, и он сказал, что ему тоже так показалось. Но когда мы посмотрели видеозапись, то поняли, что ошибались. Видимо, выбрали неправильный угол зрения.

— Вы изменили свое мнение, посмотрев замедленный повтор или нормальную видеозапись?

— Нормальную, а повтор нас окончательно убедил.

— А вы не знаете, почему у Эллен на купальнике были черные прямоугольники?

— Не знаю, но думаю, это неправильно со стратегической точки зрения. Симметрично расположенные прямоугольники — да еще такие заметные — только подчеркивали мелкие огрехи, а не маскировали их.

Мы поблагодарили Игоря Дамианова и расстались.

— По-моему, нам следует найти солидную газету и предоставить ей наш материал, — заявил Пепик. — Как-никак мы в Америке, тут все гоняются за сенсациями, даже американку не пощадят. Если идти официальным путем, то будем выглядеть дураками. Это во-первых. Во-вторых, дело затянется, а в-третьих, преступники успеют замести следы, так сказать. Не знаю, как ты, а я убежден, что мы обнаружили подлог.

В редакции «Нью-Орлеан таймс» нас встретили приветливо. Когда утихло веселье, вызванное нашим магнетоскопом, мы начали свой рассказ. Недоверие газетчиков постепенно сменилось решимостью вести собственное расследование. Редакция сразу согласилась с нашим требованием не называть имен.

В течение нескольких дней ничего не происходило. Мы стали думать, что в редакции нам не поверили, не приняли всерьез. Но спустя неделю, за день до отлета нашей олимпийской команды, нам принесли приглашения на пресс-конференцию. И приш-

лось еще раз подробно рассказать о нашем открытии. Выступал судья Игорь и другие арбитры, но ничего нового мы не узнали. Но вот в конце пресс-конференции неожиданно встал безупречно одетый мужчина примерно сорока лет — типичный американец, сделавший карьеру, — представился как шеф отдела изографической обработки фирмы «IBM» и начал:

— Наша работа заключается в составлении программ для компьютеров «IBM», точнее, программ для машинной обработки графической информации, главным образом технических чертежей, но и телевизионного изображения также. Потому-то меня и выбрали в качестве эксперта при расследовании очень интересного случая.

Три года назад Оргкомитет Игр XXX Олимпиады заказал нашей фирме один из самых быстрых компьютеров «UFAC 2008 В» вместе с обширной дисковой памятью и обработкой телесигнала на софтвере с периферийными установками. Выбор показался нам неудачным, хозяевам Игр вполне хватило бы гораздо меньшего процессора с соответствующими дисками памяти. Позднее Оргкомитет закупил у нас еще несколько программ компьютерной обработки телеизображения и машинной графики, которые из данных изобразительных компонентов способны составить новое, искусственное телеизображение.

Но нам и во сне не могло

присниться, какие цели при этом преследовали заказчики — те, кто обслуживали наш компьютер. Способные специалисты, надо признать! Только пять дней назад, когда мы получили разрешение на осмотр системы, они начали подозревать, в чем дело. Сопровождавшие нас полицейские были убеждены, что речь идет о домашнем обыске и только диву давались, глядя, как мы включили компьютер и расселись за терминалами. Но затем пришел наш черед удивляться. Изучив диски, предназначенные для записи рабочих программ, мы обнаружили интереснейшую вещь: большинство из них было недавно стерто! К счастью, не слишком основательно. Может, я чересчур сложно говорю, но на самом деле все очень просто: если системе был дан приказ «CLEAR FILE, то это вовсе не означает, что набор информации будет стерт с диска так же, как с доски стирают тряпкой мел. Из индекса будет вынута информация о том, что в таком-то месте магнитного диска нечто записано, а вместо этого закладываются данные о том, что место свободно для нового использования. Компьютер уже не включали с тех пор, как были стерты рабочие программы, поэтому нам удалось их восстановить и записать. Выяснилось, что программа была многофункциональной. В состоянии покоя компьютер пропускал телесигнал без изменений и

лишь обеспечивал его запись на диск памяти. Или наоборот, читал информацию с диска и трансформировал в телесигнал, быстрый или замедленный, по желанию. Но по особому приказу активизировались иные функции программы. Выглядело это так.

Вначале компьютер держивал отдельные телесигналы — всего он управлял семьюдесятью двумя каналами, но данная часть программы обрабатывала всего лишь четыре канала... Да, на чем же я остановился? Ага, задерживал сигналы. Обратите внимание, только тогда, когда спортсмены не делали быстрых резких движений. Задерживались сигналы на три десятые секунды — просто некоторые кадры повторялись. Это можно было заметить и при трансляции, но с большим трудом. Как я говорил, компьютер выбирал для своих целей такие моменты, когда движения на экране были плавными, и отдельные кадры почти не отличались друг от друга.

Представьте себе: спортсменка разбежалась и прыгнула. Благодаря четырем камерам компьютер располагал данными для постоянного уточнения движения. Он определял положение частей тела благодаря оптическим элементам анализа — в нашем случае ими служили те самые прямоугольники, вызвавшие столько догадок. Ведь определить положение при помощи кожи или текстиля го-

раздо труднее — на них образуются складки с игрой теней.

На основании полученных данных можно было определить по некоему критерию, насколько совершенен прыжок гимнастки. Здесь много параметров, в том числе симметричность движений, их плавность и т. д. Если прыжок был ниже нормы, не соответствовал эталону, компьютер вообще не вмешивался. Ведь погрешности в таком случае можно было заметить невооруженным глазом. Но если прыжок оказался настолько хорош, что решающей была оценка второй группы арбитров, смотревших замедленный повтор, компьютер высчитывал новое положение гимнастки в пространстве. Причем делал это таким образом, чтобы оно почти не отличалось от первоначального, вносил поправки, устранял мелкие огрехи — дерганные движения, недостаточно вытянутые ноги. А затем накладывал изображение на фон — или предполагаемый фон — если находил место.

Весь процесс длился три десятых секунды. Правильно предположил программист: никто ничего не мог заметить. Чтобы уложиться в нужное время, несколько кадров повтора после окончания прыжка вырезалось. И лишь непредвиденная случайность помешала программистам осуществить их блестящий с технической точки зрения замысел, заслуживающий, несомненно, десятибалльной

оценки. Они не могли предположить, что вспышка осветит зал, а компьютер в соответствии с программой наложит на ясный фон темные очертания тела спортсменки, новое положение которой он только что высчитал. Вы скажете — мелочь, но не будь ее, а также чехословацкого комментатора Йозефа Лауды, мы никогда не обнаружили бы столь хитроумного обмана.

Я склонился к Алене и сказал: «Ну вот, ты уже шестая».

Л. ХЕССЛИНД

ИЗ НАШЕГО ПОРТФЕЛЯ: ВСТРЕЧНЫЙ УДАР *

Предлагаем вашему вниманию отрывок из романа шведского писателя Ларса Хесслинда (начало публикации в предыдущем выпуске «Олимпийского глобуса»). Эта книга посвящена спорту — рингу, вернее, жизни вокруг ринга. В основе документальная — автор, беседуя с известным боксером-профессионалом Буссе Хёгбергом, записал его рассказ о своей жизни — эта книга вызвала в Швеции большие споры. С интересом встреченная читателями, некоторым она показалась чересчур откровенной и жестокой.

* Перевод со шведского Ю. Кузнецова. — Прим. ред.

Но мнение автора таково: «Большой спорт всегда жесток, прежде всего по отношению к самим же спортсменам...»

Издательство «Физкультура и спорт» планирует выпуск романа Л. Хесслинда «Встречный удар» отдельной книгой.

«...Журналисты еще крутились вокруг — еще не совсем прошла лихорадка тех времен, когда Инго был великим боксером. Тренировочный зал на стадионе «Уллеви» кишел газетчиками. Стоило Лайошу Флейшеру, Лефу Вадлингу, Вернеру Васену, Рисбергу, нижеподписавшемуся и Инго только чихнуть, это тут же фиксировалось и обсуждалось в кругу экспертов, пока с тех, кто тренировался, брызгали капли пота. Хенри Хальберг кружился вокруг меня, как шершень. Я вполуха воспринимал его инструкции, они влетали в одну ушную раковину и вылетали через другую. Шведский бокс всегда был в весьма своеобразном положении: нам не хватало действительно хороших тренеров. У нас бывали хорошие боксеры. А из тренеров я знаю лишь одного, который бы получил удовлетворительную отметку по международным меркам. Это Уно Альстерлинг. Но я был полон твердой решимости добиться успеха, даже несмотря на некачественный инструктаж. Пресса писала обо мне: «наркоман тренировки Бу

Хёгберг». Каждый раз, когда я тренировался, я терял три килограмма жидкости.

В апреле того же года я впервые выступил с обнаженным торсом. Уже в первом раунде я понял, что имел в виду Эдвин, говоря о разнице между любительским боксом и боксом профессионалов. Я привык к трем раундам, теперь же речь шла о шести против профессионала. Мой противник — голландец Кристиан Кок — был выбран Эдвином. Я бил и бил. У него за всю встречу так и не появилось хорошего шанса дать отпор моим яростным, исполненным ненависти атакам. Когда я теснил его к канатам, он отбивался, нанося удары из всех возможных и невозможных положений. Бил он неожиданно и тяжело, как будто лошадь лягалась. Удары подсказывались опытом и были хорошо замаскированы, ни секунды передышки, никакого спокойного ритма. Профессионал-боксер бился за автомобиль, дом, одежду, детей, еду, путешествия, честь, жену, публику и свою жизнь. Большая была разница. Огромная. После шести раундов такой свалки я победил по очкам. Стоял, поднимая правый кулак к потолку, и был безгранично счастлив. Новый самородок Альквиста выиграл дебют. Ужасный любитель победил. Новый Большой боксер Швеции.. Так писали газеты, и я подумал:

насчет самородка — неплохо звучит, надо запомнить.

За одну ночь я стал известной личностью, люди общались и шептались, когда я проходил по улицам Гётеборга. Это щекотало мое самолюбие. Я надувался и воображал из себя что-то особенное. Ну, что скажешь, Свенссон? Бу Хёгберг идет. Я начал брать реванш у всего, черт его дерит, общества.

В социальном плане переход в профессиональный лагерь означал, что я стал общаться с людьми выше на несколько классов. Из пропахнувших мочой дворов Майорна я вошел в класс буржуа. Со мной искали знакомства женщины; у которых родители имели виллы и банковские счета. Многие учились в университете или кончили его. То обстоятельство, что я был женат, их не смущало, да и меня тоже.

Как-то вечером меня пригласили в гости к какому-то директору, мошенничающему с налогами на стезе строительных работ. Празднество имело место в одной из самых шикарных вилл в районе Эргрюте. Девки и алкоголь обильно перемешивались с плюшевой мебелью, обстановка и общество мне понравились. Мой грубый гётеборгский диалект и неуклюжие манеры ставили меня в этом обществе в неравное положение. Мне казалось самому, когда я раскрывал пасть, что в посудную лавку вламывается экскаватор. Я молча слушал

разглагольствования господ об удачных сделках, по моему мнению, столь же преступных, как то, что мы с друзьями вытворяли, когда избивали педерастов за зданием Большого театра и отбирали у них деньги. Разница была лишь в том, что эта компания носила костюмы в белую полоску и выражалась поизыщнее. Никто из них не бывал за решеткой — это для меня было важно. Я слушал, затаив дыхание, и пытался понять, чем их «техника» отличалась от моей. В компании было несколько адвокатов и прокурор. Их истории и наши разделяло одно существенное отличие: ни в одной не фигурировали мелкие суммы, по большей части это были куски от пятидесяти тысяч до полумиллиона. Самыми лихими там были два торговца автомобилями.

— Давайте смотаемся в Лоренсберг, съедим пюттипанну*, — сказала одна из девиц. Темноволосая красавица славянской внешности.

— Хорошая идея, — ответил хозяин. Взял трубку. Набрал номер пальцами, неуклюжими из-за алкоголя.

— Добрый день, это директор Энблад. Я хотел бы заказать стол на двенадцать персон. Да что вы? Нет сегодня мест? А для меня вы не можете устроить? Нет,

нет, я понимаю. Большое спасибо. Что, нигде нет сейчас мест? Всего доброго.

Он положил трубку и погладил щеки вокруг рта.

— Нет мест, лапочка, — сказал он, разводя руками. — Ничего не попишешь.

— А я хочу пюттипанну, капризно протянула девица, надувая губы. Этакое дитя, избалованное коктейлями.

— Послушай, Буссе, — сказал один из автомобильных директоров, толкнув меня в плечо. — Мой приятель хочет тебя кое о чем спросить.

Малорослый торговец, весь в пуговицах и эмблемах, перегнулся через стол.

— Ты не будешь возражать, если я выдам себя за тебя? — спросил он.

— Не-а, — сказал я, ничего не соображая.

— Тогда я помогу хозяину.

— Конечно, конечно.

Я пожал плечами, прихлебывая из стакана коньяк со сладкой водой. Продавец поднял трубку.

— Добрый вечер, это говорит Бу Хёгберг. Ну да, боксер. Мы вот сидим у меня дома с друзьями. Хотели бы посетить ваш ресторан и что-нибудь принять внутрь на ночь. Двенадцать человек. Прекрасно. Да, мы хотели бы сидеть все вместе. Отлично, большое спасибо. Тогда мы приедем через полчаса. Очень мило с вашей стороны.

Он положил трубку. Мои акции явно поднимались в цене.

* Пюттипанна — распространенное в Скандинавии блюдо, чаще всего разогретая картошка с остатками мяса, колбасы и пр. — Прим. пер.

Счет в ресторане был на семь тысяч двести крон.

— Спешим на представительство,— сказал строитель.

Мне было все труднее уживаться с помощницей писаря из штаба. Дом меня просто убивал. Мы были совершенно разные люди. Беспорядок в квартире действовал мне на нервы. Я педант, почти до болезненности — когда вещи не стоят аккуратно на своих местах, мой мир шатается.

Если случалось, что мы вместе пили кофе, я сидел и собирал крошки со скатерти, не думая об этом. Порядок — вот о чем я мечтал.

— Черт побери! Да ведь квартира выглядит, как голубятня после чумы, когда перья облезают!— заорал я. Встал из-за стола. Хлопнул дверь. Сел в машину и поехал по городу, мечтая избавиться от супружеского ада.

— Черт меня подери, сделай что-нибудь, пока мы не потонули в дерьме!— заорал я утром, когда мы проснулись. Она плакала, уходя на работу.

Каждый день ко мне обращались журналисты, желая получить интервью. Сперва их писания льстили мне. Приятно было увидеть себя в газете. Подумать только — на мое фото смотрят миллионы шведов. Бу Хёгберг, «золотой мальчик».

Скоро я открыл, что с органов информации можно тянуть деньги. Я начал требовать платы за интервью и репортажи. В начале в скромных размерах — я удовлетворялся, когда газета угощала обедом. Постепенно мои требования росли. В течение нескольких лет я использовал грязную тягу вечерних газет и еженедельников к сенсациям и помогал им ощутимо увеличивать продажу своих номеров. Я соглашался на интервью, чтобы они могли заработать, но и сам брал наличными. В общей сложности я заставил падкую до сенсаций шведскую печать выложить почти полмиллиона крон. Не подлежащих налогообложению бумажек, без всяких квитанций. Я помог прессе создать образ Бу Хёгберга. Не пытайтесь меня уверить, что печать — это посредник правды и реальности. Если ты узнал меня через органы информации, ты меня не знаешь. Сам я ежедневно ощущаю, что миф о поганце Хёгберге требует, чтобы я снова и снова ему соответствовал. Мир хочет видеть меня таким, каким изобразили меня газеты. Много ночей я ворочался в потных простынях, перебирая словесный хлам вокруг своего «я». Моя личность там смазана и туманна даже для меня самого, она погребена под миллионными слов. Это цена, которую мне пришлось заплатить за то, что позволил прессе писать

черт знает что. Чем больше ложь, тем больше они платили. И хотя я потерял опору в моей собственной действительности, я ни о чем не жалею. Это был путь, который надо было пройти, чтобы достичь цель, поставленную перед собой. Я бился за место среди независимых. За то, чтобы иметь достаточно денег и не жить в таком же дерьме, что и мои товарищи на улице Блоскут. Не вставать каждое утро в определенное время, не идти на работу и не проводить там целый день, не осмеливаясь и рта раскрыть, когда тебя поливают дерьмом. Чтобы можно было не лизать задницу угнетателям ради того, чтоб сохранить работу. Чтобы можно было не ползти на брюхе домой к семье, упившись в дым после недели монотонного ада. Все дело — в деньгах. Только в деньгах. Можно купить все, даже справедливость перед лицом закона. Путь к деньгам для меня и всех других рабочих парней более крут, чем у тех, кто плывет себе по жизни верхом на бычьем филе. Я был полон твердой решимости не выпустить из рук шанса и стать миллионером до того, как мне стукнет тридцать пять.

— Тут есть несколько неясных мест,— сказал адвокат, отодвигая по гладкому письменному столу мой профессиональный контракт.

— Папуля считал, что на эту бумагу следовало бы взглянуть адвокату,— сказал я.

— Умнее, пожалуй, было бы показать ее адвокату до того, как ее подписываешь,— сказал адвокат, глядя на меня поверх очков. Очки в стиле тех, что носил Гленн Миллер, без оправы.

— Ну да, конечно, но Альквист же умеет писать контракты...

— Но, наверное, не ты?

— Нет, но там был и Хенри.

— Хенри?

— Халльберг, мой тренер.

— Он что, разбирается в юриспруденции?

— Нет, не думаю.

— Ну ладно, контракт в общем-то в порядке. Если не считать параграфа о длительности его действия. Десять лет... это значит, что тебе придется ждать твоих матчей десять лет, если Альквисту так будет угодно.

— Мне нужно много матчей каждый год. А то все к черту.

— Вообще-то не принято заключать с молодым боксером пожизненный контракт. Можно было бы добиться его отмены.

— Но тогда я, может, нового не получу?

— Это, конечно, неизвестно. А может, Альквист видит в тебе перспективного боксера. Как ты сам считаешь?

— Газеты так считают.

— Ну ладно. Подумай. Погоди и посмотри, как твой импрессарио будет разыгрывать карты в ближайшее время. Если будешь недоволен, свяжись со мной.

Альквист вообще-то имеет репутацию порядочного человека.

— О'кей,— сказал я, засовывая контракт в коричневый конверт.— Сколько с меня за беседу, господин адвокат?

— Да как сказать?— он задумчиво погладил подбородок.

— Но у вас же есть какая-то такса? Вы же, верно, знаете, сколько полагается?

— Н-ну... Знаешь, один щеголь-офицер, которого я встретил на заседании логи Вольных каменщиков, спросил меня однажды, сколько стоят мои услуги в смысле консультации. Я рассказал, что один клиент как-то позвонил и спросил, не забыл ли он зонтик у меня в конторе. Этому клиенту пришлось заплатить семьдесят пять крон за ответ на сей вопрос— так я сказал офицеру. Тогда он отвалил от меня. С тобой дело другое. Ты мне нравишься, так что отделаешься одним испугом.— Адвокат улыбнулся и опять посмотрел на меня лукаво поверх очков.

— Большое спасибо,— сказал я.

— Дай о себе знать, если у тебя возникнут какие-то проблемы.

— Это уж точно,— сказал я. И задумался— не так ли адвокаты обеспечивают более долговременный фундамент для своей деятельности? В точности как в торговле наркотиками. Сначала щепотка «снежка» бесплатно, как приятель приятелю.

А когда привыкнешь, уже речи нет о благотворительности, тогда на стол ложится крупный счет.

Движение на авеню купалось в лучах первого весеннего солнца. Девушки повесили шубы и зимние пальто в гардеробы с мешочками против моли. Листва искусно подстриженных деревьев вздувалась как на дрожжах и рвалась наружу из липких почек. У статуи Йона Эриксона пахло живицей, какие-то птички, ошалев от похоти, носились кругами и ныряли в кусты.

Эдвин устроил мне второй матч. Встреча должна была состояться семнадцатого июня шестьдесят второго года, через два месяца после моего дебюта. Нам пора было немножко поговорить, прежде чем я поднимусь на окруженный канатами ринг.

— Эдвин у себя?— спросил я, входя в контору своего благодетеля.

— Он собирается на совещание,— сказала секретарша.— Но я передам, что ты здесь.

— А, Буссе. Всегда рад его видеть. Скажите, чтоб вошел,— сказал Эдвин.

Новый «золотой самородок» Альквиста вошел во внутренние покои конторы, сжимая контракт в кулаке и ощущая в позвоночнике слова, сказанные адвокатом.

— Чем могу быть полезен, Буссе?— улыбнулся Эдвин. Сама любезность. Мне всегда нравился этот человек. В любой ситуации.

— Я хочу за следующую встречу получить больше,— сказал я.

— Вот как?

— Именно.

— У нас с тобой есть контракт, который указывает, как должны регулироваться наши экономические дела.

— Он незаконный,— сказал я.

— Кто это сказал?

Эдвин вроде испугался. Будто он услышал нечто невероятное.

— Мой адвокат,— отрубил я.

— Так... И что же ему не нравится?

— Не стоит мне в это углубляться. Лучше будет, если он это сам изложит.

— Буссе, к чему нам спорить о мелочах, а? Перед нами еще долгое плавание в одной шаланде. Сколько, думаешь, ты стоишь?

Вот такой разговор мне нравился. Напрямик и начистоту.

— Больше, чем было.

Я назвал сумму.

— Ладно,— сказал Эдвин.— Значит, договорились на этом?

Он протянул руку. Улыбался, как добрый дядюшка из Америки. Я пожал ему руку. Пусть ни одна тень никогда не упадет на великого импрессарио. Он и я всегда понимали друг друга. Он попытался воспользоваться шансом против меня, а я нанес встречный удар. Это входит в обычаи профессионального бокса: сперва деньги, потом спорт.

Семнадцатого июня я вновь вышел на ринг. Моим противником был Герхард ван Эйк. Встреча проходила в Гётеборге. За шесть раундов я побил его. Моя первая победа нокаутом, когда я выступал с обнаженным торсом, вошла в историю бокса. Уверенность в себе укрепилась, но я знал, что мне, может быть, придется вести бой, в котором я не успею убрать голову на те миллиметры, что необходимы при обмене ударами...

Герхард ван Эйк не был каким-то желторотым юнцом. У него за плечами было тридцать шесть профессиональных матчей. А кроме того, он выступал в слишком тонких перчатках, весом в шесть унций вместо предписанных восьми. Я уложил его на пол уже в первом раунде, меня злило, что я не смог решить исход поединка уже тогда. В решающий момент мне не хватало расчета и хладнокровия.

Буссе Хёгберг — представитель народа на ринге. Такую боевую ярость надо поискать. Сорок одна тысяча человек в экстазе от того, как боксирует Хёгберг. Надежда шведского бокса на будущее. Газеты были полны превосходных степеней, но я знал, что может прийти день, когда я не успею убрать челюсть на те самые несколько миллиметров...

Боевая ярость — это была ненависть. Я был готов убивать каждый раз, когда я выходил против очередного

противника. Вопрос стоял так: он или я. Других условий в профессиональном боксе нет».

— Снова и снова ты говоришь о прессе и твоём отношении к средствам массовой информации. Здесь я тебя не вполне понимаю, от многих эпизодов пахнет гнилью, как мне кажется.

Я отложил блокнот и поморгал, чтобы прогнать усталость, нависшую на веках. Было уже поздно. Буссе и я отработали порядочное время. Глаза щипало от сигаретного дыма в комнате. Буссе взглянул на меня и закурил ещё одну сигарету.

— Черт, надо же проветривать.

Я встал и открыл дверь балкона. Я был раздражён.

— Что с тобой? Опять начинаешь кормить моралью? Тебе хочется, чтоб и в рассказе был чистый свежий воздух, а? Иногда действительность воняет дерьмом — для тебя и некоторых других, которые ищут абсолютную истину. Я продавал свое имя, к которому подвешивались целые истории, а пресса это покупала — вот и все дело. Простой бизнес, только и всего. Чего тут думать?

— Средства информации тебя в некотором роде купили, слепили тебя, как ком глины, создали тебя... ты не чувствуешь себя продуктом еженедельников?

Он глубоко вздохнул. В восьмой раз наполнил кружки

кофе и улыбаясь посмотрел на меня.

— Иногда с тобой чертовски трудно работать, Лассе. Знаешь, я чувствую себя бывшим боксером, который был настолько интересен, что давал возможность сбывать целые тиражи.

Он опустил в кресло мягко, по-кошачьи, говорил негромко, терпеливо. Как будто обращался к ребенку, который никак не может понять невыристую проблему. Он поднял голос:

— Это что, такой уж дьявольский грех?

— Ты все эти годы продавал свои рассказы за большие деньги, а о налогах и не думал...

— Только не говори, что сам был бы настолько честен, что упомянул бы в налоговой декларации деньги, которые тебе сунули бы в руку?..

Он засмеялся.

— Сейчас мы о тебе говорим. Я бы так, как ты, не поступил.

— Ну ясно, нет...

Он улыбнулся.

— Дай мне досказать.

— Валаяй.

— Твои истории, что ты продавал, даже не были правдой. А иногда это просто вранье.

— Что ты имеешь в виду?

— Да взять хоть ту историю, что ты рассказывал о танцовщице из Бейрута, которая выступала голенькой и которую ты как-то привез с собой в Стокгольм из одной заграничной поездки.

— Ну и что в этом такого?

— «Репертуар», встретивший тебя на аэродроме, хотел знать, собираешься ли ты на ней жениться. Плати шесть тысяч, сказал ты, тогда поговорим об этом деле. Они организовали шесть тысяч. «Вы поженились?» — спросил журналист, когда ты получил деньги. И ты ответил: «Да, я на ней женюсь. На другой день газета вот такими буквами анонсировала главную новость: «Бу Хёгберг женится на танцовщице из стриптиза в Бейруте». Я считаю, это ни в какие ворота не лезет. Ты даже и не думал на ней жениться. Газета напечатала жирное вранье, которое ты продал за шесть тысяч... Миллионы шведов получили это вранье прямо в физиономию.

— А ты не думаешь, что тот журналист и руководство газеты, которые организовали мне деньги, так же хорошо понимали, как и я, что вся эта история сплошное вранье?

Я молчал.

— Отвечай, думаешь ты так или не думаешь.

— Ну ясно, бывает и так.

— О'кей, если тебе это поможет крепче заснуть, я скажу — да, я врал, но газета, черт дери, не показала себя моральнее, чем я, когда напечатала что-то, о чем они знали, что это просто вранье.

— Эта история, черт тебя подери, не станет лучше оттого, что врешь и ты, и пресса.

— Слушай, как ты, черт тебя подери, представляешь себе мир?

— Твой мир и мой, во всяком случае, выглядят по-разному,— негромко сказал я.

— Меня это чертовски радует. Ну что, на сегодня хватит?

— О'кей... ну, черт дери...

Я почувствовал, что ужасно устал.

— Поспи, утро вечера мудренее... «Милый, милый Лассе, мир такой большой»...

— Перестань.

Как приятно было выйти на свежий воздух!

«В ноябре того же года я встретился с Тууном Шурмансом. Голландцем, который провел больше сотни любительских боев и приобрел солидный опыт в профессиональном боксе.

Первые два раунда мне достались тяжело. Это время мне пришлось потратить на то, чтобы изучить, как он бьет. В третьем раунде я ему врезал. Прошло только тридцать семь секунд. Туун Шурманс потерпел первое поражение нокаутом. Пять тысяч зрителей в гетеборгском Выставочном зале. Эдвин потирал руки.

— Пожалуй, Буссе будет добиваться успеха, пока он первым наносит удар,— сказал после матча представитель Союза бокса Швеции.— Риск состоит в том, что, когда Буссе встретится с крепким парнем, который успеет ударить раньше, ему придет конец. Ему надо бы больше думать о защите».

НА ПЯТИ КОНТИНЕНТАХ

■ ДОРОГА В ТЫСЯЧУ МИ.
■ ПЕКИНСКИЙ МАРАФОН.

5

МИХАИЛ ШЛАЕН

ДОРОГА В ТЫСЯЧУ ЛИ

Товарищ Ли Мэнхуа улыбался. В темно-сером френче строгого, официального покроя он выглядел моложе своих лет, во всяком случае, никак «не тянул» на шестьдесят с гаком. «Наверное, увлекаетесь ушу?» — обратился к гостю писатель Георгий Свиридов, председатель Всесоюзной федерации этой новой для нас разновидности гимнастики. «Если откровенно, то мой секрет в напряженной работе, она не оставляет времени думать о старости, зато заряжает духом бодрости. А ушу? Знаете, стоит подумать. Считайте, что здесь, в Москве, вы меня сагитировали...»

Мы сидели в актовом зале Госкомспорта СССР, всего человек пятьдесят, не больше, а на сцене группа молодых людей разыгрывала спектакль из элементов и комбинаций, целых комплексов и упражнений оздоровительной гимнастики ушу, и товарищу Ли Мэнхуа явно нравилось то, что они делали. Зрелище было ярким, хотя, возможно, исполнение не обходилось без шероховатостей и ошибок. Но для председателя Комитета по физкультуре и спорту КНР это было неважно — не соревнования же. Не мог не радовать сам факт: истинно национальный китайский вид спорта, такой, как тайквандо у корейцев, каратэ и дзюдо у японцев, об-

рел популярность и в СССР: развиваясь стремительно, он уже сейчас насчитывает сотни тысяч поклонников. Вот и ушу — дитя перестройки. Да, определенно сейчас время серьезных перемен.

Они действительно наступили, долгожданные перемены. Спектакль как бы венчал торжественную церемонию: в зал товарищ Ли Мэнхуа спустился после заключения нового Протокола о двустороннем советско-китайском спортивном сотрудничестве. Мало того что он по объему превосходил все предыдущие, впервые документ был подписан на уровне «первых лиц» — с советской стороны это сделал председатель Госкомспорта СССР.

...Пекинский дворец спорта переполнен. Двадцать тысяч зрителей вслушиваются в мелодию «Катюши». Яркие лучи прожектора, разрезая погруженную в темноту арену, фокусируются на иссиня-голубом льду, высвечивая три советских и три китайских дуэта. Под популярную во всем мире песню о симпатичной русской девушке Катюше они исполняют танец дружбы. Миллионы людей прильнули к экранам телевизоров. Трансляция о показательных выступлениях советских фигуристов идет на весь Китай. Пресса не скупится на похвалы. «Сама атмосфера, душевный настрой зала, сопереживавшего участникам представления, не оставляли сомнений в искренности дружественных чувств, проявления уважения к гостям из

Советского Союза», — можно было прочитать на следующий день в пекинских газетах. И далее вывод: хорошо бы такие выступления организовывать регулярно, сопровождая творческими дискуссиями, семинарами, подобными тому, который провел серебряный призер Олимпийских игр Александр Горелик для ведущих китайских специалистов фигурного катания.

— Наши выступления стали заметным культурным событием, — делился впечатлениями заслуженный тренер СССР Валентин Писеев. — Об этом нам говорили, например, руководители ряда провинций, а также мэры городов Дзелин и Чанчунь. И в Пекине все, с кем довелось обмениваться мнениями, в частности заместитель председателя Центральной комиссии советников при ЦК КПК Бо Ибо, подчеркивали необходимость укрепления и расширения контактов между китайскими и советскими спортсменами.

Поездке группы советских мастеров фигурного катания предшествовали проходившие в Москве популярные соревнования с поэтическим названием «Весенние ласточки». Приехали прыгуны в воду из многих стран, но «хозяйничали» на турнире советские и китайские спортсмены, поровну разделившие пальму первенства на четырех снарядах. Мне тогда довелось побывать на одной из их совместных тренировок. Она скорее напоминала веселую игру детей, которые сожались по весеннему сол-

нышку, звонкой капли и которым не терпится быстрее излить наружу накопившуюся за зиму энергию.

Такое весеннее пробуждение после затянувшейся «зимы взаимных упреков» характерно, на мой взгляд, для сегодняшнего периода советско-китайских отношений. Заметное потепление, оттаивание льда после долгих холодов неприязни. Обоюдное стремление наверстать поскорее упущенное за столько лет вынужденного перерыва и бездействия. Жизнь в конце концов предъявила свои, свойственные нынешнему времени аргументы, заставляющие и прозреть, и мыслить совершенно иначе.

Мудра старая китайская поговорка: «Дорога в тысячу ли начинается с одного шага». Применительно к советско-китайским спортивным контактам она имеет, я бы сказал, двойной смысл, отражая два разделенных десятилетиями этапа сотрудничества. В 50-е годы мы вместе сделали этот первый шаг. Это был порыв души. Старший брат, как называли в Китае Советский Союз, по праву верного друга протянул руку помощи, и общей радостью становился каждый успех молодой республики в развитии физической культуры, большого спорта. Страну захватил всеобщий спортивный бум; богатый опыт, накопленный в СССР в физическом воспитании, подготовке высококлассных атлетов, становился достоянием китайских специалистов. Они изучали его

либо дома, либо во время учебы, стажировок, совместных тренировок и соревнований в Москве, Ленинграде, Киеве, других городах. Традиционный для Китая портрет уличного велорикши постепенно заменялся другим — образом снующего среди потока автолюбителей велосипедиста, устремленного вперед в своем движении. Спортивный Китай пробуждался, демонстрируя огромные потенциальные резервы, готовность в кратчайшие сроки занять достойное место на мировой арене.

Действительно, как все было здорово! Советских специалистов спорта встречали в Китае как желанных гостей. А во многих советских спортивных организациях и по сей день с теплотой и добротой вспоминают китайских тренеров, спортсменов, совместную учебу в институтах физкультуры, участие в соревнованиях, праздниках, фестивалях. «Нас было не разлить водой,— рассказывает трехкратная олимпийская чемпионка по фехтованию, заслуженный мастер спорта Галина Горохова.— Дружно распевая «русский с китайцем братья навек», мы в своем усердии на тренировках готовы были горы свернуть и, не сомневаюсь, одолели бы не одну вершину уже тогда, если бы...»

Из песни слова не выкинешь. Как ни печально сознавать, вдруг все нарушилось в отлаженном и проверенном испытаниями механизме двусторонних связей. Искусствен-

но возведенная стена китайской «культурной революции», другие «преобразования» стали непреодолимым препятствием на их пути, параллельно набросив путы на национальный спорт, темпы развития которого резко замедлились. Земля спортивного отчуждения не вспыхивалась долгие семнадцать лет, пока вдруг не вспомнили о другой известной восточной поговорке: «Слепота разума хуже слепоты глаз». К тому времени, правда, развитие спорта в КНР вновь стало набирать темп, но в обоюдном сотрудничестве опять пришлось начинать с первого шага, с того самого, который теперь заново открывает дорогу в тысячу спортивных ли...

Сегодня эта дорога куда более «загружена», чем в момент восстановления движения, хотя, как остроумно заметил товарищ Ли Мэнхуа, «не достигла еще своей полной пропускной способности». Но все-таки почти 80 делегаций в 1988 году против всего трех делегаций в 1982-м, когда было покончено с периодом спортивной конфронтации и предприняты совместные усилия для возобновления конструктивного спортивного диалога Москва — Пекин. Иными словами, объем связей возрос в 26 раз, охватив ныне контакты в 18 олимпийских дисциплинах! И это всего за 7 лет. КНР сейчас снова можно отнести к числу наиболее стабильных спортивных партнеров СССР, да и в общем объеме ежегодных международных

спортивных связей Советского Союза Китай занимает все большее место.

— Я доволен тем,— говорил мне товарищ Ли Мэнхуа,— как мы вместе осуществляем намеченную программу действий. Наши связи в физической культуре и спорте развиваются динамично, по нарастающей, отвечая национальным чаяниям.

Последние слова руководителя китайского спорта привлекли мое особое внимание, и я попросил расшифровать их подробнее. Выяснилось, что ныне на спорт в КНР возлагают надежды как на могучую социальную силу, которая способна в настоящее время пробудить интерес людей друг к другу, объединить, заставить изменить представление, ибо сейчас это одна из тех областей, где тесно переплетаются аргументы разума и порыв души. Не случайно в республике все чаще советско-китайские спортивные контакты оцениваются как весьма позитивный фактор для нормализации межгосударственных отношений в целом. Естественно, и в советских спортивных организациях сегодняшняя ситуация, изменение спортивной дипломатии рассматриваются как возвращение к старым добрым временам и традициям.

Дань этим временам и традициям — сохранение в принципе многих форм и направлений сотрудничества тех, не омраченных конфронтацией, лет. По-прежнему, например, велик в Китае спрос на совет-

ский опыт, а также на наших специалистов, за которым стоит уважение к советской школе высшего спортивного мастерства, методике организации учебно-тренировочного процесса, словом, ко всему, что может обеспечить подготовку на олимпийском уровне. Но нельзя не заметить, что само это сотрудничество тоже поднялось на качественно иную ступень, его характер значительно изменился и все это связано с ростом престижа китайского спорта в международном спортивном и олимпийском движении, с его успехами на Олимпийских, Азиатских играх, других крупнейших соревнованиях.

Вспоминаю один свой разговор двухлетней давности с известным советским специалистом по прыжкам в воду Анатолием Ларюшкиным. Он состоялся после розыгрыша Кубка Европы-88, в канун Олимпийских игр в Сеуле. Комментируя результаты состязаний, Ларюшкин подчеркнул, что континентальные соревнования сейчас уже проходной этап для Елены Мирошиной, Владимира Тимошинина и их товарищей по сборной СССР.

— Ваши слова надо понимать в том смысле, что у советских прыгунов нет достойных соперников. Значит ли это, что в Сеуле им гарантированы медали?

— Ни в коем случае. Сейчас мы едем в Китай, и там прояснится, кто есть кто. На мой взгляд, лучшей проверки не придумаешь.

Вот как меняются времена! На месте Ларюшкина могли быть многие его коллеги из других видов спорта...

В ряде видов спорта Китай сейчас располагает мастерами и командами самого высокого класса, способными претендовать на победу в состязаниях любого ранга. Особенно сильны китайцы в настольном теннисе, бадминтоне, волейболе, прыжках в воду, спортивной гимнастике. Улучшились их результаты в баскетболе, футболе, пулевой стрельбе, стрельбе из лука, легкой и тяжелой атлетике и многих других видах.

Все это подтверждено 28 олимпийскими медалями севильского образца. А вот другой, не менее важный факт, заставляющий сегодня в принципе иначе взглянуть на советско-китайское сотрудничество в области физической культуры и спорта. Председатель Комитета по физической культуре и спорту КНР Ли Мэнхуа по-прежнему признает за советским спортом роль путевода по сложным лабиринтам, ведущим к подъему спортивного мастерства во многих дисциплинах, и не случайно в протоколах обмена по просьбе китайской стороны круг этих дисциплин постоянно расширяется. Контакты в форме совместных сборов, семинаров с участием советских тренеров распространяются на хоккей, художественную гимнастику, фехтование, синхронное плавание, фигурное катание, акробатику, классическую борьбу, дзюдо. В КНР в бли-

жайшее время ждут прогресса, появления новых громких имен в этих видах.

Галина Горохова, не так давно вернувшаяся из Китая, готова подтвердить все это. «В Нанкине, Цзяньзине и других городах, где довелось побывать,— рассказывала она,— мы не раз слышали о пользе совместных тренировок и товарищеских состязаний. Китайские коллеги были за то, чтобы такие встречи продолжались и дальше. Это позволило бы их подопечным прогрессировать во всех видах оружия, иметь сильные команды рапиристов, шпажистов и саблистов».

Вместе с тем верно и то, что уже «накопилось» достаточно видов, где и советским спортсменам не зазорно поучиться у китайских коллег: все-таки за последнее десятилетие китайцы установили свыше 100 мировых рекордов, а 250 посланцев республики завоевали звание чемпионов мира! Принципы равного партнерства призывают, в частности, наладить на паритетных началах обмен высококвалифицированными тренерами по настольному теннису и бадминтону, где позиции советского спорта, в отличие от китайского, куда менее сильны; обоюдную пользу может принести обмен специалистами в спортивной медицине, биомеханике, техническом оснащении тренировочного процесса и т. д., где китайские эксперты тоже значительно преуспели. Недаром же в Китае спорт нередко считают витриной научно-технического прогресса.

Сегодня можно открыть и немало других веских причин, обусловивших активизацию после долгого перерыва советско-китайского спортивного диалога. В частности, это сходство проблем, решаемых сейчас в обеих странах. Они касаются экономических реформ, связанных с серьезными преобразованиями: ведь и в СССР, и в КНР освежающий ветер перемен, перестройка не миновала физическую культуру — ее ныне стремятся поднять на уровень задач, которые стоят перед народным хозяйством. Стимулом же в этом движении навстречу друг другу являются слова Михаила Сергеевича Горбачева, который, отвечая на вопросы редакции журнала «Ляован», сказал: «Китай — наш сосед, и мы испытываем удовлетворение по поводу набирающего обороты взаимовыгодного сотрудничества в области экономики, культуры, науки, образования, спорта».

Пора обновления вызывает к жизни, заставляет искать новые формы взаимной деятельности. «Культурная революция» в Китае, отбросившая почти на десять лет развитие спорта в стране, оставила в наследие стереотип, будто все китайцы на одно лицо, все — в одинаковых одеждах. Сегодня подобное не услышишь и не увидишь. Как раз улицы городов привлекают пестротой и разнообразием моды, и в эту красочную палитру хорошо вписываются яркие тона спортивных костюмов.

Китай сегодня явно преуспел в спортивной индустрии — в производстве инвентаря, оборудования, других необходимых товаров. Продукция фабрик «Две рыбы», «Две монеты», фирм «Илилян», «Мейхуа» — ракетки, мячи, спортивные куртки, обувь, трикотаж, исчисляемые миллионным «тиражом», охотно раскупаются в США, Японии, странах Западной Европы, не говоря уже о том, что ими насыщен внутренний рынок. Но известно, сколь велика пока потребность в этих товарах в Советском Союзе: собственная спортивная промышленность еще не в состоянии полностью удовлетворить растущий спрос. Так почему бы не сконцентрировать усилия и средства и, создав на территории СССР соответствующие совместные предприятия, не наладить выпуск спортивной продукции? Сотрудничество в спортивной экономике, несомненно, может быть обоудовыгодным, а сам факт создания подобных предприятий стать реальным откликом на хозяйственную перестройку в обеих странах, одним из проявлений международной производственной интеграции.

Предложение, внесенное советскими специалистами, ныне изучено и практически проработано в министерствах легкой и текстильной промышленности КНР. Госкомспорт РСФСР предложил свои услуги в качестве компаньона в строительстве завода в Благовещенске с надеждой удовлетворить спрос на добротную

спортивную одежду в новом пятилетии.

Пожалуй, подобный оптимизм следует отнести и к контактам в такой специфической области, как проектирование и эксплуатация спортивных сооружений, самофинансирование спорта на местах, совершенствование хозяйственного механизма физической культуры. Советские специалисты уже проявили настойчивость в изучении китайского опыта, обнаружив в нем, прямо скажем, немало ценного. Теперь они готовы оказать всяческое содействие китайским коллегам, разработать вместе с ними нормативы обеспеченности спортивными объектами китайских городов и поселков, познакомить с разработками советских экспертов по спортивной технологии, экономической, деятельности стадионов, других сооружений.

Нельзя не согласиться с товарищем Ли Мэнхуа, что советско-китайскому сотрудничеству становится, пожалуй, тесно в нынешних рамках.

Что же в таком случае дальше? Как говорится, дальше — больше. Подписанный советским и китайским министрами спорта Протокол придал сотрудничеству еще большую усугубленность, вывел его на качественно новый виток. Потребность расширить спортивное общество выражена в нем в обоюдном согласии по-настоящему завязать отношения в спорте между соседями — приграничными районами; партнеры здесь от СССР — Хабаровский и Приморский

края, Казахская и Киргизская ССР; от Китая — Синцзяно-Уйгурский автономный район и провинция Хэлуцзян. Инициативу установить такие контакты, принадлежащую советской стороне, китайская сторона не только одобрила, но и предложила намеченные вместе мероприятия включить в общий план межгосударственного спортивного обмена. Прецедент есть: традиционные встречи атлетов советского Дальнего Востока и японского острова Хоккайдо.

— Мы, я думаю, пойдем намного дальше, — сказал мне товарищ Ли Мэнхуа. — Мне, например, очень нравятся идея провести во Фрунзе советско-китайский фестиваль дружбы и спорта, прямые контакты приграничных районов в обменах командами, тренирами, специалистами, в поставках инвентаря и оборудования.

Наведенные общими усилиями мосты советско-китайского спортивного сотрудничества проходят серьезную проверку временем, так же как торговля, экономические, научные, культурные связи. Непросто сразу восстановить атмосферу полного доверия и дружелюбия. Но несомненно и то, что спортивные делегации из СССР, которые имеют возможность «проникать» в такие районы, как Харбин, Чанчунь, Шэньян, провинции северо-востока, где советские люди пока редкие гости, оказывают ощутимое воздействие на китайскую общественность, формируя позитивное отношение к Советскому Союзу. Процесс

этот необратимый, и ему больше не грозят превратности судьбы.

Конечно, не все идет гладко, влияние застойного периода еще ощутимо, однако каждый раз логика заставляет находить компромисс, что в политике тоже дает свои плоды. И уже не только «наигранные комбинации» — традиционные, апробированные еще с 50-х годов, направления спортивных связей дают свои плоды. Ощутимый результат приносят и поиски новых форм развития отношений. Безусловно, эффект может и должен быть больше. Один из сдерживающих факторов — отсутствие общего Соглашения о принципах спортивного сотрудничества, которое охватило бы и юридически узаконило весь спектр возможных вариантов контактов, существующих в международной практике, могло бы скоординировать действия при поисках решений ряда острых проблем, имеющих сейчас в международном спортивном и олимпийском движении.

Но так или иначе в советско-китайском спортивном сотрудничестве дохнуло весной обновления. Над ним все ярче сегодня светит солнце. Оно высушило ту самую дорогу в тысячу ли. «Дорогу взаимного признания и самую короткую — гласит еще одна мудрость Востока — если люди идут навстречу друг другу».

КУН ЦЗЕШЭН

ПЕКИНСКИЙ МАРАФОН *

Рассказ

Фирменные кроссовки «Боясьяну» возбужденно «пляшут» на гранитных плитах, белыми клочками вырывается изо рта учащенное дыхание. Над головой — распахнутая синь, под ногами — как осенний небосвод, необъятная Тяньаньмэнь — площадь Небесного покоя. Он в Пекине! Будто стянутые единой долевою нитью, бегут вдаль сверкающие глазурью крыши величественных дворцов. Ему кажется, он ощущает дух могущественной империи.

Но не время грезить о древности. К линии старта уже подруливает машина телевидения. Словно чуткий африканский сайгак, легко пружинит на месте высокий негр; за красными майками китайских бегунов виднеются развевающиеся по ветру золотистые волосы. Туда и нацеливается объектив телекамеры — это серебряный призер Олимпиады, шведский рекордсмен Мартисон. Он видел недавно в «Спорте» фотографию шведа, писали, что в марафоне соперничать с этим безусловным лидером смогут лишь японцы и австралийцы.

Миновав ограждения и затесавшись в толпу спортсме-

* Перевод с китайского З. Абдрахмановой. — Прим. ред.

нов, он предусмотрительно держится подальше от телекамеры, скрывая нестандартный номер на майке. Он боится приближаться и к седому старику в серой форме. Это довольно известный журналист, лицо которого частенько появляется на телеэкране. Старик — заядлый бегун и постоянно участвует в марафонских забегах. Пожалуй, лучшего прикрытия, чем безвестный спортсмен негр, ему не найти.

Близится минута старта. Вытягивая шею, он беспокойно озирается по сторонам, ища и не находя ее. С обеих сторон надвинулись ряды болельщиков, их бесчисленные лица сливаются в неясное пятно. Она где-то там, позади людской стены, сегодня и ее ждет необычное испытание.

Машина телевидения выезжает метров на десять вперед, оператор торопливо крутит объектив, наводя резкость. Спортсмены начинают выстраиваться на линии старта, он встает где-то позади. Все замерли. Мгновение тишины — только посвист ветра в ушах. Отливающий серебром пистолет медленно поднимается над головами сотен спортсменов.

Он вытягивает в себя холодный воздух — начинается! И не сразу понимает, что раздался выстрел: это больше походит на хлопок пробки кока-колы. Негр, вдруг резко выпрыгнув вперед, словно черный угорь, ввинчивается в гущу красных маек. Раздались, слившись в общий неясный гул, крики бо-

лельщиков. На огромной площади спортсмены кажутся тесно сбившейся стайкой рыб, а он — почти в самом ее конце. Рядом неторопливо бежит старик с невозмутимым видом человека, совершающего обычный моцион. Ну и марафонец! Бежать рядом с таким — стыда не оберешься. Скорей оторваться! Он устремляется в образовавшийся впереди небольшой коридор и, слегка поднажав, быстро обходит старика.

«Уважаемые телезрители, сегодня мы ведем прямой репортаж с международного марафонского забега. Спортсмены делают круг по площади Тяньаньмэнь, затем пройдут по улицам Пекина и финишируют снова на центральной площади...»

В едином ритме сотни кроссовок взлетали вверх и опускались на каменные плиты. Миновали Дом народных собраний. Спортсмены разделились на три большие группы; он бежал где-то в середине и пока не хотел спешить. Мелькнул и остался позади огромный герб на здании Дома народных собраний. В центре площади, словно маяк или гигантская мачта, высится памятник народным героям. Эта обширная площадь, кажется самая большая в мире, — символ Китая. Судьба страны, да и его собственная, подумая он, вершится не в Доме народных собраний, а самой площадью

Тяньаньмэнь. Сотни столетий оставили здесь свой след... Он смотрел вокруг с каким-то новым чувством, не глазами туриста, а как участник ее истории.

Стоило немного отвлечься, как сразу сбилось дыхание, замедлился темп. Приближались к воротам Чжэньян — Истинного света. Толпы зрителей здесь стояли особенно близко. Их шумные выкрики, шелест сотен флажков из желтой бумаги заглушали топот бегущих ног. А самые ярые болельщики там, за этой людской стеной: парни, в жилах которых играет и просит выхода юная сила, оглушительно крича и сигналив клаксонами, неслись на велосипедах вдоль трассы марафона. И она там, среди них. Каким-то чутьем он угадал, что она где-то близко и выкрикнул ее имя, но голос его, словно пущенный в море камешек, пролетел, подскакивая на волнах людского шума и гама, и, булькнув, ушел на дно. Но она-то видела его, конечно.

Опьяненный этой мыслью, он невольно прибавил шагу, он уже не бежал, а будто парил над землей. Расстояние до группы спортсменов, возглавлявших забег, стало заметно уменьшаться.

...Всплыли в памяти волейбольная площадка, болельщики, исступленно барабанившие по жестяным коробочкам для еды. Играли философский и исторический факультеты. Ребята с исторического вели в счете, они радостно вопили, что в их лице побеждает сама

вечность — тысячелетия истории, которые сами по себе величайшая философия и поэтому заткнут за пояс любую науку философии. Команда философов была и вправду слабовата, в ней выделялась одна девушка. Он помнит, как она выскочила вперед, пытаясь догнать мяч, разогнулась пружинкой, взлетела вверх, но не дотянулась и тяжело упала на бетонный пол, совсем близко от него... Алая кровь, белые бинты, желтое лицо... и незабываемый миг ее вдохновенного рывка.

«На экранах ваших телевизоров — группа спортсменов, возглавляющих марафон, среди них есть и китайцы. Впереди всех негритянский бегун, за ним следует швед Марти-сон...»

Он настиг их возле Исторического. Величественный, словно храм, музей отступил назад. Разумеется, это он сам летел вперед, музей оставался недвижим, как и хранящееся в нем прошлое — вечно исчезающее и никогда не уничтожимое.

Перед глазами замелькали чьи-то густо усеянные каплями пота ноги в желтых кроссовках. Он догнал желтые кроссовки и вонзился в самую сердцевину лидирующей группы. Его окружили звуки тяжелого сосредоточенного дыхания, шорох ткани, трущейся о бедро. Он с любопытством оглядел китайцев, бежавших с

озабоченными и строгими лицами, словно совершавших тяжелый и важный труд. Прикинув расстояние, отделявшее его от золотоволосого шведа, он решил, что на втором круге обойдет рекордсмена.

Свернули на улицу Чень-аньцзе, и он снова увидел ее: она старательно крутила педали и махала ему рукой. Это был и ее марафон. Мало кто из девушек сможет пройти на велосипеде без отдыха больше сорока километров, в ней же он ни секунды не сомневался.

Начался второй круг. Он ринулся вперед, будто в штыковую атаку. Довольно быстро вышел в переднюю шеренгу. Обгоняя шведа и негра, поймал на себе их изумленные взгляды, он понимал, конечно, что это не стометровка, а марафон, но остановиться уже не мог. Со стороны казалось, он пытается настичь машину телевидения. Ошеломленный оператор лихорадочно менял фокусировку.

«Вперед вырывается китайский спортсмен под номером 228, сейчас мы выясним и сообщим вам его имя. В Пекине 8° С — это идеальная температура воздуха для забега. Но, к сожалению, поднялся сильный ветер, синоптики предсказывают в ближайший час его дальнейшее усиление...»

У одной из башен он обернулся. Длинной цепочкой рас-

тянулись спортсмены по периметру площади. Негр поднажал и тоже оторвался от группы, а высокий швед невозмутимо держал прежний темп. Седого старика он увидел возле Исторического музея, тот казался песчинкой, отнесенной ветром далеко назад.

Бежалось легко и свободно, и он все наращивал темп. Прозрачный ветерок пекинской осени, обвевая плечи, подталкивал в спину. Возле ворот Синьхуа его разрыв с лидирующей группой достиг ста метров. Это внесло смятение и раскол в группу болельщиков-фанатов на велосипедах, многие не знали, следовать ли по-прежнему за шведом, остаться верными мировой звезде или рискнуть и поставить на темную лошадку — отчаянного парня, безрассудно рвавшегося вперед.

Вот сейчас он увидел ее совсем близко и мог различить мальчишескую стрижку, развевающуюся будто сигнальный флажок за плотной стеной зрителей. Она, видимо, сегодня нарочно надела огненно-красную куртку, хотя сейчас та почти неразличима на фоне темно-красной дворцовой стены. Похоже, кричит ему что-то, но слов не понять, не пробиться через шумовой заслон — коридор зрителей вдоль дороги вопит в полном исступлении:

— Китай! Китай!

— Жми-и!

Орущая и беснующаяся Чень-аньцзе — улица Вечного спокойствия.

«Впереди по-прежнему китайский спортсмен под номером 228. В списке соревнований под этим номером значится хорошо известный китайский стайер из Юньнани. Значит, в забеге оказалось два участника под одним номером...»

Он держался около машины телевидения, на лицах телевизионщиков ясно читались разноречивые чувства — восторга, удивления, сомнения. Майка намочла от пота, но он не чувствовал усталости, дыхание оставалось чистым, нестесненным.

Снова, будто красное облачко в море желтых флажков, мелькнула перед глазами она...

— Может, съездим в Пекин?

— Давай. Когда?

— В этом была она вся — решительная и прямодушная. Самые запутанные и сложные философские вопросы становились у нее простыми и ясными.

За плечами негра мелькали аккуратно остриженные головы — это были японцы, не желавшие ни в чем уступать другим.

Но дышать становилось трудней, перед глазами кружили тяжелые пятна. Серебристые тополя на обочинах дороги роняли скрученные листья, хрустящие под кроссовками.

Ярко-красное пятно просвечивало в толпе, двигаясь параллельно с ним, он видел

энергичные взмахи ее рук. Когда же кончится эта широченная улица, хоть самолет сажай! Он плохо знал Пекин и слабо представлял, где проходит трасса.

Затрудненное дыхание подсказывало близость физиологического порога. Так было и в прошлый раз, когда он бежал десять километров, надо было перешагнуть через это, и дальше все придет в норму.

Вообще, она терпеть не могла скучнейшие забеги на длинные дистанции, больше увлекалась игровыми видами. Как-то раз спросила:

— Как ты пробежал десять километров?

— А! — махнул он рукой, — не вошел и в десятку.

— Да, слабовато.

— Понимаешь ли, у меня особое строение мышечного волокна, я могу развивать высокую скорость, но не выносив.

— О небо! И ты собираешься бежать марафон?!

— А ты занимаешься философией, женское ли это дело?

— Поэтому и пошла на философский! — задорно ответила она.

— Вот и мне хочется рискнуть, испытать себя.

Потом и она загорелась его идеей, даже сама нашла ему номер на майку. А сейчас, похоже, вошла во вкус монотонного марафона, как и раньше — своей абстрактной философией.

Майка намочла и отяжелела от пота, пластырем прилипла к спине. Он пощупал, и

пальцы окрасились в красный цвет — потекла краска. Наверное, он похож сейчас на истекающего кровью раненого.

Он был еще впереди всех, у Дворца национальных культур, но какая-то тень упорно шла по пятам, увы, — не его собственная.

— Китай!

— Давай!

Бушевали болельщики, бесновалось море желтых флажков, тянувшееся вдоль улицы, уходя в темно-голубую даль.

«Впереди по-прежнему спортсмен под номером 228. Нам не удалось установить его имя, будем пока называть его номер 228А. Вы видите его настигает негритянский бегун, очевидно, борьба развернется на седьмом километре...»

Он ощущал близость кризиса, грудь заклинило, стало больно дышать, он пытался развести плечи, расправить грудь, но сухой осенний ветер обрывал белую струйку дыхания.

Спину ритмично обдавало горячим дыханием. Он рвался и не мог уйти от настигающих шагов, это бесило, сбивало с ритма. Вдруг сопение позади резко участилось, засуетился у камеры оператор — наступил решающий миг. Исступление зрителей достигло апогея, казалось, крики сотрясают небо и землю, но в нем самом откликаются лишь горечью бессилия. Он еще пытался справиться с дыханием, но

мгновение — и что-то черное, усыпанное каплями пота, сверкнуло и пронеслось мимо, только ослепительно блеснули зубы в широко раскрытом рту. Оружие ряды болельщиков начали стихать, толпа обмякла, словно шар, из которого со свистом выпустили воздух.

Мимо, точно стайка рыб, метнулось несколько желтолицых пятен в белых майках. Это японцы — с самого старта держатся кучкой, как всегда демонстрируя социальную спайку.

Откуда-то появилась девочка в белой шапочке, сунула ему бумажный стаканчик и тут же исчезла, успев выкрикнуть: «Жми!»

Освежающая струя ледяной воды оросила пересохшее горло, и сразу полегчало. Он видел, все так же, без малейшего напряжения, бежал долговязый швед, спокойно и деловито держалась вся группа скандинавов. А китайцы растянулись, рассеявшись по всей змеящейся цепочке, и каждый боролся в одиночку.

В слепящих лучах заходящего солнца словно видение возникла она — что-то кричит, он не сразу догадался, что она говорит на общем языке всех болельщиков:

— Нажима-а-ай!

Он улыбнулся ей как можно бодрей и, словно отвечая, прибавил скорость: похоже, кризис миновал, он опять ощущал себя хозяином своего тела. Навстречу клокотал поток скандирующих болельщиков, под резкими порывами ветра колыхались бумажные флажки.

У обочины он увидел знакомый почтовый ящик. Там дальше, в глубине переулка, есть маленькая гостиница, где во дворе чахнет старая ива.

В узких комнатах с низкими потолками гулял сквозняки; в складах измятых влажных простынь, дурно пахнувших одеял наверняка прятались насекомые, но им все было ни почем. Они только что кончили университет, в карманах пусто, но зато они молоды! Обнявшись на постели, они забыли обо всем на свете. Это было словно упоительный бег-полет на открывшемся втором дыхании — возможно ли такое подчинить запретам морали! В почтовый ящик он опускал открытки, рассказывая друзьям о своей сумасбродной идее, именуя ее планом темной лошадки, но никому не выдал их тайны — до свадьбы еще далеко...

Японцы все ближе, уже различимы номера на майках. Только вот никак не оторваться от долговязого шведа, следующего упорно шагах в десяти от него. Наконец он догадался, не без некоторой гордости, что стал для того своеобразным ориентиром времени и скорости. Все меньше расстояние до машины телевидения, он видит уже красные цифры на электронном табло, похоже, он побил студенческий рекорд на дистанции десять километров. Жаль, он уже не студент, теперь у него иная цель.

Он поймал себя на том, что безотчетливо ищет ее глазами, смутно ощущая потребность

видеть ее перед новым рывком. Набрал в легкие побольше воздуха... и ринулся вперед. Расстояние с японцами начало неуклонно сокращаться. Сразу мощным шквалом взметнулись крики и рукоплескания зрителей.

Он понял, что снова вырвался вперед.

«Вы видите, как номер 228А снова бросается в атаку, упрямо борясь за лидерство. Вот он обходит негритянского и японского спортсменов и снова оказывается первым!..»

Он не слышал победной музыки, зазвучавшей в эфире, но, глядя на махавшего руками оператора в наушниках, догадался, что в этот миг его изображение появилось на миллионах телеэкранов. Вот он вождельный миг славы! Осязаемо представилось ему изумление родных, гордость друзей, восхищение людей незнакомых.

Это длилось не более пяти минут. Вдруг резкая боль пронзила мышцы обеих ног. Подступило удушье, он задыхался. Тысячекратно усиленные звучали в голове шаги нагонявших — топотом табуна лошадей, бешено мчавшихся по кругу гигантского барабана. Напрягая все силы, он заставлял ноги двигаться быстрее — надо уйти от погони. По обочинам дороги набухал гневный рокот, черной волной поднимался поток улицы, грозно обрушиваясь на отвесный бе-

рег. Начиная разбег с низшей ноты, звуковая волна взмывала в бесконечность. Казалось, взорпил разом весь Пекин, всколыхнулись горы, содрогнулась земля. Подхваченный этой стихией, он выкладывался без остатка. Потом этот момент назовут самым драматичным в марафоне.

Все кончено, он проиграл. В мареве скачущих искр пронесся черный сайгак, вслед проплыли золотистые волосы на высоко поднятой голове. Через несколько минут мелькнули и остальные, но ему это было уже безразлично. Он понял, что сил для нового рывка ему не найти. Подступающая дурнота казалась преддверием всеобщего коллапса, сузились границы видимого мира, подступил мрак. Он замедлил ход по инерции суматошно рвавшихся вперед конечностей. В этот момент чья-то рука протянула ему сразу два бумажных стаканчика, он не стал пить, вылил их на голову, и в глазах немного посветлело. Он увидел впереди удаляющиеся спины.

«Шведский рекордсмен Мартисон лидирует, в двухстах метрах от него следует негритянский спортсмен...»

Похоже, дыхание открылось, можно перейти на бег. Как жаль, что в безрассудном рывке истратил силы, которых достало бы еще километров на пятнадцать, не меньше.

Словно ветер пронеслась перед глазами красная майка: 228-й номер. Юньнаней взглянул на него — как будто с сочувствием и даже с ободрением — и широкими шагами умчался прочь. Впереди слышался гул приветствий, взрыв аплодисментов.

Один за другим бежали мимо люди с разными оттенками кожи, исчезая вдаль.

— Эй, темная лошадка, как дела?

Какой знакомый голос. Он был заточен в толстый кокон, свитый нитями смертельной усталости, глухого отчаяния, и звуки внешнего мира с трудом проникали внутрь.

Она стояла у обочины, придерживая велосипед. Уловив в ее голосе тревожную ноту, он с усилием раздвинул в улыбке губы. Как и в сотнях пар возбужденных глаз вокруг, в ее глазах светилась жажда преклонения перед героем, восторга победителем, овеванном, хоть и минутной, славой.

Все люди одинаковы.

Шаг выровнялся, но о новом рывке нечего было и думать. Но разве ему нужна была победа? Ведь золотая медаль одна. Нет, уже в том, что он бежал, таился высочайший смысл, и главное было — выдержать до конца. Впереди еще больше половины пути, надо отогнать все постороннее, сосредоточиться на одном — бесконечной ленте дороги.

Еще кто-то обогнал его, но он не видит, не замечает; с этой минуты он бежит свой марафон. И пусть падкая до

сенсаций, отравленная ядом идолопоклонства телекамера укатила далеко вперед.

На фоне бесконечно серой стены она вдруг промелькнула ярким, бьющим в глаза пятном. Он не успел заметить, когда исчезла темно-красная дворцовая стена, сменившись простым серым цветом. Его всегда поражало, почему в столице — городе императоров — стены уныло и однообразно серого цвета. Как это не похоже на его сверкающий всеми красками радуги юг! Сейчас, когда на фоне стены ярко вспыхнуло красное пятно ее куртки, он догадался о предназначении серого: на его фоне высвечивается густая киноварь дворцовых башен и ворот. Весь Пекин, словно это единый огромный двор, огорожен убегающей вдаль серой стеной. В обрамлении серой стены тянется и центральная улица — а у него на юге улицы полны рекламных огней, кричащих о процветании и блеске. Но и в сером есть своя притягательная сила: какое-то благородство, строгость и изящество. Но все это не соответствует ритму марафона.

Он продвигался вперед в окружении серого цвета. Не переставая, нестерпимо ныла нога, и боль ползла выше — на бедро. Вскоре она захлестнула все тело тяжелой волной. Из раскрытого рта, словно из-под сорванного клапана, рвались длинные струи пара.

Разматывавшаяся под ногами черная лента почему-то замедлила свой бег. Поток лихорадочно сменявшихся кад-

ров вдруг переключился и начал крутиться в замедленном темпе. Он как будто парил и жесты его были ирреально преувеличенными. А может, он только делал вид, что бежит, а сам оставался на месте? Но с обеих сторон качаясь отступали назад серые полосы стен, словно в луче диапроектора мелькали тополя, башни, дворики.

Он бежал отрешенный, безучастный ко всему, но, похоже, что-то попало в кроссовки и жало, отдаваясь тупой болью. Он опустил глаза и ахнул — его шикарные кроссовки расплзались! У мысков уже зияли здоровенные дыры. Его взяла досада и злость, нечего сказать, фирменный товар, называется! Майка и трусы фирмы «Геракл» тоже потеряли всякий вид — смявшись гармошкой, прилипнув к телу, свисали точно клочья обожженной кожи. Сцепив зубы, он бежал словно мученик в терновом венце.

Ряды болельщиков по обочине дороги редели, и только она, будто верная тень, не оставляла его. Иногда разжимая посиневшие на холодном ветру губы, кричала ему что-то, не различаемое для его притупившегося слуха. И она превратилась в утративший всякую реальность символ, абстрактный знак. Ему хотелось заставить ее обрести конкретность, хотелось собраться, стряхнуть оцепенение, хоть на минуту избавиться от пронзающей душу и тело боли.

...Снова всплыла в памяти тесная комнатка с окнами во

двор. Горячий кончик ее языка и приглушенный крик:

— Ты с ума сошел! У тебя завтра соревнования!

Потом спросила:

— Добежишь?

— Доберусь до финиша, даже если придется ползти!

Нет, он еще держался на ногах, но двигался точно лунатик во сне. В нем вскипало раздражение к пекинским улицам — широким и прямым, как мышление императоров и волюнтаристов. Конец улицы далеко впереди упирался в голубую пустоту, видно, она тянулась до самого горизонта. Он обречен одиноко бежать по вечно выпуклой поверхности земли — по замкнутому кругу, без цели и смысла.

Перед глазами замаячила какая-то геометрическая фигура с размытыми краями — ага, стойка с бегущими красно-белыми полосами напоминает колпак циркового клоуна. Да это поворот! — мгновенно вспыхнуло в плохо соображающем мозгу. Значит, пройдена половина пути. Остался двадцать один километр с метрами. Но какие же разные эти два отрезка в бескрайней пустыне времени.

Перед поворотом устроена площадка для краткого отдыха. Он взял губку, пропитанную ледяной водой, и протер сведенные судорогой, утратившие чувствительность мышцы бедер. Заклубился белый пар, вытягивая что-то лишнее из усталого тела.

Вперед! Это и есть марафон. Он обогнул полосатую стойку и решительно двинулся

обратно, вновь по широкой и прямой улице.

Но что это с ним? Захлебнувшись резким порывом ветра, ударившим в самую грудь, он зашелся в жестоком приступе кашля. Ветер навстречу! Путь удлинняется по меньшей мере вдвое — еще одна марафонская трасса! Кашель понемногу утихал, но резкая боль разрывала все внутри. Впервые в сознание вкралась ужасная мысль: дотянет ли?

На обочине дороги было пусто: валялись разодранные бумажные флажки, никли тополя, расплзлась мертвая желтизна опавшей листвы. Одна за другой приметы складывались в тоскливое предчувствие, финиш проваливался в бездну и переставал существовать.

Снова появилась она — в момент кризиса, на изломе сил, словно дух в красной оболочке, она воздействовала на него необъяснимой магической волей, философские рассуждения здесь вряд ли имели силу.

— Может, все напрасно?

Он сам испугался этих слов, произнесенных странным чужим голосом.

Что-то мягкое и влажное скользнуло в ладонь — очищенные мандарины! Полужидкая кисловатая масса смочила саднящее горло, наполнила рот слюной, сразу немного прояснилось сознание, и ожили угасшие было чувства — он опять ощутил невыносимую усталость и страшную боль.

Но он бежал, и вернувшееся сознание подсказало,

что давно никто не обгоняет его, наоборот, он догоняет и обходит кое-кого. Некоторые из них не бежали, а шли, едва волоча ноги, другие прямо сидели у обочины дороги, поджидая машину с красным крестом. Вон один сидит, как расслабленная гора мускулов, выставив напоказ разутые ступни ног, а на них будто молящие о пощаде и милосердии кровотокающие волдыри. Он отвернулся с ощущением гадливости и со всех сил кинулся прочь! И все же не удалось убежать от страшной догадки: наверняка и он стер ноги в кровавые волдыри! Каждый раз, когда пальцы через ощерившиеся кроссовки касались асфальта, боль отдавалась скрежетом по натянутым нервам. Он боялся взглянуть на свои ноги, боялся опуститься и поправить сбившийся на кроссовке язычок, не потерять бы только что обретенное шаткое равновесие духа. Вид дезертиров, сломавшихся на полпути, разбудил в нем ярость и вместе с ней липкий страх — не ждет ли вскоре это и его? Он продолжал обгонять бледных, бессильно согнувшихся, еще бежавших, но явно теряющих последние силы.

«Уважаемые телезрители, вы видите шведского бегуна Мартисона, который, миновав ворота Цяньмэнь, первым вышел на площадь Тяньаньмэнь. В полукилометре за ним следуют два японца. Негритянский спортсмен, до этого показывавший блестящие резуль-

таты, очевидно, не рассчитал силы, он отстает и, похоже, не в состоянии продолжать борьбу...»

Он едва дышал, словно рыба, лишенная воды. Сухой и резкий ветер поздней осени безжалостно хлестал по груди, врывался в спекшуюся глотку. Кажется, у него оставался еще один мандарин. Он разжал руку, но увидел, что к ладони лишь кое-где прилипли желтые волокна, и только между пальцами осталось немного мандариновой мякоти. Изнурительный и жестокий путь, наверное, еще суровей того, что прошли легендарные герои нации. Боль все усиливалась, выжигая внутренности. Внезапно она разрешилась приступом рвоты: не успел он опомниться, как на черный асфальт, желтую листву хлынула мутная струя.

Над ухом послышался мягкий голос, холодная ладонь, обжигая, легла на разгоряченное плечо. Он понял — это она и захрипел с нечеловеческим усилием: «Не прикасайся! Правила! Нарушаешь правила, понимаешь?» Рука отдернулась, но встревоженный мятущийся голос все вился и кружил. Кажется, плачет. Но ему не до того. Как только чуть отпустила выкручивающая боль, затрусил вперед, но не пробежал и пятидесяти метров, как его снова настиг приступ рвоты, и он согнулся пополам, хотя и рвать уже было нечем.

Подлетел мотоцикл, что-то бубнили в мегафон. Но все си-

дящие и лежащие фигуры вызвали в нем холодное бешенство. Бежать!!! Подлетела карета скорой помощи и медленно поплыла рядом. В окошках маячили странные фигуры в белом, на лицах — гримаса вселенской родовой муки, в глазах — лицемерное сострадание. Ужаснулся: неужели конец?! Откуда-то взялись силы: дрожавшие, без памяти проваливавшиеся в пространство ноги внезапно окрепли, земля обрела прочность. С отъезжающей кареты на него с тоской и цинизмом глянули бегуны в красных майках. Трусые! Предатели! Прыгайте вниз!

Желчью и гневом стегая по выходившим из повиновения нервам, он бежал — одинокий и отчаявшийся.

«Близится самый острый момент наших соревнований. Спортсмены готовятся к финальному рывку. Начали ускорение японские бегуны, пытаясь настичь Мартисона... расстояние между ними стало сокращаться... 50 метров... 30... Финиш! Мартисон финиширует с результатом 2 часа 25 минут. Вероятно, результат мог быть лучше, сегодня спортсменам сильно мешал ветер, достигавший четырех-пяти баллов...»

Ворота Сибяньмэнь — Удобство запада, от старинных ворот осталось одно название. С обеих сторон — слепые стены многоэтажных домов, кичливая современность насту-

пает на древний город. Она наваливалась на него, ударяя в бок порывами сквозняка. А в лицо бил осатаневший ветер. Обрывалось дыхание, он едва держался на ногах. Пудовая тяжесть придавила, согнула пополам, заставила с бега перейти на шаг. Он шел спотыкаясь, словно больной, не вполне оправившийся после инсульта — тяжело волоча ноги, хрипло дыша криво раззявленным ртом. Стоило ему сделать попытку перейти на бег, как порыв мгновенно звереющего ветра валил его с ног. Если же он трусил, почти оставаясь на месте, — ветер-самодур сменял гнев на милость. Сознание снова медленно гасло, а тело, казалось, вот-вот, развалится на мелкие части. Неужели он таким вернется на Тяньаньмэнь?! Закусывая губы, он пытался сделать рывок, но все тщетно. Видно, не судьба. Но надо двигаться хоть как-нибудь, остановишься — там и упасть недолго.

«Вы видите, как финишную прямую пересекает китайский спортсмен под номером 228. Он восьмой! На девятом месте — спортсмен из Кореи, на десятом — тоже китаец. Уже второй раз китайские марафонцы входят в десятку лучших на международных забегах в Пекине. Это говорит о немалых успехах наших бегунов. На этом мы завершаем репортаж, спасибо за внимание».

Он увидел ее — шла пешком, толкая велосипед. Марафон заканчивался, автобусы на стоянке заводили моторы, готовясь вернуться на наезженные маршруты.

— Эй, парень, не позорь свою страну!

— Не за свое дело взялся, сидел бы дома, носы детям подтирал!

— Хорошая собака не встанет посреди дороги!

— Когда же это кончится?!

Язвительные реплики и ехидный шепоток ползли с перекрестка, где с обеих сторон пешеходной зебры скопились прохожие, ожидавшие, когда откроют движение. Многие нервничали, сетуя на затянувшееся соревнование. Столько людей должны дожидаться, пока мимо пробежит один, да он еще и едва тащится!

«Разве не мне вы недавно рукоплескали! — злобно подумал он. — Разве не я доставил вам минуту упоения национальной гордостью? Вы хлопали и подбадривали меня, а теперь, когда мне тяжело и одиноко, холодно и враждебно, отворачиваетесь. Одно слово — толпа! Тщеславная и безжалостная!»

Наверняка и она, обходя толпу соотечественников, слышала презрительные словечки. Как всегда, вспышка гнева подстегнула остатки сил, и он побегал снова. Ядовитые стрелы шелестели вслед, возле переходов и перекрестков таились засады злопыхателей, обрушивавших на него кипящее раздражение, колкие на-

смешки. Но странно, обидные реплики стали перемежаться аплодисментами, интересно, кому?

Силы снова начали иссякать, нет, он не мог больше бежать. Опустив плечи, сгорбившись, он ковылял, с трудом подтаскивая ноги. За спиной послышался чей-то мерный шаг. Он произвольно обернулся.

Это был старик — бежал размеренно, спокойно, с тем же невозмутимым видом, что и на старте. На серой майке, сливавшейся с серыми стенами, не было заметно пятен пота, он был преисполнен достоинства и веры в себя. Ни тени волнения, спешки. Крики и восторги публики явно относились к нему. Его приветствовали, как будто на сцену самодеятельного театра вышел настоящий мастер. Старик уже в десяти метрах от него.

Надо бежать! Он оттирал ноги от земли и швырял их во встречный поток воздуха. Скорей! Будто по пятам, жалась тень несчастья.

Злобный шепот прямо за его спиной сменялся на аплодисменты и крики ободрения. Значит, ему не удавалось оторваться от крепкого старика. В груди что-то жгло и теснило, комком подступали к горлу злоба и стыд. Теперь это уже не только его марафон. Если он не обставит этого старика хоть на километр, он опозорит сегодняшнюю молодежь.

Он неслся вперед, но видно только в своем воображении. На его пути непреодолимым

препятствием легла полоса перемежающихся шепотков и шумных рукоплесканий. Наверное, так же ведет себя толпа, глазеющая на приговоренного к казни, когда того водят по улицам. Нет, он не вынесет этого, шаги старика неумолимо приближались — он надвигался на него, ходячий символ долголетия и счастья, реклама оздоровительного бега трусцой.

Очертания домов, кроны деревьев сливались в неясное пятно, улица с потерпевшими крах листьями — в мутно-желтый поток реки. Он потерял ощущение времени и пространства: перед глазами все плыло и плавилось в преддверии вселенского коллапса. Определенно было только одно: он бежал.

Крупнейший международный марафон, за которым наблюдали зрители всего мира, обратился в жесточайшую схватку молодого парня и старика. В оцепеневшем мозгу мелькнула странная догадка — старик негибает. Нет нужды оборачиваться, старик совершенно спокойно и невозмутимо, без малейшего напряжения доберется до финиша. Он делал это не раз в забегах на длинные дистанции, вызывая бешеный восторг публики — своим почтенным возрастом и... полным безразличием к успеху. Видно, и на этот раз старик был далек от мысли состязаться с кем-либо, нет, он не бросал вызова всему миру. В нем стерта, размыта граница между его «я» и внешним окружением. Необоримый

старик, вечный победитель. Но для него, для него это схватка не на жизнь, а на смерть. Дело чести.

Он бежал, не помня себя, широко разевая рот, в уголках рта выступила белая пена. В самую глубину тела проникали порывы ветра, на выдохе вырывалась струя с гнилостным запахом. В нем открылась какая-то первобытная сила, изначальная и запредельная. Разбухая и наполняя друг на друга, теснились обрывки изумленных возгласов, сердитый шепот, редкие хлопки — все это где-то в отдалении, и только явственно звучал легкий мерный шаг старика. Он затруднялся определить, реален ли этот звук или звучит только в его воображении.

...Мелькнуло красное пятно... она тоже бежала, бросив где-то велосипед... нет, не бежала, кричала что-то, жестикулируя руками, на лице — ужас. Это в ее лице зеркально отразилось его собственное нечеловеческое усилие. Сознание снова отлетело за пределы реальности, он не слышал и не ощущал ничего, кроме неумоляющих шагов старика за спиной... Она зарыдала, закрыв лицо руками... и исчезла куда-то... Он переключил внимание на кроссовки, в них что-то крупное, утратившее чувствительность. Отяжелевшие ноги разбухли и окаменели, материя исчезла, осталась неиссякаемая вера, бесконечная воля — вне времени и пространства.

Он не мог слышать, но уловил в воздухе какое-то сотрясение, более сильное, чем по-

рыв ветра: вспыхнул ослепительно голубой свет. Белое чудовище, помеченное красным крестом, с остервенением гналось по пятам. Еще один фантом?

Но нет такой силы, которая могла бы остановить его. В пространстве возникли очертания древних построек, впитавших сгустившийся дух императоров. Повернулись и исчезли в голубом мареве Ворота Истинного света? Или мерещится?

Где старик?

Если он сейчас вбежит в эту бездонно-голубую глубь, он тоже станет вечным и восторжествует над вечностью старика. Что-то сладковатозловонное хлынуло изо рта и носа. Два духа в белом кинулись с обеих сторон, но он вырвался.

Затвердевшая голубизна начала распадаться. Разбегаются трещины и отваливаются куски, и вот остается одна пустота — бездонная пустота. И он — ошалело летящий в эту пустоту.

Он бросается на линию.

Финиша нет. Он ударяется грудью о вечно маячащую перед глазами линию горизонта и обрывает нить, которая волочится за ним по земле.

Плавно, словно в замедленной съемке, он падает, и теплая незабываемая земля порывисто обнимает его.

Его марафон завершен. Четверть часа спустя здесь пробежит старик, отрешенным взором окидывая площадь Небесного покоя.

К рассказу «Пекинский марафон»

История современного Китая полна неожиданных поворотов и трагических катаклизмов. Одним из них стало «десятилетие хаоса» — так называют теперь в Китае 1966—1976 годы, когда страна содрогалась от погромов и бунтов «великой пролетарской культурной революции». Но вот новая страница и новый рубеж — курс на реформы и политика «открытых дверей». После долгих лет почти глухой изоляции в Китай снова хлынул поток «заморского» — так издавна называют китайцы все иностранное — от капиталовложений, до моды и пресловутых джинсов, а вместе с ними кино, литература, музыка — подлинное и массовое искусство. Жадно поглощая все это обилие разнообразной информации, Китай мучительно ищет свой идеал будущего, нащупывает к нему свою единственную дорогу.

Не менее настойчивые поиски идут и в китайской литературе 80-х годов. Литература «шрамов» впервые открыто поведала о страданиях миллионов невинно репрессированных в годы «культрева». Произведения, посвященные политике реформ, рассказывают о кардинальных изменениях в экономике и социальной психологии. Возникшее в середине 80-х годов направление «поиска корней» заговорило о необходимости возвысить значение общечеловеческих ценностей, вернуться к непреходящим ценностям национальной куль-

туры, и в то же время преодолеть инерцию консервативных привычек и стереотипов. В Китае как бы заново открыли для себя явление модернизма, хотя вряд ли можно говорить о сколь-нибудь значительном его влиянии на литературу. Ряд писателей-реалистов включают в произведения некоторые приемы, например, субъективизированного изображения, что способствует углублению психологического анализа.

К числу таких прозаиков можно отнести и известного, хотя довольно молодого (год рождения 1952-й), писателя Кун Цзешэна, живущего на юге Китая. В его рассказе «Пекинский марафон» (1988) раскрывается сложный противоречивый, даже несколько эмоционально встрепанный внутренний мир современного молодого китайца; в повествовании проникают мотивы страха, абсурда, алогизма происходящего. Но было бы упрощением воспринимать рассказ только как зеркало смятенной души молодого героя, в нем ощутимо и воздействие некоторых идей литературы «поиска корней». Образы имеют явную символическую окраску, которая расшифровывается в контексте традиционной культуры. Например, седой старик — это не просто упорный марафонец, он олицетворяет определенную жизненную философию, основные понятия которой восходят к философии древнего Китая. Так квинтэссенцией жизненной мудрости для древних даосов было «недеяние», которое по-

нималось отнюдь не как пассивное приспособление или чистая созерцательность. «Недеяние» состояло в чрезвычайно непросто достижимом умении постигнуть внутренний характер всей тьмы вещей и каждого предмета в отдельности. А постигнув его, растворить пределы своего «я» и слиться с тем предметом, на который направлены твои усилия и помыслы, и вот в этом случае будет достигнут наилучший эффект желаемого. Тогда исключается всякий элемент насилия или соревнования — каждый предмет и существо занимает лишь ему отведенное место и следует только своим путем, согласно тому набору качеств, которые заложены в нем изначально. Однако умение отринуть собственное «я» дается нелегко, это высокое искусство достигается шаг за шагом по пути восхождения от простого ремесленничества к подлинному мастерству.

На мой взгляд, в рассказе Ку Цзешэна разворачивается не столько коллизия столкновения двух поколений, как это может показаться сначала, а скорее, показано противостояние двух разных типов мировосприятия, или новая интерпретация извечной дилеммы Запад-Восток. Хотя, возможно, читатель воспринял этот рассказ иначе, по-своему. В многозначительности образного ряда прозы Кун Цзешэна — один из секретов ее притягательности.

3. Абдрахманова

СПОРТ ДЛЯ ВСЕХ

■ В ШКОЛЕ, НА ПРОИЗВОДСТВЕ,
НА ПЕНСИИ... ■ ТРИНАДЦАТЬ
МАРАФОНОВ ПО САХАРЕ ■

**В ШКОЛЕ,
НА ПРОИЗВОДСТВЕ,
НА ПЕНСИИ...**

В последние годы в развитых зарубежных странах физическая культура приобретает все большее значение и в социальном, и в оздоровительном плане.

Увеличивающееся свободное время граждан выдвигает проблему рационального его использования. И здесь особое значение приобретают различные формы физической активности. Это и индивидуальные занятия по личным программам, и в группах, и разнообразные формы семейного участия в занятиях физкультурой, школьные, окружные, городские, общенациональные спортивные праздники, дни здоровья, праздники игр и пр. и пр.

Занятия физкультурой стали привлекать все более широкий круг людей возможностью поддерживать здоровье и хороший уровень физической активности. Благодаря им люди уходят от одиночества, изолированности, поднимается их общий жизненный тонус.

Все это, а также возрастающие ассигнования на физическую культуру и спорт значительно расширяют формы организации занятий физической культурой и количество занимающихся.

Опыт наиболее развитых зарубежных стран в этой области представляет интерес и для нас. В одной статье рассказать обо всем, что делается в этих странах, конечно, невозможно, и поэтому мы остановимся здесь лишь на школьном физическом воспитании, а также на том, что делается для трудового населения.

Наряду с различиями, связанными с историческими традициями, сложившейся структурой государственного и общественного управления, в формах школьного физического воспитания разных стран много общих черт.

Основной формой физического воспитания, предусмотренной программой в общеобразовательных школах, во многих странах является урок. Следует отметить, что в большинстве стран количество времени, предусмотренного программой на уроки физического воспитания, составляет не менее 3—4 часов в неделю (в некоторых странах и более).

Однако, по данным социологических исследований ученых ФРГ, со дня опубликования «Рекомендаций по развитию физического воспитания в школе» (1956 г.) до сих пор не произошло никаких существенных изменений в данной области. Об этом свидетельствуют результаты исследований, проведенных по поручению Постоянной комиссии земельных министерств по делам вероисповеданий. Данные, представленные землями, позволили установить, что в общеобразовательных школах

ФРГ вместо предписанных трех проводится в среднем 2 или 1 урок физического воспитания в неделю, причем показатель по начальным школам ниже этой средней величины.

Аналогичное положение в сфере физического воспитания наблюдается и в других капиталистических странах. Так, согласно социологическим исследованиям, проведенным во Франции, относительно реализации программы «Треть времени на физическую подготовку», было установлено, что 30% учителей проводят занятия по физическому воспитанию 1—2 раза в неделю и только 5—10% учителей проводят занятия согласно программе «Треть времени». Отсюда следует, что от 50 до 70% учеников младших классов вообще не занимаются физкультурой. А в США, по данным Президентского совета физической подготовки и спорта, лишь 0,1% школьников выполняют нормативы, установленные Советом. В средних школах США предусматривается ежедневно по 1 часу обязательных занятий физической культурой, хотя около 40% средних школ не проводят их ежедневно.

Так как на обязательные уроки физического воспитания в большинстве капиталистических стран отводится незначительное количество времени, перед специалистами и учеными стала задача поиска новых организационных форм работы в этом направлении. Одной из таких форм, полу-

чившей большое распространение в странах Запада, являются факультативные, дополнительные занятия физической культурой и спортом, то есть внеурочные формы физического воспитания.

Так, в США используются следующие формы внеклассных занятий: занятия физическими упражнениями до начала уроков; занятия во время обеденного перерыва; послешкольные занятия (соревнования между классами, тренировки сборных школьных команд); дни игр и спорта, организуемые в одной школе или с участием нескольких школ; занятия на свежем воздухе; рекреация.

Внеурочные занятия проводятся, как правило, школьным инструктором физического воспитания за дополнительную плату, состоящую в основном из добровольных взносов, поступающих от родителей, а также средств, выделяемых из школьных общественных фондов.

В американских поселковых школах, посещаемых детьми нескольких поселков, школьники находятся в учебном заведении целый день. Из-за того, что автобусы привозят их утром и отвозят вечером, а также из-за их большого интереса к внешкольным занятиям спортом. Внеклассные занятия строятся таким образом, чтобы дополнять обязательные. В часы дополнительных внеклассных занятий стараются проводить соревнования по тем видам спорта, которые были предметом обучения на

уроках физвоспитания. Начиная с 5-го класса проводятся соревнования между сборными командами классов. Организуют соревнования сами учащиеся. Во время «дня игр» и «дня спорта» проводятся как рекреационные занятия, так и соревнования между двумя соседними школами.

Особой популярностью у детей пользуются всевозможные занятия на свежем воздухе: экскурсии, прогулки, во время которых учащиеся общаются с природой, работа на ферме, рыбалка, охота, хождение по снегу, занятия плаванием, греблей, стрельбой из лука.

Интерес для нас представляют исследования, проведенные учеными США, ФРГ, Японии по формам организации спортивно-массовой работы во внеурочное время.

Так, в частности, в США большая часть занятий по физическому воспитанию ведется в рамках реализации «Внутришкольной спортивной программы», либо в виде занятий в частных спортивных клубах. Об этом свидетельствует сообщение правительства США, в котором отмечается, что «в настоящее время лишь 36,6% школьников США принимают участие в занятиях физической культурой в рамках реализации обязательной общеобразовательной программы, тогда как 80% занятий по физическому воспитанию в школах США происходит в соответствии с реализацией «Внутришкольной спортивной программы», то есть необязатель-

ной программы дополнительных и факультативных занятий.

Таким образом, внеурочная и внешкольная формы занятий физической культурой становятся в США, как в большинстве зарубежных стран, ведущей формой физического воспитания в общеобразовательных школах.

Во многих зарубежных странах занятия физическим воспитанием проходят по так называемым «Универсальным вариативным программам», учитывающим возрастные особенности учащихся.

Особое внимание в зарубежных странах в настоящее время уделяется вопросу организации свободного времени учащихся. В общеобразовательных школах и колледжах США широко применяются «Внутришкольные спортивные программы» — программы дополнительных занятий физической культурой в свободное от уроков время.

Наиболее показательная программа внеурочных занятий — «Универсальная внутришкольная программа», разработанная специалистами Национального совета внутришкольного спорта США.

Одна из отличительных черт программы — ее вариативность. Каждый преподаватель физической культуры вносит в эту программу необходимые дополнения, соответствующие уровню физической подготовленности его учеников. Так, в начальных классах Саутвудской школы в Рейтауне занятия по программе «внутришкольного спорта»

проводятся до и после уроков. После уроков 3 раза в неделю проводятся занятия волейболом, продолжительность каждого занятия не превышает 45 минут. Дети, занимающиеся факультативно другими предметами, могут посещать дополнительные занятия физической культурой не менее 3 раз в неделю.

В начальной школе «Карпентер» штата Айова занятия проводятся также до и после уроков, утренние дополнительные занятия проводятся совместно для 4—6-х классов, один день для девочек, один день для мальчиков; после уроков проводятся раздельные занятия: первый день — для 4-х классов, второй — для 5-х, третий — для 6-х. Утренние занятия носят командный характер, вечерние — индивидуальный. Продолжительность занятий — от 30 минут до 1 часа.

Начальная школа «Джефферсон» штата Вайоминг использует программу внеклассных занятий физической культурой среди учеников 2—5-х классов. В школе разработана система присвоения очков занимающимся физической культурой в свободное время:

2 очка за участие в занятиях тем или иным видом спорта;

3 дополнительных очка за 1-е место в состязаниях;

2 очка за 2-е место в состязаниях;

1 очко за 3-е место;

1 очко за каждый километр бега трусцой.

Подсчет и распределение очков происходит в конце

каждой недели. Раз в год проводится церемония награждения лучших спортсменов школы.

Во многих школах США существуют Советы по делам «внутришкольного спорта», в работе которых принимают активное участие сами учащиеся. Структура совета по делам внутришкольного спорта выглядит так: руководство совета (из 6 учащихся), которому подчиняются три комитета: комитет по выработке правил спортивных игр и состязаний — в его состав входят три представителя из руководства совета; комитет, составляющий график проведения факультативных занятий по физической культуре; комитет по пропаганде физической культуры и спорта среди учащихся школы.

Советы по делам внутришкольного спорта создаются для привлечения учащихся к руководству реализацией «Внутришкольных программ».

Чтобы разнообразить «Внутришкольные спортивные программы», американские ученые предлагают следующие формы их реализации: турниры и состязания, «дни свободных игр», игры без правил и ограничений во времени; «дни новых игр» — увеселительные занятия физической культурой, программа которых составляется членами совета по делам внутришкольного спорта под руководством инструктора физической культуры школы; «дни совместных игр» — в этих играх принимают участие учащиеся различ-

ных классов; «дни традиционных игр народов разных стран»; «дни олимпийских состязаний», проводимые в конце учебного года.

В рамках «Внутришкольной спортивной программы» в США создана система воспитания здорового образа жизни. Ее цель — обучить детей рационально использовать свое свободное время.

Существует в США и система воспитания на свежем воздухе. Она включает в себя: физическую активность на свежем воздухе (физические упражнения на пришкольных участках и спортивных площадках, в парках и зонах отдыха, в палаточных лагерях, в лесах, на фермах, на водоемах и реках); обучение навыкам рационального проведения свободного времени на свежем воздухе: обучение технике стрельбы, охоты, управления лодкой, плавание, занятия водными лыжами, прыжками в воду, стрельбой из лука, альпинизмом, туризмом, велоспортом, ориентированием.

Специалистами США разработана также система поэтапного воспитания на свежем воздухе.

Итак, в США физическое воспитание школьников включает в себя: основную программу обучения; специальную гимнастику, рекреационный спорт в школе; спорт в организациях и специальных группах; межшкольные спортивные соревнования, а также «дни игр» и «дни школьного спорта»; межшкольный боль-

шой спорт; совместные программы школы и близлежащих организаций.

В рамках обязательных занятий физкультурой в США различаются следующие виды программы: основная, состоящая из циклов (несколько недель) обучения определенным спортивным дисциплинам, обязательным для всех учеников; факультативная, где учащиеся могут выбирать интересующие их виды спорта; комбинированная — основная и факультативная; программное обучение.

Анализ и оценку реализации программ осуществляют специализированные окружные школьные советы физического воспитания, находящиеся в ведении департаментов просвещения отдельных штатов. Конкретное содержание программы разрабатывает учитель физкультуры или коллектив учителей нескольких школ.

Интересный опыт организации школьного физического воспитания накоплен в Скандинавских странах.

Так, например, в Финляндии существуют две формы организации занятий: обязательные (в общеобразовательной школе число учащихся на уроке физического воспитания не должно превышать 32); по выбору (факультативные). Обязательные занятия в средней школе должны повышать уровень общей физической подготовленности и совершенствовать двигательные качества учащихся, а факультативные выполняют функцию ре-

креации. В финской школе на факультативные занятия отводится как минимум одна пятая от общего количества часов.

Одной из наиболее распространенных форм организации физического воспитания в Финляндии является программа «Спортивные каникулы» (7-дневная), которая проводится в различное время года. Программа включает: спортивные занятия, игры на местности с целью лучшего использования баз для организации, например, лыжных лагерей в различных регионах страны. 80% занятий во время «Спортивных каникул» проводится на свежем воздухе.

В Финляндии издается ряд учебников физического воспитания: «Двигайся играя», «Двигайся правильно», «Двигайся и развивайся», «Движение для удовольствия», составленных на основе подробного анализа возможностей и потребностей детей. Эти учебники предназначены для учащихся начальной и средней школ.

Для определения физической подготовленности и физического развития школьников в финской школе используются тесты и карты физической подготовленности. Тесты проводятся обычно 2 раза в учебном году (в начале октября и в конце апреля) и определяют: деятельность сердца и кровообращения, деятельность дыхательной системы, силу мышц, общую выносливость, эластичность суставов, умение помогать вести урок.

Организацией школьных соревнований в масштабе страны руководит Школьная федерация физического воспитания, объединяющая все школы в стране.

В школах действуют школьные спортивные клубы, которые организуют соревнования как внутри школы, так и межшкольные. Все соревнования проходят после занятий. Участие в них учащихся и учителей добровольное.

Школа не занимается спортом высших достижений. Этим занимаются спортивные клубы, действующие под патронажем федерации различных видов спорта.

Говоря о физическом воспитании школьников Скандинавских стран, следует отметить, что в последние годы в этой области произошли определенные изменения, относящиеся главным образом к улучшению организации и методики проведения занятий, совершенствованию обязательных государственных программ по физическому воспитанию.

Характерной особенностью программ физического воспитания в Скандинавских странах является наличие специального теоретического курса, направленного на формирование с детских лет устойчивого и осознанного интереса к занятиям физкультурой и спортом в целях укрепления здоровья, повышения работоспособности. Интересно отметить, что количество часов, отводимых на уроки физического воспитания, на протяжении всего

периода обучения неодинаково.

До 1969 года на обязательные занятия по физическому воспитанию в Финляндии отводилось 4 часа в неделю для каждого класса. С 1969 года в связи с введением пятидневных школьных занятий и расширением школьной учебной программы количество часов, отводимых на занятия по физическому воспитанию, сократилось до 2 часов в неделю. Недостаток обязательных занятий по физическому воспитанию компенсируется спортивными и оздоровительными занятиями, проводимыми в школе сотрудничающими с ней организациями, взамен за бесплатное пользование школьной спортивной базой.

В Дании школы — смешанные. В группах занимаются от 20 до 30 детей. В программе даются только общие рекомендации и определенные задания. Учитель физического воспитания может интерпретировать содержание программы, формы и методику. В то же время в программе подробно даны нормативы спортивных значков. Учитель физического воспитания ежегодно получает специальное методическое пособие, в котором даны нормативы значков, содержание программы, правила судейства соревнований, информация о спортивных организациях и их адреса.

Методика проведения занятий строится на активном участии всех учеников.

Соревнования проводятся как командные, так и личные,

причем предпочтение отдается личным.

В Дании одной из интересных форм привлечения школьников к физической культуре и спорту являются так называемые тримиады. Для проведения тримиад собираются команды из 10 человек — по одному от каждого из 10-х классов.

В течение многих лет датским школьникам присуждается значок за хорошие результаты в легкой атлетике. Недавно стали учитываться и результаты в плавании, гимнастике, ориентировании, трамплине.

С 1980 года в стране проводится «школьный трим», участвовать в котором может каждый, независимо от возраста, пола и подготовленности. Его программу составляют ходьба или бег, езда на велосипеде, плавание, лыжный и конькобежный спорт. Значок может получить каждый, только выполнение норм должен засвидетельствовать кто-либо из взрослых. Для пропаганды этой цели были выпущены афиши, значки и т. п. Результат — с мая 1980 по август 1981 года 28 000 школьников выполнили нормы на значок «трим».

Создание этого значка преследовало ту же цель, что и школьные тримиады: привлечь пассивных людей к спорту, изменить их отношение к нему.

Следует отметить, что движение «трим», являясь одной из многочисленных систем массовой физической деятель-

ности, имеет развлекательный характер и направление на использование различных игровых и соревновательных форм.

В Швеции в 80-е годы особое внимание начали уделять реализации проекта «Спорт для родителей и детей». Данный проект был принят в 1976 году для привлечения родителей к работе спортивных клубов и секций, в которых занимаются их дети, для создания родителям условий принимать участие в досуге своих детей и побуждать их к активным занятиям физической культурой и спортом.

Движение «Спорт для родителей и детей» стало неотъемлемым направлением развития шведской физической культуры и спорта. Это движение ширится. Оно вносит значительный вклад в привлечение к спорту женщин, развитие здравоохранения, подготовку тренеров и инструкторов физической культуры и пр. Каждая спортивная федерация Швеции может развивать культивируемый ею вид спорта через движение «Спорт для родителей и детей», привлекая к занятиям как взрослых, так и детей. Одним из примеров служит «Гимнастика отца, матери и ребенка», комплекс упражнений которой разработан специалистами Шведской федерации гимнастики.

По мнению шведских специалистов, задачи школьного физического воспитания преследуют следующие цели: работа о пропорциональном раз-

витии и повышении уровня физической подготовленности учащихся; укрепление здоровья и воспитание гигиенических навыков (это касается прежде всего личной гигиены после физической нагрузки, а также умения одеваться в зависимости от погоды и степени физической нагрузки; в старших классах учащиеся знакомятся с основами физиологии человека и функций организма); формирование и развитие организаторских навыков и умения находить контакт с группой и коллективом.

В последние годы во многих школах Швеции стали популярны «дни спорта»: три дня в первом полугодии и три дня во втором, всего шесть дней в году.

«Дни спорта» проводятся на свежем воздухе. Количество часов, отводимых на них, в разных классах различное: в 1-х классах — 4 часа, во 2-х классах — 5 часов, в 3-х классах — 6 часов, в 4—9 классах — 7 часов, в гимназиях — 7 часов.

Таким образом, учащиеся старших классов и гимназий имеют дополнительно 42 часа физического воспитания в году.

Факультативные спортивные занятия — добровольные, проводятся по 2 часа в неделю и предусмотрены учебным планом школы. Факультативные занятия посещают около 30% учащихся.

Интерес для нас могут представить и результаты исследования, проведенного в Японии по формам органи-

зации спортивно-массовой работы школьников во внеурочное время.

Современная система физического воспитания в Японии представляет синтез традиционных японских форм физического воспитания и использования передового опыта других стран, главным образом западноевропейских. Система физического воспитания в Японии включает занятия физкультурой в дошкольных учреждениях, в школах, а также в высших и специальных учебных заведениях, причем физическая культура в учебных заведениях преподается как на уроках, так и в свободное от занятий время.

По мнению японских ученых, задача физического воспитания в школе: «Выработать у учащихся навыки, необходимые для здоровой, беспечной и счастливой жизни, а также дать возможность гармоничного физического и психического развития детей».

В начальных классах (1—6-е классы, учащиеся в возрасте от 6 до 12 лет) общеобразовательной школы физическая культура является профилирующим предметом, в его программу входят общая физическая подготовка, гимнастика, легкая атлетика, плавание, игры с мячом, танцы, формирование навыков здорового образа жизни.

В соответствии с программой обязательных общеобразовательных предметов учащиеся начальных школ занимаются физической культурой не менее 3 часов в неделю

(105 часов в течение учебного года). Следует отметить, что в 40% японских начальных школ наряду с программой обязательных занятий имеется программа дополнительных занятий физкультурой и спортом во внеурочное время, которая включает занятия в спортклубах (более 5 часов в неделю); дни спортивных игр, дни любителей плавания, экскурсии с физкультурно-оздоровительной направленностью, внутришкольные спортивные состязания.

В средних классах (7—9-е классы, учащиеся в возрасте от 13 до 15 лет) ежегодная продолжительность обязательных занятий физической культурой 125 часов. Здесь преподаются следующие дисциплины: общая физическая подготовка, гимнастика, легкая атлетика, плавание, военно-спортивные дисциплины (дзюдо, кондо, сумо), игры с мячом, танцы, теория физического воспитания и формирование навыков здорового образа жизни.

На обязательные занятия физкультурой в средних классах отводится не менее 3 часов в неделю. Занятия проводит инструктор физвоспитания, имеющий степень бакалавра. Формы организации спортивно-массовой работы во внеурочное время в средних классах такие же, как и в начальных. Одновременно используется программа дополнительных занятий физической культурой и спортом во внеурочное время, причем участие в ее реализации является

обязательным для всех учащихся средних классов: каждый ученик должен посещать занятия в спортивном клубе не менее 1 раза в неделю. В настоящее время около 60% японских школьников средних классов занимаются в спортивных клубах не менее 8 часов в неделю.

В старших классах (10—12-е классы, учащиеся в возрасте от 16 до 18 лет) общеобразовательных школ Японии физическая культура и формирование навыков здорового образа жизни, рассматриваемые на данном этапе обучения как отдельные, но тесно связанные предметы, являются обязательными. Общее число занятий в рамках физического воспитания в старших классах составляет 7—9 частей (продолжительность одной части — около 35 учебных часов), при этом обязательные занятия составляют 4 часа в неделю для юношей и 2 часа для девушек (10-е классы), 3 часа для юношей и девушек (11-е классы), 2 часа (физкультурные) и 1 час (формирование навыков здорового образа жизни для юношей и девушек (12-е классы). В старших классах преподаются специальные дисциплины: общая физподготовка, гимнастика, легкая атлетика, плавание, военно-спортивные дисциплины, игры с мячом, танцы, теория физического воспитания и формирование навыков здорового образа жизни.

Внешкольные занятия физической культурой в старших классах осуществляются в со-

ответствии с программой дополнительных занятий физической культурой. Более 40% учащихся старших классов занимаются в спортивных клубах не менее 9 часов в неделю.

Таким образом, в содержании программы физического воспитания школьников Японии включены как практический, так и теоретический разделы.

Благодаря успехам медицины в деле снижения детской смертности и в борьбе с инфекционными заболеваниями во многих зарубежных странах с каждым годом увеличивается средняя продолжительность жизни человека. Значительные перемены в структуре населения всего мира связаны также с низким процентом рождаемости.

За последние годы во многих странах мира существенно вырос процент людей среднего и пожилого возраста, при этом большинство из них — женщины (62%). В США в 1965 году численность населения преклонного возраста составляла 4% (7 млн человек), в 1980-м — 11% (25 млн человек). В ПНР число лиц преклонного возраста составляет 14% всего населения (5 млн человек), а к 2000 году этот показатель увеличится, по прогнозам специалистов, до 18%. В Японии, Франции, Великобритании численность населения преклонного возраста составит в скором времени 25% от общей численности населения, тогда как в целом за

период с 1970 по 2000 год число жителей планеты в возрасте от 60 и старше увеличится вдвое. По подсчетам зарубежных ученых, к 2025 году численность жителей земного шара в возрасте старше 60 составит более 1 млрд человек и впервые, таким образом, в истории человечества превзойдет численность молодежи.

Одновременно с увеличением средней продолжительности жизни растет число заболеваний, именуемых «болезнями цивилизации», а образ жизни людей стал носить более нездоровый характер. До сих пор не удается преодолеть процесс развития сердечно-сосудистых заболеваний.

В развитых странах мира в начале второй половины нашего столетия сердечно-сосудистые заболевания составили более половины причин смертности населения. Только в странах Европы эти заболевания уносят ежегодно около 3 млн жизней. Являясь причиной высокого уровня временной и стойкой нетрудоспособности, эти болезни приводят к большим трудовым и экономическим потерям. Ежегодная цифра пропусков по болезни в США составляет 132 млн рабочих дней, из них 52 млн — из-за нарушений сердечно-сосудистой системы. Ежегодно из-за них в стране умирает 0,5 млн человек, многие из которых — в возрасте 40—40 лет. Замена их на рабочем месте обходится государству ежегодно в 700 млн долларов.

За последние годы число заболеваний коронарной системы в США возросло на 8,7%, количество смертных случаев в результате болезней сердца — на 7%. Опасности инфаркта подвержен каждый третий мужчина и каждая четвертая женщина. В ФРГ более 60 млрд ЗГМ расходуется на лечение болезней, которых можно было бы избежать путем использования различных физкультурно-оздоровительных мероприятий.

Особенно настораживает присущая этим заболеваниям тенденция к «омоложению», то есть распространению сердечно-сосудистых заболеваний на трудоспособный возраст. Прежде всего эта тенденция характерна для мужчин. Коронарной болезнью мужчины болевают на 15—20 лет раньше, чем женщины, а показатели заболеваемости во всех возрастных группах в 2—3,5 раза выше.

По-видимому, достижения науки и техники с каждым годом будут все больше избавлять человека от физических напряжений. Уже в настоящее время недостаток движений рассматривается как фактор, способствующий возникновению различного рода заболеваний. Неким «порочным кругом» называют данный процесс в одной из своих работ американский ученый Дж. Керн. Недостаточное выполнение физической работы влечет за собой цепь реакций, которые взаимно усиливают друг друга. Так, например, люди, мало занимающиеся физиче-

ским трудом, зачастую имеют повышенный аппетит. Следствием этого является повышенное содержание жира в организме, а также повышенное кровяное давление. Эти факторы заглушают желание двигаться, к тому же люди нередко курят, употребляют спиртные напитки, что, в свою очередь, ухудшает деятельность сердечно-сосудистой системы организма.

НТР, освобождая человека от тяжелых и длительных физических нагрузок в процессе труда, в то же время предъявляет повышенные требования к его скоростным реакциям, координации движений и др. Запросы современного производства требуют всестороннего развития человека для процесса самого производства, оно же требует от рабочего быстроты и точности движений, высокой концентрации и устойчивости внимания, частого выполнения сложных движений в условиях лимита времени, готовности к экстренным действиям. По мере развития НТР все яснее становятся противоречия между возрастающими требованиями к человеческой деятельности и человеческими возможностями.

Средний возраст человека — период наиболее интенсивной работы по созданию им материальных и духовных ценностей общества. В этот период человек не только приспосабливается, но и активно воздействует на условия труда и быта; обладая огромным запасом знаний, производственно-

го опыта, является носителем многих еще не реализованных идей и планов.

Особая роль в достижении всестороннего физического развития и укрепления здоровья принадлежит физической культуре. В наше время она имеет значение решающего фактора в том комплексе мер, которые определяют оптимальную жизнедеятельность человека. Чешский ученый Й. Хреца предлагает три основных критерия для выявления «экономического» влияния физических упражнений на здоровье человека:

- общее число дней, пропущенных на работе по причине нетрудоспособности и их финансовая оценка;

- расходы на лекарства, медицинское обеспечение, обслуживание людей, находящихся в больнице;

- уровень производительности труда у занимающихся и незанимающихся физической культурой.

Какие же меры принимаются в настоящее время в развитых странах для укрепления здоровья пожилого и работающего населения?

В США недавно принят закон о пожилых и престарелых, включающий и вопросы физической подготовки, его реализация уже потребовала 60 млрд американских долларов, что занимает 4-е место после средств, затрачиваемых в стране на военные нужды, социальное обеспечение и выплату государственного долга. В 1974 году в США создан специальный комитет, решающий про-

блемы процесса старения. К 1985 году комитетом разработано 196 программ физической подготовки людей среднего и пожилого возраста, реализуемых в 46 штатах страны.

Каждый десятый житель Польши проявляет активный интерес к физической культуре, причем мужчины в большей мере, чем женщины. По статистическим данным, спортивные передачи в стране привлекают большее число зрителей, чем передачи о событиях в мире.

В Норвегии 40% женщин и 45% мужчин являются физически активными. Из 246 лиц старше 65 лет 28% опрошенных мужчин и 13% женщин регулярно занимаются различными видами физкультурно-оздоровительной деятельности.

В Канаде часть оздоровительных забегов проходит под общим девизом «Жизнь начинается в 40 лет!». А в 1982 году физкультурная активность «престарелых» канадцев была в 3 раза выше, чем физкультурная активность населения в возрасте 18—29 лет.

В различных странах мира в общественном производстве участвуют люди, имеющие те или иные физические недостатки. Так, например, в народном хозяйстве Польши занято 14% инвалидов. Болгарская республиканская секция «Спорт среди инвалидов» была учреждена в 1981 году. В том же году проведена первая спартакиада, куда были включены соревнования по легкой атлетике, плаванию, на-

стояльному теннису, баскетболу, поднятию тяжестей. Инвалидам страны предоставлена возможность заниматься также стрельбой, стрельбой из лука, фехтованием.

В спортивных соревнованиях, специально организуемых в Канаде для инвалидов, участвуют слепые, глухие, парализованные.

В Великобритании спортивно-оздоровительная работа с инвалидами началась в 1947 году. Проводятся Олимпийские игры среди инвалидов. В 1988 году они прошли в Сеуле.

Разное отношение вызывает к себе это спортивное движение. Примечателен, однако, такой факт: 30 тыс. инвалидов вернулись к производственной деятельности в Японии после показа по телевидению олимпийских игр среди инвалидов в Токио (1964 г.).

Каждые два года на Западе проводится еще одна любопытная олимпиада — международные соревнования по легкой атлетике спортсменов в возрасте от 60 лет и старше. Многие из ветеранов соревнуются в прыжках с шестом, беге на 1500 м и 10 км. Героем олимпийских игр 1984 года можно считать 87-летнего шведа, завоевавшего 7 золотых медалей.

За последнее время люди среднего возраста проявляют все больший интерес к занятиям физической культурой и спортом. К настоящему времени специалисты располагают множеством объективных данных о стимулирующем влия-

нии физической тренировки на функции организма. Дозированная физическая нагрузка оказывает благотворное влияние на сердечно-сосудистую, вегетативную и нервную системы, опорно-двигательный аппарат, обменные процессы, на другие функции.

В 70-е годы произошли серьезные изменения в подходе к проблеме здоровья рабочих и служащих. Раньше медицина занималась лечением, сегодня ученые обращают главное внимание на профилактику различных заболеваний. Многочисленные опыты и эксперименты доказали, что наилучшим способом профилактики являются оздоровительные занятия физической культурой. Специалисты Президентского совета по делам физической подготовки и спорта США, к примеру, доказали, что состояние здоровья человека лишь на 10% зависит от медицины и на 90% — от уровня его физической подготовленности. Проведенные исследования говорят о том, что расходы, направленные на поощрение профилактических спортивных мероприятий, значительно меньше, чем затраты на пособия по нетрудоспособности, даже учитывая при этом неизбежность спортивных травм.

Борьбу за сохранение здоровья трудящихся усиливает и производственная необходимость каждого крупного и мелкого предприятия и учреждения. Поэтому среди производственных мероприятий, направленных на выполнение

этой задачи, имеются мероприятия, способствующие повышению спортивной активности членов производственных коллективов: от производственной гимнастики в рабочее время и создания специальных помещений для спортивного отдыха до финансовой помощи производственным спортивным обществам и клубам, учитывающим профиль производственной деятельности или просто находящимся в районе данного предприятия.

Уже доказано, что подобные мероприятия снижают заболеваемость и количество несчастных случаев на производстве, уменьшают текучесть кадров, нормализуют производственный климат и в результате повышают производительность труда.

В первой половине 80-х годов в США служба здравоохранения страны разработала и внедрила «Экспериментальную программу занятий физической культурой для рабочих и служащих». Цель исследования — проведение сравнительного анализа уровня физической подготовленности и состояния здоровья трудящихся до начала занятий физической культурой и спустя год после их начала. В занятиях по этой программе участвовало 259 рабочих и служащих различных предприятий страны в возрасте от 35 до 55 лет. Данные анкетирования и медицинского обследования показали следующее: более чем у 50% занимающихся физической культурой возросла производительность труда; у 93% улуч-

шилось общее состояние здоровья; у 89% повысилась выносливость организма; более чем 60% значительно потеряли в весе; у 50% снизилось общее напряжение и утомляемость организма во время работы; 40% занимающихся одновременно с началом занятий стали соблюдать диету; 15% бросили курение.

ГЕННАДИЙ ШВЕЦ

ТРИНАДЦАТЬ МАРАФОНОВ ПО САХАРЕ

**Заметки участника необычных
соревнований любителей
бега**

«Вторую половину ноября они предпочитают проводить в Сахаре». Некогда прочитанная в зарубежном романе фраза существовала в моей памяти как признак неведомой жизни, вызывая смешанное чувство протеста и ограниченности собственных возможностей. Даже и не думал, что на мою долю может выпасть подобное времяпрепровождение. Шанс этот призрачно обозначился в начале лета 1988 года, когда заведующий международным отделом ВДФСО профсоюзов Александр Гурьянов рассказал об одном умопомрачительном, как мне представлялось тогда, спортивном соревновании: сверхмарафонский пробег по самой большой в мире пусты-

не, по Сахаре, за тринадцать дней тринадцать раз по 42 километра 195 метров. Алжирская федерация «Спорт и труд», с которой сотрудничает наше спортивно-физкультурное ведомство профсоюзов, на правах организатора соревнований предложило участвовать в них советским любителям бега. Поскольку дело это новое, необычное и даже рискованное, с нашей стороны участие в нем могло ограничиться для первого раза наблюдением вблизи. Мне сказали, чтобы на всякий случай я готовился, возможно, в ноябре удастся поехать в составе делегации. Некоторый опыт у меня есть — участвовал в любительских марафонах, а один раз пробежал сто-километровку.

Информация была скудной и оттого еще более интригующей. По сути, вся она на тот момент содержалась в тех словах, что вынесены в заголовок этих заметок. Правда, вскоре мне удалось раздобыть ксерокопию статьи из английского журнала, где рассказывалось о 13-кратном марафоне, проводившемся в предыдущем году. Я попросил приятеля сделать перевод на русский. Но переводчик статью где-то затерял. Он сказал, что ему запомнился только юмористический рисунок, сопровождающий статью: изможденный бегун среди безбрежных песков и указательный столб: «До ближайшей деревни — 100 километров, до ближайшей воды — 70 километров, до пекла — две ступни».

В конце октября мне сказали: «Надо ехать». Я не отнекивался, не сомневался. Напротив, когда дело вдруг несколько застопорилось, упротсил руководителей ВДФСО, чтоб послали. Подыскал и напарника, заслуженного тренера СССР, мастера спорта по лыжам, любителя бега Федора Склокина, который причастен к высокоширотной лыжной экспедиции «Комсомольской правды». Сам он, правда, на лыжах через полюс не ходил, но тренируется постоянно.

Летим. В Москве минус семь, в Будапеште ноль, в Алжире плюс семнадцать. Теперь еще две тысячи километров на юг. Нас ждет нагорье Хоггар — сердце Сахары. В «Бонинге» знакомимся со спутниками, со сподвижниками, с соперниками — толком и не знаем, как называть других участников предстоящего действия. Нет, мы им не соперники, мы со Склокиным никого обгонять не намерены, нам было сказано на прощание спортивными руководителями: «Не рискуйте. Будет тяжело — сходите с дистанции».

Двадцать четыре бегуна. Трое алжирцев, четырнадцать участников из Франции (в том числе три женщины), три марафонца из Венгрии, один из ФРГ, один из ЧССР и мы. Первый час полета неотрывно глядим в иллюминаторы. Под нами Африка. Сначала она была зеленой, даже весенней. Скоро в эти оптимистические цвета начали вкрадываться желто-коричнево-красные тона, не содержащие никаких призна-

ков органической жизни. Даже с высоты 10 тысяч метров угадывались очертания дюн. Потом все чаще стали попадаться бугорки гор. Я вглядывался в эти знаки, словно хотел разгадать в них предсказания собственной судьбы на ближайшие две недели. Ко мне подсел сухощавый парень и уверенно, почти без акцента заговорил по-русски. Томаш Русек, преподаватель биохимии из Брно, участник первенства мира в беге на 100 километров. Изложив свои анкетные данные, он помог несколько прояснить наше ближайшее будущее. Для начала Томаш скептически отозвался о моей одежде: «Зачем тебе цивильный костюм, галстук, туфли? Это лишний груз. Надо бы сразу одеться во все спортивное». Я сказал, что в Тамарассете, в гостинице переоденусь и сдам сумку в камеру хранения. Томаш сочувственно улыбнулся: «Сейчас в аэропорту тебе дадут отдельный гостиничный номер — спальный мешок, он забронирован для тебя на две недели. Ты разве не получил письмо из Франции, где описаны условия марафона? Я тебе сейчас кое-что переведу на русский. Ночевки под открытым небом. Электрическую бритву не брать — можно пользоваться только механической. Иметь фонарик. Иметь крем, предохраняющий от ожогов. Вот еще кое-что интересное. Победитель предыдущего пробега сказал: «В течение трех последних дней я ни разу не решился снять с ног носки. Если бы увидел, что под ни-

ми,— то не смог бы продолжать бег...»

Какой москвич не жаждет хорошенько загореть? Когда, спустившись по трапу, мы шли к зданию недостроенного аэропорта, я держал лицо в сторону теплого предвечернего солнышка, совершенно потеряв при этом счет временам года. Пока выгружался багаж, мы все присматривались друг к другу и к окружающему миру. На пыльной дороге стояли колонной легковые вездеходы, ландроверы марки «Тойота», изрядно потрепанные, но крепкие. Они были навьючены канистрами с бензином и водой, поролоновыми матрацами, дровами, а также синими картонными коробками с надписью «Эурест», Эверест? Нет, «Эурест» — это сокращенное название известной французской фирмы «Европейские рестораны», она — спонсор пробега, бесплатно предоставила продукты на компанию человек в шестьдесят. Кроме двадцати четырех бегунов, в нее входят пять арбитров, три врача, три массажиста, три повара, два полицейских, два дипломата из французского посольства, один видеооператор, два фотокорреспондента, журналист из Франс Пресс и одиннадцать местных водителей-проводников. Плюс еще несколько человек без определенного — по отношению к пробегу — рода занятий. Искатели приключений, не рискнувшие, впрочем, стать непосредственными участниками этих самых приключений, на марафон не

отважившиеся. Молодая супружеская чета из Франции, молодая актриса какого-то парижского театра, задумчивый мужчина в темных очках, часто поглядывающий в нашу с Федором сторону. Он вскоре заинтересовался у меня между делом: «Вы военнослужащие?» Я назвал наши профессии.

Мое внимание вначале более всего привлекали водители. Это туареги — одна из самых загадочных народностей мира. В Москве я успел кое-что прочитать о них. Туареги родственны кочевым племенам берберов, но есть легенда, говорящая, что начало их роду дала некая загадочная женщина Тин Хинан... Высокие (не ниже 180 сантиметров), сухощавые, закутанные в длинные одежды, на голове убор из куска легкой ткани, прикрывающей лицо, видны только глаза. Туареги веселы, оживлены предстоящим делом, но движения их напроць лишены суетливости.

Только что было тепло, но вот стремительно закатилось солнце за пыльные холмы и мгновенно похолодало. Мы погрузили свои пожитки на крышу ландроверов, сели в них и куда-то поехали по незаметным для наших глаз дорогам. Не знаю, сколько времени продолжалась эта езда. В неимеющем ориентиров пространстве время как-то тоже не фиксировалось сознанием. Единственное, что было реальным в окружающем мире, это небо, на котором мне удалось найти знакомые соз-

вездия. В таких обстоятельствах волей-неволей задумаешься о собственной участи, о том, насколько ты сам реален в них, в этих обстоятельствах. Готов ли я был к тринадцати марафонам? Насколько это авантюра с моей стороны? Слово «авантюра» возникло в данный момент не случайно. Главным инициатором мероприятия была французская ассоциация «Марафоны и авантюры». Правда, в буквальном переводе слово «авантюра» означает «приключение». Последние две недели в Москве я пробегал ежедневно километров по двадцать и вымотался до предела, потому что слишком резко повысил тренировочные нагрузки.

Проехав неопределенное расстояние, колонна встала табором. Началось хаотическое движение наших спутников. Все вытаскивали из машин поклажу, возбужденно разговаривали, исчезали в темноте, возвращались. Было ясно, что они озабочены предстоящим ночлегом. Только мы с Федором пребывали в неведении и в бездействии. Томаш притащил нам два легоньких матраца и сказал, чтобы мы подыскали себе место для ночевки — лучше где-нибудь под скалой или меж камней, чтобы не доставал нас ветер, ночью он будет холодным. Мы положили свои матрацы на песок там, где уже расположилась большая компания, под прикрытием дугообразной каменной гряды. Но спальных мешков у нас не было, и мы не знали, где их взять. Рядом

со мной готовил себе ночлег парень из ФРГ Вернер, с которым я уже успел познакомиться, поскольку знаю немецкий язык. Вернер сказал, что по дороге затерялась машина с резервными спальными мешками и кухонным оборудованием. Я с радостью отметил про себя, что неразбериха — это не только наша отечественная спутница жизни. Поскольку «Европейский ресторан» запаздывал, мы поужинали буханкой черного хлеба, разрезав ее на ломти и поделившись с соседями. Это сблизило нас. Вскоре кто-то принес мне свой спальный мешок — легкий, старенький, но это лучше, чем ничего. Федору досталась лишь ветрозащитная пленка из какой-то шуршащей материи. Перед сном мы прошли по табору. Возле костра (с единственным поленом, горевшим удивительно долго) кружком сидели водители-туареги. Они играли в домино и шашки. Причем игровое поле было расчерчено прямо на песке, белые шашки заменялись камешками, а вместо черных использовались окаменевшие шарики козьего помета, которого здесь было в изобилии. Туареги пили чай из маленьких стеклянных рюмочек. И нас угостили, чай оказался вкусным, только порция мала — на три глотка. Одно слово — Сахара...

Спать мы легли рано, в половине девятого. Но я почти не спал. Сначала мы вдвоем разговаривали на немецком — я, Томаш и Вернер. По условиям соревнований, все бегуны

должны разбиться на команды — по трое. Поскольку Федор иногда высказывал намерение пробежать только часть дистанции, Вернер, Томаш и я решили объединиться в одну команду: двое сильных и опытных (Вернер несколько лет назад выступал за сборную ФРГ по легкой атлетике) и один новичок, то есть я. Меня уже начало клонить в сон, но в это время Федор стал ворочаться и шуршать своей ветрозащитной пленкой. Несмотря на все усилия Федора, она никак не хотела превращаться в пуховое одеяло. Среди ночи стал досаждать холод — тоненький спальный мешок не выручал. А под утро я уловил запахи приготавливаемого завтрака — наконец-то заработал «Европейский ресторан».

Утром главный судья алжирец Фура объявил, что сегодня нам бежать 35 километров. Отсюда, с этого бивуака, мы на машинах отправимся в Таманрассет, там на центральной улице старт, а финиш на этом самом месте. Представитель ассоциации «Марафоны и приключения» француз Франсуа Фаур разделил нас на команды по своему усмотрению. Томаша, меня и Федора Склокина он назвал командой «Гранд Ист» — «Большой Восток». Была также и команда «Большой Запад». Потом нам выдали по пять фирменных маек с эмблемами всех спонсоров: «Спорт и труд», «Марафоны и приключения», «Эурест», «Эйр Алжир», «ОНАТ» (алжирская транспортно - туристическая

фирма). Каждый получил также кепку с длинным козырьком и прямоугольником полотна, ниспадающего на шею, — защита от солнца, ветра и пыли. И еще один компонент снаряжения — небольшие рюкзаки, в которые вмонтирована канистрочка с питьевой водой, пить ее можно на бегу через длинную гибкую трубочку, завернутую спиралью.

Главный судья предупредил: не срезать углы, не бежать напрямую, держаться установленных знаков — полиэтиленовых мешочков фирмы «Эурест», наполненных песком. Дело не в том, что кто-то сократит путь — в прошлом году трое бегунов заблудились в пустыне, их искали целый день и нашли в совершенном отчаянии.

Мы бежали по улице Таманрассета. Вдоль тротуара стояли столики кофеен, местные жители приветствовали нас негромкими восклицаниями, на лицах наших болельщиков были доброжелательность и легкое недоумение. Я смотрел на глинобитные домики, на арабскую вязь вывесок, и все это почему-то напоминало мне картины Пироманишвили: легкий гротеск, выдумка, забавные положения, в которые попадают люди.

Десять километров по улице и по шоссе, а потом поворот в пустыню. Контрольный пункт на 12-м километре я миновал ровно через час — это моя обычная скорость. Но после этого отрезка начались пески. Глаза мои не отрывались от дороги, от грунта, я

все время искал твердый наст. Но ступни то и дело погружались в песок. Уже не думал о скорости, о привычном графике, о технике бега. Воздух нагревался стремительно, словно включился гигантский фен. Когда-то я много бегал по песку: в юные годы, занимаясь легкой атлетикой. Я считал такое тренерское задание — кроссы по приморским пляжам — пыткой. Но что значит то давнее «много» по сравнению с сегодняшней дистанцией?

Три часа бега. Под ногами — горячая сковородка. Я искал не только дорогу. Нужно было найти что-то еще, идею, что ли. Другим, наверное, все-таки легче: большинство марафонцев уже далеко впереди, возможно, даже финишировали — для них такой бег есть просто упражнение, требующее мастерства и определенного терпения. А я же, честно всего лишь последовал расхожей рубрике «журналист меняет профессию». Чем же мне питать свою волю? Да тем и питать — намерением пробежать всю дистанцию от первого до последнего километра. Простое это решение вдруг облагородило мое физическое перемещение в иссушенном пространстве. А впереди видны горы, вырастающие из песка. Они причудливы, они исполнены замыслом. Вот скальная гора, похожая на Кремль, и не надо особо напрягать воображение, чтобы представить ее себе такой. Правда, чуть дальше виднеет-

ся скальный массивчик в виде гробика.

Последний контрольный пункт, до финиша 7 километров. На капоте ландровера — пластмассовые стаканчики с чаем, водой, с порошковым апельсиновым соком, можно даже поесть чего-нибудь: сухие хлебцы, кусочки сыра, изюм. Ничего душа не принимает, кроме чистой воды.

Финиш. Главный судья Фура кричит по-русски: «Хорошо! Очень жарко!» Ну что же, первый марафон я пробежал. Хотя не совсем марафон, а всего лишь 35 километров. Но мне уже известно, то, что не добрали, недобежали сегодня, будет прибавлено к длине какого-нибудь следующего этапа.

Открытие: совершенно спокойно можно выкупаться одной кружкой воды. Где-то я читал, что японцы изобрели особый душ: в ограниченном пространстве рассеивается в виде тумана вода, и этот туман эффективно очищает поверхность тела, лучше, чем даже горячая ванна. Здесь такого чудесного устройства нет. Но все равно, пол-литра воды, выделенной для гигиенической процедуры, приносит огромное облегчение, словно в озере искупался.

Следующий этап — покруче. То есть потруднее, потому что покруче в буквальном смысле: 37 километров по горизонтали и 400 метров по вертикали. Таманрассет находится на высоте примерно 1000 метров над уровнем моря, а наш следующий финиш расположен уже где-то на отметке

1400. Начинаются горы. В моем снаряжении две пары кроссовок.

Одни — новые, легкие, на тонкой подошве. В них хорошо бегать по мягкому гладкому грунту. Вторые — погрубее и потяжелее, подошва в них толстая, но они чуть-чуть жмут мне. Вчера я бежал в легких новых, теперь надеваю грубые, тесноватые, но подходящие для каменистой дороги.

Никогда я не подозревал о существовании на земле таких ландшафтов. Проселочная дорога, а по обе ее стороны — бесконечная пашня, поднимающаяся на холмы, уходящая в долины. Но не пашня это, а плоские черные камни — словно взрезанный плугом чернозем. Никогда это поле не даст всходов, не принесет урожая. Во всем круговом обзоре растет единственная бледная былинка. И больше ничего. Излучина реки... Но не река это, а лишь ее песчаное русло. Может быть, и существовала здесь когда-то река, миллион лет назад. По первоначально глядишь — разнообразен рельеф, интересен, но вдруг поймешь, что неживое все это, умертвленное безводьем. Жутковатое приходит на ум сравнение: как после ядерного взрыва — оплавленные камни, гигантские груды расколовшихся гор и ни стебелька тебе, ни птички, ни козявки. Один ты живой от горизонта до горизонта. И еще небо живое, обычное. Но и после атомного взрыва небо останется таким же — независимым, ничего не знающим о наших бедах. Подаль-

ше надо от таких мыслей, от этих мрачноватых мест.

Такие трассы, «пересеченку», я люблю: вверх-вниз, вверх-вниз... На спусках продвигаюсь вперед широким шагом, почти прыжками. На одном таком спуске, длиной километра два, догоняю Франсуа Фаура. Он говорит мне «бонжур», но недоволен — между нами возникло некоторое соперничество. Франсуа — автор этого проекта, этого сверхмарафона. Он — один из руководителей ассоциации «Марафоны и приключения». Работает в какой-то страховой компании, умеет привлечь капиталы на осуществление «авантюры». Вчера Федор спросил у него, почему наша дистанция состоит из тринадцати марафонов. Франсуа объяснил: «Потому что тринадцать — это предел. Больше по горной Сахаре пробежать невозможно. Кроме того, число тринадцать — это дополнительная трудность, а мы ищем новые трудности и неудобства. Когда обсуждался проект, мы послали приглашение американцам. Но они были согласны только на шесть марафонов подряд. После этого я еще более уверился, что надо бежать тринадцать дней».

Франсуа на шесть лет моложе меня, ему тридцать пять. Но ростом он поменьше, а вес у него побольше, даже просматривается животик. Однако бежит резво, ровно. Есть у него одна гордость: несколько лет назад пробежал Нью-Йоркский марафон за 3 часа 15 минут и занял 955-е место. У меня

лучший результат всего лишь 3 часа 24 минуты и какое-то двухтысячное место в Московском Международном марафоне Мира.

И все-таки этот этап я проигрываю французам. Когда бежали по песчаной долине, Франсуа выкатился вперед и понемногу оторвался от меня. И Федор Склокин у меня выиграл. Удивительно, раньше он ни разу не пробегал полного марафона. Но, видно, воскресились, проснулись в нем былые силы — все-таки мастер спорта по лыжам, а лыжники народ двуличный.

Вечером все мы сидим вокруг костра, ужинаем, а главный судья Фура зачитывает результаты. На первом месте Кемаль, на втором француз Жан-Марк Беллок, на третьем чех Томаш Русек... На двадцать втором Теодор Саклин (так почему-то судья называет Федора Склокина), на двадцать третьем Франсуа, на двадцать четвертом — Герадин. Это я. Мое имя при вписывании в протокол претерпело некоторые изменения, а фамилия и вовсе пропала. Просто «Герадин». Так меня все теперь и называют.

Франсуа хочет говорить со мной по-русски. Произносит при встрече слова, которые закрепились в его сознании: «Перестройка! Гласность!» Это наш с ним пароль.

За три дня мы все притерлись друг к другу, общаемся свободно. Например, так. Мне что-то по-французски говорит Филипп Фернандес, я кричу по-немецки стоящему метрах

в десяти Вернеру, чтобы он спросил у Филиппа по-английски, чего он хочет. На помощь приходит и Томаш, который наловчился понемногу разговаривать чуть ли не на всех популярных языках. Постепенно и я вдруг начинаю вспоминать некоторые французские слова — из крылатых фраз (шерше ля фам), из песен. Но возникают некие нити коммуникации и помимо языка. На втором этапе на горном спуске я случайно подфутболил левой ногой крупный камешек. После финиша снял кроссовки, поглядел на свои ступни. Большой палец на левой ноге — синий, из-под ногтя сочится кровь. Зову на помощь врача и массажиста Жан-Поля. Он укладывает меня на матрац, достает ножницы, шприц, скальпель, исследует мои ступни. Потом прощупывает мышцы, связки, находит болевые точки и устраняет их. А утром за завтраком устремляет глаза на мои ступни: как? Я меланхолически покачиваю головой: сносно. Жан-Поль переводит взгляд на мое левое колено, я жестами отвечаю: колено железное. Этот непринужденный диалог продолжается минут пять.

Третий этап, по общему мнению, самый трудный из всех тринадцати марафонов. Мы должны одолеть перевал на отметке 2500 метров. «Скалолазание» — так я называю бег в гору. А спуски — это «дельтаплан», можно добиться ощущения полета, если бежать вниз, не сдерживая себя, не притормаживая.

...На 35-м километре следующего, 45-километрового марафона я почувствовал всю легкомысленность и всю бессмысленность своих сверхмарафонских намерений. Весь мой организм, вся натура вызвала к тому, чтобы сорвать стоп-кран. Солнце палило слева-сзади, на левой голени и левом бедре, на левом локте под кромкой майки появились волдыри. Моя любовь к загару была удовлетворена в полной мере. Но эти боли можно было терпеть, потому что к процессу бега они прямого отношения все-таки не имели. Гораздо хуже было с ногами. Кроссовки ссохлись и сжимали ступни, превращаясь в колодки, в кандалы, хотелось скинуть их и бежать босиком, но острые камни остановили бы меня на первом шаге. Я выглядывал по обочинам верблюжьи следы: верблюды всегда выбирает самый удобный путь, находит мягкий грунт. Но такие следы просматривались редко. Я пытался облегчить свой путь по-другому, меняя стиль бега. Сильно наклонял корпус вперед, как бы падал — чтобы ногам оставалось только догонять тело. Ноги, однако, обмануть не удавалось.

На каком-то километре меня обогнал Франсуа. Он привычно бросил мне через плечо: «Перестройка». Самым значимым в этом привычном уже приветствии была интонация. Соперник сумел произнести это иронично-уничижительно, хотя и сочувствие тоже угадывалось в его тоне.

Требовалось откуда-то взять

силы. Несколько раз меня догоняла замыкающая машина. Сидящие в ней судья и врач предлагали взглядом: «Кончай это дело. Поехали на обед». Я вспомнил идею, которая питала меня прежде: пробежать все тринадцать марафонов. Но она затерялась, выгорела, иссушилась. Мне бы еще какую-нибудь энергетическую мысль. Нужно занять сознание размышлением на постороннюю тему. Доказано, что медленный продолжительный бег может привести человека в состояние восторга и даже эйфории, поскольку такая нагрузка способствует накоплению особого гормона — эндорфина. Он благотворно влияет на творческое мышление. Некоторые ученые потому и увлечены длительными пробежками, что на бегу хорошо думается, приходят озарения, бег становится как бы Ньютоновым яблоком. Я бегу пятый час, эндорфин должен быть освежающей струей. Но не было ни эйфории, ни малейшей даже радости. Беспросветная тоска. Поражение... Да, обыкновенное поражение. Вполне закономерное и неременное жизненное обстоятельство. Жизнь без поражений невозможна. Меня сейчас побеждает солнце, каменная дорога, меня побеждают даже мои кроссовки. Я сейчас в стадии поражения. Накануне поездки в Сахару я испытал поражение дома, в Москве — проиграл схватку людям, которых считаю бесчестными. Они оказались не сильнее — хитрее, изощреннее в способах борьбы. Они нанесли пораже-

ние и другим людям, отстаивающим правду. Переживаем эту стадию. Нужно медленно выкарабкиваться из поражения, как из пропасти. Нельзя останавливаться, падать, говоря, что устал. У меня есть снимок из журнала: человек бежит марафон, а вместо левой ноги у него протез. Этот человек преодолел поражение. А у меня, слава богу, обе ноги целы.

Из идущей рядом машины высовывается водитель-туареж, показывает на пальцах: три километра осталось, совсем пустыяк.

Оазис. Крохотное озеро в окаймлении каменных террас, среди которых пробивается богатая растительность, есть даже пальмы. Я впервые за все эти дни вижу открытую живую воду — не из канистры она течет, а пробивается меж камней и тоненькой струей падает в озеро. Я захожу в него все глубже, вот уже и нырнуть можно, она холодная, родниковая, она снимает с меня жар пустыни. А потом сижу на теплом камне и наблюдаю, как рождается озеро. Меж камней три крохотных русла, но вода течет только по одному из них. Два других пересохли, но видно, что еще недавно — может, месяц назад, может, год, а может, и десятилетия — ручей был втрое сильнее. Ширится пустыня. Каждый год Сахара продвигается вперед на немалое расстояние...

После четвертого марафона не стало легче, не наступил перелом, не миновала мертвая точка. Следовали этапы — 47

километров, 45, 48... Франсуа всякий раз обгонял меня. Ни одного километра нормальной дороги. Если составлять перечень земных поверхностей, по которым бегать противопоказано, то все здешние дороги в него войдут — камни, сыпучий песок, скальный грунт. Из двадцати четырех бегунов трое уже брали тайм-аут, пропускали тот или иной этап, проезжая его на машине. После купания в оазисе, холодном озерце, все кашляют и чихают — простудились. У меня обнесло лихорадкой губы, побаливает горло, но всякие боли, недомогания — это ерунда по сравнению с накапливающейся усталостью, она есть основная безжалостная болезнь. У многих бегунов всевозможные жгуты и повязки на ногах. И чем дальше, тем бережнее и душевнее все мы относимся друг к другу. Уже никого ни о чем не нужно просить. Каждый раз перед стартом Вернер протягивает мне баночку с солнцезащитной эмульсией. Француз Андре Сурон припасет мне место для отдыха и ночлега, зная, что я прибегу последним. Мы не привередничаем, если нечем помыть тарелки, кружки и вилки — пользуемся немытыми, не брезгуем. Это очень напоминает мне армию, полевые учения, когда все становятся братьями, когда пронизываешься убеждением: идеальная гигиена — это не есть мерило чистоты человеческих отношений.

Шестой, седьмой, восьмой марафон... После восьмого сошел с трассы Федор Склокин

и еще двое. Как ни странно, Федор пострадал из-за того, что постепенно втянулся в ритм сверхмарафона или, говоря по-спортивному, вошел в форму. Поэтому бежал довольно быстро, особенно на спусках, при этом ступню ставил на грунт жестко, с размаху, эти бесчисленные удары и привели к воспалению надкостницы на левой голени. Федор едва дохромал до финиша восьмого этапа.

Постепенно я перестал воспринимать сверхдолгий бег как исключительное состояние. Хотя и уставал по-прежнему, но привык к усталости, смирился с ней. Реже смотрел под ноги, доверяя им. Бег мой стал мягким, стелющимся. Освободившиеся от нудной работы глаза теперь чаще обращались к окрестностям. Особенно занимали меня изредка попадавшиеся на пути деревни туарегов. То совершенно сухие, без единого деревца — воду сюда привозят в цистернах. То пышные — с пальмами, с деревьями, похожими на наши южные тополя, значит, есть колодцы, под Сахарой ведь море пресной воды, только трудно к ней пробиться. Детишки неутомимо сопровождали каждого из нас по нескольку километров, шлепая босыми ногами по раскаленному песку, по камням. Когда-нибудь эти места непременно подарят миру олимпийских стайеров-победителей. Один из жителей пустыни наш сподвижник Камель уже подтверждает это предположение, выигрывая этап за этапом. Но,

хотя Камель был привычен к здешнему солнцу, нос его все равно обгорел, как и у всех прочих. Деревни имели такой же вид, как, наверное, и сто, и двести лет назад: глинобитные домики под цвет местности, какие-то подсобные строения из камыша. Но однажды это однообразие нарушилось решительным образом: на пригорке я обнаружил суперсовременное создание — экран энергетической установки, обращенный к солнцу. А поблизости полулежал на глиняном пригреве пожилой туарег и глядел на странных бегущих людей, глядел не просто с бугорка, а как бы с позиции вечности — так спокоен, умиротворен был его взор. Он считал благом цивилизации солнечную батарею, ибо она собирает дневное тепло, чтобы возвращать его по ночам. А ради чего мучаются на жаре пришедшие из далеких стран люди?

Действительно, что это все-таки за блажь, 555-километровый бег по Сахаре? В чем его предназначение и общечеловеческая ценность? И ведь что еще удивительно: за участие в нем надо платить 10 тысяч французских франков. Потому что средств, выделенных спонсорами, все-таки не хватает. Правда, не все бегуны сами выплатили эту сумму. За меня и за Склокина взнос сделала алжирская федерация «Спорт и труд» — по договоренности с нашим ВДФСО профсоюзов. Некоторых сильных бегунов финансировала французская ассоциация «Марафоны и при-

ключения». Других взяла на обеспечение известная фирма «Атлет Фуд». За участие двух французских бегунов уплатили их муниципалитеты — в награду за то, что эти ребята в свободное время помогают в организации массовых соревнований по бегу. Среди участников нет ни одного профессионального спортсмена, все где-нибудь работают. Жан-Марк Беллок — инженер на фармацевтической фабрике. Вернер — инструктор физподготовки в полицейском подразделении города Саарбрюкен. Андре Сурон — булочник в предместье Парижа. Филипп Фернандес водит электровозы на линии Париж — Лозанна. Кароль Коконд — инструктор горнолыжного спорта в Гренобле.

Периодически газеты мира сообщают о закате оздоровительного бега, о том, что это увлечение вытесняется другими. Попадают и сенсационные откровения: длительный бег вреден для здоровья.

В Сахаре я разговаривал со всеми своими спутниками-бегунами. Ни один из них за последние годы не потратил ни гроша на врачей. Растет тираж специальных журналов для бегунов — этот показатель служит одновременно индексом растущей популярности бега. Ныне он становится не только движением во имя здоровья, но даже и общественным движением. Это и общение, и обретение жизненных впечатлений, и возможность поставить себя в необычные обстоятельства, придать собственной жиз-

ни новое измерение. Вообще-то первоначально бег кажется скучным монотонным занятием. До интереса, до благих эмоций нужно добежать, преодолеть скучное расстояние. Чтобы возбудить к бегу интерес у неискушенных и пассивных, нужны трюки, подобные 13-кратному марафону по Сахаре или пробегу по Великой Китайской стене. Франсуа Фаур, человек в этих вопросах искушенный и пользующийся у себя на родине доверием общественности, считает, что теперешний сахарский марафон, в котором участвуют 24 человека, призовет к занятиям бегом не меньше десятка тысяч его соотечественников. Есть здесь некий психологический механизм воздействия на массовое сознание. Мы же привыкли думать, что для пропаганды оздоровительного бега нет ничего эффективнее массовых маршей по городским улицам, когда каждое профтехучилище, каждая школа, фабрика, воинская часть должна, согласно разнарядке, выставить столько-то участников. Ко всякого рода экзотике, ко всему необычному отношение у большинства физкультурных руководителей настороженное. Есть и у нас интересные находки. Пробег по льду Ладожского озера, по Дороге жизни. Стокилометровка вокруг Одессы. Бамовский клуб любителей бега «Багульник» проложил трассу соревнований прямо по шпалам. Но таких примеров мало. В развитых странах плотность их неизменно выше: суточные и двухсуточные забеги,

эстафеты вокруг городов и из города в город, официанты бегут по улицам с подносами в руках, а пожарники — в касках и с длинными лестницами. Мы же на этот счет держим про запас ухмылку: «Их нравы». Но столь ли порочны подобные нравы? Или, может быть, порочно наше скудоумие, если мы хотим завлечь людей в физкультуру лишь месячниками и декадниками, провозглашенными на совещаниях и обеспеченными лишь постановлением?

Нам нужны и соревнования с приглашением иностранных любителей. Если звезды-профессионалы нашими турнирами пренебрегают (маловато у нас валюты на призы), то рядовые физкультурники едут охотно, да еще и платят за участие (пример: Московский Международный марафон Мира).

В Сахаре почти все французские бегуны просили нас: «Организуйте пробег по Сибири, мы сами приедем и еще много друзей с собой привезем».

Естественно, на этом мы, то есть организаторы, можем заработать, и неплохо. Не хватает гостиниц? Стесняемся нашего сервиса, самого ненавязчивого в мире? Но видно же из этих замечаний, что мы имели в Сахаре по части сервиса. И никто не жаловался, все были рады и даже счастливы. Если говорить о трудностях, которых жаждут любители такого рода мероприятий, то здесь у нас просто бесценный опыт. Трудности обеспе-

чим. Особенно если за них хорошо заплатить.

Мы ночевали в русле пересохшего ручья, на его песчаном дне. Таких русел здесь бесчисленно. Если бы они хоть по щиколотку заполнились водой, вся здешняя природа сказочно преобразилась бы. Ночью было душно, я выбрался из спальника, лежал поверх него. Что-то легкое стукнулось мне в щеку, вроде как дождевая капля. Но, согласно шкале чудес, скорее следовало ожидать падения метеорита на щеку, а не дождя. И все-таки это был дождик, но скудный: по капле в минуту. Ничего он не мог изменить в этом мире. Вскоре послышались призывные крики Франсуа: он велел побыстрее грузить вещи в машины. Изредка гремел гром, но как-то ненатурально, бутфорски. Когда рассвело, мы с интересом разглядывали небо. На нем теснились разнообразные облака, но продолжал властвовать голубой фон, и в надвигающуюся грозу не верилось. Франсуа во время спешного завтрака объявил: стартуем как обычно, но если будет сильный дождь, машины снимут нас с дистанции.

Я пробежал километров десять, когда робкое накрапывание усилилось. Запахло прибитой дождиком пылью, как где-нибудь на наших среднерусских проселках. Это мимолетное обстоятельство привело меня в патристическое настроение и придало сил. Вскоре я обогнал Франсуа, чему он весьма удивился, позабыв свое обычное приветствие. Дождь стал оче-

виден, явствен. Я снял майку, фуражку и бежал, принимая теплый душ, о чем мечтал уже вторую неделю, жаль только, мыла у меня при себе не было. Но скоро обнаружились неудобства, связанные с этим благом. На дороге появились лужи, грунт раскис, я поскользнулся и упал, разбив в кровь колено. А дождь набирал мощь и чем сильнее становился, тем и холоднее. Иногда слышался нарастающий гул, я оборачивался, думая, что меня догоняет машина. Но вскоре разобрался: это гудела вода в каменных руслах, они все чаще пересекали дорогу. До финиша оставалось километра три, когда я остановился в беспомощности. Дорога представляла из себя коричневую жижку с торчащими из нее скользкими камнями. Сахара просто издевалась над нами: не взяла сущью, жаждой, пылью — решила утопить. Но в машину я все равно не сяду, тем более что ее не видно. Надо было что-то придумывать, не стоять же на месте. И в какой-то момент отчаяния я решил бежать с закрытыми глазами. Странная была логика: все равно глаза не помогут выбрать дорогу, а станут лишь препятствовать движению. Правда, таким образом мне удалось пробежать всего метров пять, и я открыл глаза, но бег не прервал.

Очередной наш бивуак — в заброшенной казарме военной части, которая некогда базировалась в долине, прикрытой горами. На цементном полу стояли лужи, дождь проникал через прорехи в крыше, через

оконные и дверные проемы, но уже одно присутствие цивилизации создавало ощущение щита. Мы почти все спали в одной комнате, лежали впритирку, нельзя было шевельнуться, чтобы не потревожить соседа. Иногда кто-то вскрикивал или бормотал что-нибудь на своем языке, раздавался интернациональный храп. Это не лучшие из колыбельных песен, я никак не мог заснуть. К тому же, мешал беспрерывный гул, едва улавливаемый ухом, скрытый и потому тревожный. Я пробрался к выходу и постоял на пороге. Гул слышался отчетливее, невидимые в темноте потоки устремились с гор в долину, заполняли русла. Вокруг казармы, стоящей на небольшом возвышении, была вода. В книжке про Сахару написано: «Здесь больше людей тонет, чем умирает от жажды». Оказывается, ничего парадоксального в этой фразе нет. Если дождь не прекратится, то нас может просто затопить в этой долине, сухое русло станет нормальной рекой.

К утру дождь утих. Но стартовать мы смогли только в двенадцать часов, когда чуть подсохло. Франсуа сказал, что протяженность этапа неизвестна, все зависит от состояния дороги. Возможно, придется ограничиться двадцатью километрами, но тогда на следующий день будем бежать больше шестидесяти.

В этот день дождь нам не очень досаждал, но Сахара придумала другое: ударила в нас на горном перевале снегом, даже метелью, длящейся,

правда, лишь несколько минут. Мои руки и ноги посинели от холода, и никакого загара на них не просматривалось. Мы пробежали 38 километров и остановились на ночевку у подножия горы на небольшом плато.

Ветер, дождь, снег — все стихии сплотились, чтобы покарать пришельцев. Мне казалось, что ветер выдует, вышвырнет нас из грота. Но это были лишь преувеличенные страхи. По-настоящему худо пришлось нашим товарищам, ночевавшим в палатках.

Утром несколько марафонцев забастовали: заявили, что двенадцатый этап никто бежать не должен — позади тяжелая бессонная ночь, отобравшая много сил. Депутация опросила всех. Я ответил путано, намеренно мешая русские, немецкие и английские слова. Но про себя знал: марафонов у меня должно быть тринадцать, иначе — проиграл. Мудрый Франсуа нашел решение: бежим полный марафон, но медленно, без учета времени, без соревнования.

Все складывалось на удивление сюжетно, как в голливудском фильме: сначала ровная, но многообещающая завязка, далее ухабы, порушенные мосты, молнии и прочие ухищрения судьбы, но в конце — райские кущи, воздаяние за пережитые мытарства. Двенадцатый день казался воистину хеппи-эндом (хотя предстоял еще и 45-километровый финишный рывок). Неторопливый бег по теплым, ожившим после ливней долинам, нередко дорога шла в тени пальм и других

пышных деревьев. Все время путь наш был под горку, марафон мы пробежали быстро, и у нас оставалось еще несколько солнечных часов, чтобы искупаться в образовавшейся речке и позагорать. Правда, речка мелела на глазах, источалась, как наше сахарское время. Завтра сразу после финиша нам с Федором лететь в Алжир, а там пересадка на московский самолет. Остальным предстояла еще одна ночевка в пустыне.

...Тринадцатый марафон (45 километров) я намеревался пробежать неспешно, чтобы насладиться напоследок Сахарой, в которой вряд ли когда удастся побывать. Но одно обстоятельство грозило нарушить гедонистические планы. Я выиграл у Франсуа десятый, одиннадцатый и двенадцатый этапы, честолюбие его было ущемлено, и значит, он захочет отыграться, затеет состязание, которое измотает нас обоих вконец. Мне вовсе не хотелось, чтобы где-нибудь на середине последней дистанции он, обгоняя меня, осведомился о темпах перестройки. Альтернатива: сразу со старта отпустить его вперед, не гнаться за ним — пусть побеждает. Или же рвануть самому, чтобы обескуражить, ввести в заблуждение соперника, — пусть думает, что у меня открылось второе дыхание.

Бежалось мне и впрямь легко, на первых двадцати километрах я шел вровень с сильными марафонцами, спины которых прежде видел только на стартовых километрах. На

буграх, на возвышенностях я оборачивался, пытаюсь отыскать взглядом Франсуа, он отставал — километра на два, на три. Может, Франсуа и не помышлял о реванше — это моя выдумка. Самый трудный отрезок последнего этапа — километров десять по пескам. Едва заметный глазу, но хорошо ощущаемый ногами подъем. И солнце, солнце, солнце, иссушающее, испепеляющее. Я пытался обмануть себя: осталось двадцать километров, вообрази, что только что вышел на старт, двадцать километров — это же пустяк. Не проходила эта хитрость: думалось не о том, что впереди лишь двадцать километров, а о том, что позади пятьсот тридцать пять. Эти цифры, 535, как бы поменяли наименование, представ в сознании не километрами, а килограммами: полтонны груза на плечах... Бедра не хотели подниматься, ступни вязли в песке. Приходила бредовая мысль: развязать длинные шнурки на кроссовках, взять концы в руки и тянуть их на каждом шаге вверх. Помогать руками ногам, взять ноги в руки. Нет, никакого подобия велосипеда мне не изобрести. Дано одно средство движения — бег. На тридцать пятом километре, выпив три стакана сладковатой смеси, я обернулся и вдруг увидел Франсуа! Он был совсем близко, метрах в трехстах. О боже, значит, я не ошибся — он хочет догнать меня, ему не важно обойти других марафонцев, он соревнуется только со мной. Отбежав полкилометра от пи-

тательного пункта, я еще раз обернулся. Обычно Франсуа делал остановку минуты на три возле машины, подкреплялся, отдыхал. На этот раз он и десяти секунд не простоял — бросился в погоню. За мной. В этом уже нет никаких сомнений.

Я напряг свое воображение — это было моим последним ресурсом. Осталось десять километров, эти начальные десять километров, обыкновенная моя утренняя норма, даже меньше того. Мне же очень легко бежать, за эти дни похудел килограммов на пять — значит, мне действительно легче передвигаться в пространстве. Пять километров осталось. Иногда я незаметно оборачиваюсь: Франсуа бежал в моем темпе, мне даже казалось, что я вижу его ожесточенное лицо. Ну нет, не дам я ему произнести при обгоне: «Перестройка»... Упаду без сознания — но не услышу той интонации. Меня догнала машина: Клод из французского посольства объясняет по-английски, что через час отправляется самолет на Алжир, мне нужно срочно, сейчас же ехать, вещи мои уже в аэропорту. Ну нет, братцы, это невозможно: я пробежал пятьсот пятьдесят три километра, а последние два поеду на машине? Нет. Дайте мне еще десять минут.

Впереди меня двое: Жан-Клод и Андре. Жан-Клод хромотает на левую ногу. Андре — на правую. Но благодаря тому что бегут они вместе, рядом, создается впечатление симметрии и даже гармонии. Они обо-

рачиваются, что-то кричат мне. Чуть замедляют шаг, машут руками: подтягивайся, догоняй. Догоняю, они смотрят на меня, улыбаются. Жан-Клод показывает рукой: линию финиша пересечем одновременно. До нее десять метров, пять, три... Андре начинает всхлипывать, закрывает лицо руками. Его фотографируют репортеры. Редкий, выигрышный кадр:

крепкий парень с изможденным лицом, победитель пробега по Великой Китайской стене, плачет... Я стараюсь прикрыть Андре от фотообъективов, хотя и мне вот-вот передастся его реакция. Но тут подъезжает машина, я спешно сажусь в нее и думаю уже о том, что завтра буду в Москве. Другой награды за тринадцать марафонов мне не надо.

ЛИЗА ТРУНК

КАК ВАЖНО ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СИЛЬНОЙ... *

Даже студентам — будущим юристам известно, что невольными «виновниками» криминогенной ситуации нередко становятся сами жертвы — неадекватность их поведения как бы провоцирует преступника... Особенно часты такие ситуации в случаях изнасилования. Известно это и профессиональным педагогам, однако, как это ни печально, дальше их осведомленности дело пока не идет, и некоторым, правда сомнительным, но все же утешением может служить лишь тот факт, что мы не одиноки в фарисейском замалчивании этой проблемы. И все же дело, кажется, готово сдвинуться с места — об этом, по крайней мере, свидетельствует репортаж западногерманской журналистки.

...Сильке собрала свои длинные волосы в «хвост» и с независимым видом прислонилась к стене. Рядом с ней — ее одноклассницы. Но вот к ним приближаются четверо мрачных типов. Рука одного из них ложится на плечо Сильке. «А ну убери лапу!» — в то же мгновение кричит она. От неожиданности парень тушует, убирает руку. Сильке и ее подруги смеются.

Это — ролевая игра, в которой участвуют шестнадцать учениц школы города Хюрт, что близ Кельна. Здесь введен новый предмет — называется он «Самозащита и самоутверждение для девочек». Предмет этот преподается два раза в неделю: в физкультурном зале девочки разыгрывают ситуации, которые могут возникнуть в вечерние часы на улице, в общественном транспорте, на дискотеках.

* Перевод с немецкого А. Анина.— Прим. ред.

«Однажды вечером на станции метро меня схватил мужчина,— рассказывает Ирис,— я ужасно перепугалась. Но больше всего меня потрясло то, как вели себя люди вокруг. Все сделали вид, что ничего не замечают. Никто не пришел на помощь».

Теперь, пожалуй, Ирис бояться нечего. Пройдя курс нового предмета, она овладеет способами психического и физического ведения самозащиты. Главное здесь — обрести уверенность в себе. Эта стройная, симпатичная девушка делает большие успехи. «Если что-нибудь подобное случится снова,— говорит она,— я заранее сочувствую этому наглецу». Что же именно она предпримет? Может быть, сначала попытается ошарашить его громким окриком, а если эта попытка образумить наглеца не возымеет успеха, в запасе есть и кое-что другое: «Я знаю, куда бить, чтобы сделать больно».

Система защиты, которой обучаются девочки, изобретена в Канаде и называется «вендо». Это — целый комплекс чисто словесных приемов и приемов рукопашного боя. Сначала нарабатывается определенная степень агрессивности — иначе невозможно защитить себя. «Такие традиционные виды единоборств, как дзюдо или каратэ, базируются на определенной физической подготовке, терпении, ловкости и благородстве,— говорит тренер по вендо, Дэнни Петрат, ведущая занятия в школе.— Что ж, благородство в спорте и в жизни — черта необходи-

мая. Но девочки в переходном возрасте часто чересчур закомплексованы. Их положительные качества — интеллигентность, вежливость — блокируют способности к контрагрессии и самозащите».

«Конечно, непросто из всех сил ударить кого-то под коленку,— говорит Натали,— мы же девочки, нас не воспитывали в таком духе. От нас требовали, чтобы мы всегда были милыми, дружелюбными существами. Но в итоге — и беззащитными...»

Насколько успешно «милые и дружелюбные существа» приобретают новые для себя качества, занимаясь вендо?

Судя по всему, здесь все в порядке. Прежняя застенчивость, страх повстречаться один на один с мужчиной в темном переулке — все это бесследно проходит. «Если кто-нибудь пристанет ко мне со всякими глупостями, тут же получит сдачи», — уверяет Клаудиа. Свои приемы девочки отрабатывают в физкультурном зале, занимаясь на матах парами. Ирис изображает агрессора. Подойдя сзади к Клаудии, она пытается обнять ее — мгновенно Клаудиа наносит удар с разворотом — левой ногой под коленку. Обе падают. «Этот прием мы еще не очень отработали», — извиняется Клаудиа. — Но ничего, еще целый учебный год впереди».

Пока что «Самооборону и самозащиту для девочек» изучают только в этой немецкой школе. Но вполне возможно, начинание это обретет большую популярность. По край-

ней мере, в крупных городах, где проблема молодежной преступности встала очень остро. А инициатором введения нового предмета в школьную программу в Хюрте стал сорокапятiletний Гинстер Фоттелер, два с половиной года проработавший в городской мэрии. Когда он пришел сюда, в городе было неспокойно, особенно вечерами. Полиция прилежно фиксировала рост числа изнасилований... «Вот мы вместе со стражами порядка и прикинули, что можно было бы сделать в борьбе с хулиганьем, ведь полицейские не всегда могут вовремя поспеть на помощь,— рассказывает Фоттелер.— Сначала в школе был организован курс лекций для девочек. Полицейские учили, как вести себя в критических ситуациях. Потом уже возникла идея организовать практические занятия...»

В одном из сообщений федеральной уголовной полиции Фоттелер прочел, что большинство мужчин, замысливших нападение на женщину, начинают с разговора с ней: пытаются выяснить, подходит ли она на роль жертвы. Если собеседница выдает свой страх, ведет себя неуверенно, нападение, можно сказать, уже спровоцировано. Ну, а получив резкий отпор, потенциальный агрессор чаще всего отступает.

«То, что произойдет (или не произойдет), решается, как правило, в первые секунды контакта между потенциальными жертвой и преступником»,— объясняет девочкам Мартина Эвенц, работающая здесь педагогом-психологом. Вместе с

тренером по вендо она разработала программу психологической подготовки.

Опыт показывает, что в опасных ситуациях дело далеко не всегда доходит до рукопашной. Иногда вполне достаточно нескольких слов — надо только знать, каких именно. И уметь произнести их правильным тоном. Слова эти должны действовать убеждающе. «На прошлой неделе в трамвае я очень громко спросила, кому это принадлежит рука, что легла на мое колено,— рассказывает одна из девочек.— Парень, сидевший рядом, весь покрылся пунцовой краской и вышел на первой же остановке».

Что касается Ирис, то ей пока не пришлось применять свои умения на практике. Только дома она кое-что продемонстрировала родным. «Папа был потрясен, когда я ребром ладони перерубила деревяшку толщиной в два сантиметра». А ведь вначале, когда занятия по вендо только начинались, девочки откровенно не верили в то, что смогут проделать хоть что-то подобное.

Гинстер Фоттелер намеревается распространить опыт, накопленный в Хюрте, по всем школам ФРГ. Но вот одноклассники Клаудии, Ирис и других девочек обратились к нему с «письмом-воззванием», в котором задавался вопрос, нельзя ли организовать нечто подобное и для юношей. Например, занятия под девизом: «Как защитить себя от девушки, прошедшей курс вендо?» Что и говорить, вопрос не лишен оснований, считает Фоттелер...

СОДЕРЖАНИЕ

ОЛИМПИЙСКАЯ ТРИБУНА

День минувший, век грядущий. В. Гескин	4
Возможен ли гуманизм в современном спорте? А. Исаев	18
ЗВЕЗДЫ ЗАРУБЕЖНОГО СПОРТА	
Миллион за улыбку. В. Кучмий	33
Пеле и Тайсон в Москве. М. Михайлов	44
«Двойка» за... призвание. И. Фейн	53
Секрет внутренней силы. Ч. Норрис	64
Кто вы, товарищ барон? Б. Тосунян	74

ПРОБЛЕМЫ — РАЗМЫШЛЕНИЯ

Профессионалы ли наши «профессионалы». Д. Рыжков	82
--	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Смерть на стадионе. А. Имерманис	97
Обман. И. Колафа	151
Из нашего портфеля: Встречный удар. Л. Хесслинд	157

НА ПЯТИ КОНТИНЕНТАХ

Дорога в тысячу ли. М. Шлаен Пекинский марафон. К. Цзешэн	167
	174

СПОРТ ДЛЯ ВСЕХ

В школе, на производстве, на пенсии... Н. Кондрашова	191
Тринадцать марафонов по Сахаре. Г. Швец	205
Как важно чувствовать себя сильной... Л. Трунк	221

Массово-политическое издание

ОЛИМПИЙСКИЙ ГЛОБУС

Составители:

Исаев Анатолий Анатольевич

Лопатенко Николай Борисович

Зав. редакцией В. Л. Штейнбах. Редактор А. Е. Касаткина. Мл. редактор А. Ю. Матвеева. Художник Е. Л. Вельчинский. Художественный редактор Л. Д. Чельцова. Технический редактор Т. К. Верёвкина. Корректоры В. К. Ячковская, Н. А. Карелина, С. В. Трушкина.

ИБ № 2752. Сдано в набор 22.03.90. Подписано к печати 05.09.90. Формат 60×90/16. Бумага кн.-журн. Гарнитура Журнальная рубленая. Офсетная печать. Усл. п. л. 14,0. Усл. кр.-отт. 15,0. Уч.-изд. л. 14,35. Тираж 50 000 экз. Издат. № 8443. Зак. 206. Цена 2 руб.

Ордена Почета издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по печати. 101421, Москва, Каляевская ул., 27.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Общественная типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28.

2 руб.

ЗАРУБЕЖНЫЙ СПОРТ

ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ

1

Олимпийская трибуна

2

Звезды зарубежного спорта

3

Проблемы-размышления

4

Литературные страницы

5

На пяти континентах

6

Спорт для всех

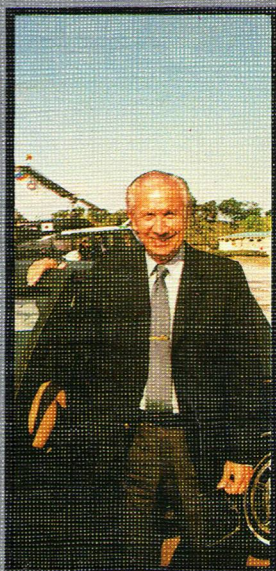
В выпуске:

Очерки о звездах профессионального велоспорта, о Пеле и Тайсоне, об игроке НБА Д. Шремпфе.

Воспоминания американского каратиста и киноактера Чака Норриса.

Политический детектив А. Имерманиса «Смерть на стадионе».

Рубрика «На пяти континентах» посвящена спорту Китая

• Физкультура и спорт •